

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

На правах рукописи

Кретов Владислав Александрович
КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКИХ
ВЛАСТЕЙ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ (1863–1872 ГГ.)

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор факультета истории ЕУСПб
Миллер Алексей Ильич

Москва, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Формирование новой системы управления Царством Польским в ответ на восстание 1863–1864 гг.	59
§ 1. Политика властей в крестьянском вопросе до 1863 г.	
§ 2. Борьба повстанцев и Петербурга за польского крестьянина как стимул к реформам в Царстве Польском	65
§ 3. Властные структуры, порожденные крестьянской реформой в Царстве Польском	95
Выводы	110
Глава 2. Политика воспитания крестьянской лояльности посредством гминных институтов	115
§ 1. Образ лояльного крестьянина на страницах газеты «Русский инвалид»	
§ 2. Дисциплинирование гминных учреждений	123
§ 3. Гминные институты и крестьянские комиссии как система коммуникации власти и крестьян	142
Выводы	155
Глава 3. Политика идентичности в отношении крестьян в Царстве Польском	159
§ 1. Проект формирования «другой польской нации»: между деполонизацией и реславизацией	
§ 2. Переход к политике административной русификации образования и управления	186
§ 3. Попытка проведения ассимиляторской политики в отношении униатов	205
Выводы	231
Заключение	234
Список источников и литературы	239

Введение

Январское восстание 1863 г. во второй раз в XIX столетии поставило под вопрос основания российской власти на землях бывшей Речи Посполитой. Западный Край, т.е. территории, присоединенные к империи в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., уже до восстания 1830–1831 гг., и тем более в последующие годы, воспринимался как исконно русская территория, отторгнутая от национального тела. Ожесточенный конфликт за эти территории между русским и польским национализмами, начавшийся в результате восстания 1830–1831 гг., в 1860-е гг. значительно обострился. Царство Польское, присоединенное к империи в 1815 г. по результатам Венского конгресса, напротив, признавалось польской территорией, и русские общество не заявляло на него подобных претензий. В 1815–1830 гг. оно фактически представляло собой конституционную монархию, связанную личной унией с Российской империей. Польское восстание 1830–1831 гг. подорвало систему непрямого правления¹ с опорой на местные элиты не только в самом Царстве Польском, но и на других западных окраинах империи (Бессарабия, Финляндия), где российские власти также стали отказываться от экспериментов с региональными автономиями². На протяжении четверти века после подавления восстания наместник И.Ф. Паскевич осуществлял прямое военно-полицейское управление Царством Польским. За поражением в Крымской войне и отменой военного положения на территории Царства Польского в 1856 г.

¹ Ч. Тилли описывает империи как крупные сложносоставные политии, в которых провинции связаны с центральной властью системой непрямого правления. Согласно его определению, имперские власти, сохраняя за собой военный и экономический контроль, как правило, допускают две ключевые составляющие системы непрямого правления: «(1) сохранение или установление особых соглашений для управления каждой частью [империи]; и (2) осуществление власти через посредников, которые пользуются значительной автономией в своих собственных доменах в обмен на подчинение, выплату дани и военное сотрудничество с центром» (*Tilly C. How Empires End // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / Ed. by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, 1997. P. 3*).

² *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 118.

последовал поиск нового режима управления, результатом чего стала попытка частичного восстановления автономии Царства под руководством Александра Велёпольского в 1861–1862 гг. Эта попытка возврата к непрямому правлению была сорвана начавшимся в январе 1863 г. восстанием.

Кризис российской власти в Польше в 1863 г. был достаточно серьезным, чтобы побудить прусские власти, польскую эмиграцию и некоторых советников наиболее влиятельных петербургских чиновников всерьез рассматривать возможность оставления Россией Царства Польского³. В августе 1863 г. Александр II перед направлением Н.А. Милютина в Варшаву для подготовки крестьянской реформы счел нужным подробно изложить ему причины, которые заставляли Петербург отказаться от уступки Царства: «Польшей я не дорожу, ты знаешь сам, кроме забот и оскорблений она ничего не приносит нам. Но разве можно думать об отделении? [...] Я считаю, что Александр Павлович сделал большую ошибку, создавши Царство Польское; можно было бы поступить иначе. Но теперь нам ничего не остается делать, как держать его силою оружия. *Nous ne pouvons pas avoir l'air de céder devant des menaces*⁴. И я наконец не считаю себя в праве жертвовать народным самолюбием. Да и точно ли мы выиграем при отпадении от нас Польши? Спокойствие будет недолговременно. Мы уже проучены историей»⁵. Ожидание неизбежного продолжения борьбы с польским национализмом за влияние в губерниях Западного края, которые в польской традиции считались «восточными кресами» — окраинами бывшей Речи Посполитой, заставляло власти отказаться от мысли о потере контроля над Царством Польским.

³ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 137–141; *Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*. Kraków, 2000. S. 429–430; Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. С. 182–183.

⁴ *Фр.*: Мы не можем показать, что поддаемся угрозам.

⁵ Записки М.А. Милютиной // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1144. Л. 7 об. – 8.

Одновременно с подготовкой восстания в Варшаве шли ожесточенные споры о характере крестьянской реформы: в Царстве Польском реформа не была проведена одновременно с остальной империей в 1861 г. Проведение крестьянской реформы давало властям возможность создать новую лояльную группу подданных, которая могла бы стать опорой для меняющегося режима управления краем. Крестьянская реформа, осуществленная в 1864 г. по сценарию властей, с самого начала задумывалась как не только социально-экономический, но и **политический** проект.

Такое изменение российской политики в Польше в 1860-е гг. нельзя назвать беспрецедентным. При подготовке реформ, которые должны были противопоставить интересы крестьян и нелояльной польской шляхты, российские чиновники как в Западном крае, так и в Царстве Польском ориентировались на опыт аналогичной политики в Австрийской империи⁶. Защита интересов низших слоев населения — польских и русинских крестьян и евреев — от притеснений со стороны шляхты использовалась австрийскими чиновниками в качестве обоснования власти империи над Галицией с самого ее присоединения в 1772 г.⁷ Конфликты империи с польским и венгерским дворянскими национализмами сначала в 1846 г. в Галиции, а затем в 1848–1849 гг. в землях Венгерской короны привели к резне «верными императору» (*нем.* *kaisertreu*) крестьянами польских и венгерских помещиков и горожан. Эти события были использованы австрийскими властями как наглядная демонстрация возможностей империи проводить политику вопреки интересам нелояльного дворянства. Наконец в результате подавления революции 1848 г. и венгерского

⁶ О заимствовании австрийского опыта при обсуждении проектов изменения отношений между белорусскими и литовскими крестьянами в Северо-Западном крае см.: Западные окраины. С. 168. Об осмыслении австрийского опыта при подготовке реформы в Царстве Польском см. пар. 1.2.

⁷ *Wolff L.* The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford, 2010. P. 13–62.

восстания 1848–1849 гг. в 1850-е гг. неоабсолютистский режим министра внутренних дел Александра фон Баха и министра-президента Феликса Шварценберга пошел на «австрийский эксперимент» с опорой монархии на просвещенное чиновничество в противовес старым дворянским элитам⁸.

Сравнение с политикой Габсбургов в отношении групп населения, считавшихся «лояльными императору», важно для понимания характера тех задач, которые ставили перед собой авторы и исполнители реформ в Царстве Польском. Российскую политику в крестьянском вопросе, проводившуюся в 1864–1871 гг. Н.А. Милютиним и его сторонниками в Учредительном комитете в Варшаве, польские исследователи также описывали как «социологический эксперимент»⁹ и «проект социальной и культурной инженерии»¹⁰. В основе новой политики было прямое взаимодействие русских чиновников с крестьянами и идея трансформации польской национальной идентичности с целью привить массам польского простонародья лояльность российской монархии. Славянофильские идейные корни этой политики подробно описаны в историографии¹¹. Эта диссертация посвящена изучению бюрократической практики ее реализации и дальнейшей трансформации политики российских властных учреждений, созданных в ходе проведения Крестьянской реформы 1864 г.

Актуальность темы исследования обусловлена устойчивым интересом к теме управления западными окраинами Российской империи в долгом XIX веке, который прослеживается в актуальной историографии с рубежа 1990–2000-х гг. Политика имперских властей на этом пространстве столкновения империи с окраинными национализмами переосмысливается исследователями благодаря применению современных подходов к

⁸ *Evans R.J.W.* Austria, Hungary, and the Habsburgs: Central Europe c. 1683–1867. Oxford, 2006. P. 266–292.

⁹ *Jedlicki J.* Nieudalna próba kapitalistycznej industrializacji. Analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX w. Warszawa, 1964. S. 223.

¹⁰ *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 470–521.

¹¹ *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 559–561; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 435–444.

изучению национализма, символической политики, памяти, эмоций в истории, воображаемой географии и других тем, затрагиваемых в работах последних лет¹². Царство Польское и, в частности, политика в отношении польских крестьян представляют особый интерес в этом контексте как «нетипичная» проблема проведения национальной и социальной политики в отношении территории и населения, которые не считались в Российской империи пригодными к обрусению и слиянию с национальным ядром. Царство Польское на протяжении всего своего существования было полем столкновения различных тенденций в политике имперской бюрократии на окраинах империи, а подавление восстания 1863–1864 гг. открыло небывалое окно возможностей для проектов социальной и культурной инженерии, обсуждавшихся в среде националистически настроенной части бюрократии.

Объект диссертационного исследования — политика властей Российской империи в Царстве Польском после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. **Предмет** исследования — крестьянский вопрос в Царстве Польском в 1863–1872 гг.

Хронологические рамки исследования. Диссертационная работа посвящена изучению политики российских властей в крестьянском вопросе в Царстве Польском в период с 1863 г., когда в ответ на польское восстание подготовка крестьянской реформы была поручена команде Н.А. Милютин, до 1872 г. Основные преобразования были завершены к 1871 г., когда был упразднен Учредительный комитет, созданный для разработки и

¹² Отмечу лишь вышедшие в одном только 2022 г. монографию Е.М. Болтуновой о сюжетах, связанных с коронацией Николая I в Варшаве в 1829 г., русское издание работ Д. Сталюнаса о политике властей империи в Северо-Западном крае в период с подавления восстания 1863–1864 гг. до событий революции 1905 г. и коллективную монографию, посвященную месту Польши и польского вопроса в интеллектуальном пространстве Российской империи: *Болтунова Е.* Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022; *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022.; *Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко.* СПб., 2022.

проведения реформ в Царстве Польском. В хронологические рамки включен один год после упразднения Учредительного комитета, поскольку в 1872 г. проводился анализ функционирования тех созданных в ходе реформ Н.А. Милютина и его людей в Учредительном комитете институтов, которые были сохранены и подчинены центральному петербургским ведомствам. В случае с политикой властей в отношении крестьян-униатов хронологическая рамка расширена до 1875 г. Процесс выработки политики в униатском вопросе, начавшийся в рамках решения крестьянского вопроса, нашел свое завершение только с ликвидацией Холмской епархии и переводом бывших униатов в православие в 1875 г.

Методология и методика исследования. Политика российских властей, нацеленная на изменение идентичностей местного крестьянского населения в Царстве Польском после подавления восстания 1863–1864 гг., изучается в диссертационном исследовании исходя из принципов историзма и научной объективности.

Исследование опирается на подходы и концепции, разрабатываемые главным образом в англоязычной историографии с 1970-х гг. в рамках научной традиции *nationalism studies*¹³. В этом исследовании нация и национальная идея в XIX в. понимаются в конструктивистском ключе, как находящиеся в процессе их «воображения» (метафора нации как «воображаемого сообщества» Б. Андерсона¹⁴) и «изобретения» (наиболее известна концепция «изобретения традиции», представленная в одноименном сборнике, изданном под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера в 1983 г.¹⁵).

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер. с англ. и нем. М., 2002.

¹⁴ Андерсон Б. Указ. соч.

¹⁵ The Invention of Tradition / Ed. by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge, 2000.

Поскольку это исследование сосредоточено на изучении политики имперской бюрократии по отношению к одной из западных окраин Российской империи, для ухода от жесткого его ограничения географическими рамками, в качестве которых могли бы выступать административные границы Царства Польского или кабинеты и резиденции руководителей центральных ведомств, имперских администраторов и местных чиновников, а также для сохранения в поле внимания всех основных акторов имперской политики в Царстве Польском используется ситуационный подход¹⁶. Попытка обоснования отказа от неопределенного регионального подхода, неизбежно обращающегося к современным представлениям о границах регионов, в пользу изучения территорий Российской империи в соответствии с административными границами изучаемого периода была предпринята К. Мацузато, который предложил заменить его пространственным подходом¹⁷. Однако такой подход ограничивает внимание исследователя акторами, действовавшими внутри границ изучаемой территории. Для исследования политики имперской бюрократии на отдельной окраине империи важна «экстерриториальность» ситуационного подхода, подразумевающая необходимость учитывать действия и позиции акторов, влиявших на ситуацию в регионе как изнутри, так и извне, будь то из столицы империи или из соседних империй.

В 1860-е годы националистическая идеология не только оказывала влияние на принятие решений в Санкт-Петербурге как внешний фактор, но и нашла отклик среди части высокопоставленных имперских чиновников. Представление о Российской империи и других европейских державах в XIX в. как о «национализирующихся империях», предложенное

¹⁶ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 17–35.

¹⁷ Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: От этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань, 2004. С. 427–458.

А.И. Миллером и Ш. Бергером¹⁸, позволяет описать динамичность имперской политики в национальном вопросе в эпоху Великих реформ, возросшую не только в связи с открытым конфликтом с поляками во время восстания, но и с «обретением» собственного народа в результате крестьянской реформы¹⁹.

Любые политические решения в Российской империи на протяжении XIX столетия легитимировались от имени монарха и считались выражением сакрализованной царской воли. В связи с этим важным представляется замечание М.Д. Долбилова о том, что Александр II не торопился прямо выражать свое мнение по большинству вопросов государственного управления и поддерживал соперничество между различными группами имперской бюрократии. Император не был полонофобом и вовсе не питал особой симпатии к националистической политике на западных окраинах империи. Вместе с тем он проводил четкое различие между «чувством» и «долгом»: зачастую симпатии царя были на стороне аристократической партии Валуева, но публично он продолжал поддерживать националистическую политику Милютиных²⁰. Личное отношение императора к проводимой его чиновниками национальной политике на западных окраинах после подавления польского восстания — один из ключевых факторов, которые необходимо учитывать при оценке ее изменения со временем.

Польские крестьяне были крупнейшей группой населения Царства Польского, которую часть имперской бюрократии во главе с

¹⁸ *Berger S., Miller A.* Introduction: Building Nations in and with Empires — A Reassessment // *Nationalizing Empires* / Ed. by Stefan Berger and Alexei Miller. Budapest; N. Y., 2015. P. 1–30.

¹⁹ *Dolbilov M.* The Emancipation Reform of 1861 in Russia and the Nationalism of the Imperial Bureaucracy // *Construction and Deconstruction of National History in Slavic Eurasia* / Ed. by T. Hayashi. Sapporo, 2003. P. 205–235; Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань, 2017. С. 227.

²⁰ *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // *Исторические записки.* 2006. 9 (127). С. 31–38.

Н.А. Милютиним попыталась изолировать от влияния шляхты путем проведения крестьянской реформы. В глазах милютинской партии, находившейся под влиянием славянофильской идеологии, крестьяне представляли истинно славянской Польшей, которой противостояла шляхетская космополитичная Польша²¹. Заручившись поддержкой польского крестьянства при помощи проведения крестьянской реформы на значительно более выгодных условиях по сравнению с реформой в империи, чиновники и общественные деятели милютинского круга надеялись осуществить, как выразился Х. Глембоцкий²², «реславизацию» Польши — т.е. изменить преобладающее в польском обществе восприятие национальной идентичности с помощью формирования у широких масс крестьянского населения славянофильских симпатий и лояльности царской власти.

Для понимания отношения самих крестьян к попыткам их вовлечения в националистический дискурс важна концепция национального безразличия (*national indifference*). Она была разработана в 2000-е гг. историками, которые изучали уклонение части населения Богемии в империи Габсбургов от попыток националистической мобилизации со стороны чешских и немецких национальных активистов²³. В Царстве Польском национальное безразличие, как и в большинстве случаев, исследованных в монархии Габсбургов, оставалось моделью поведения локальных, в данном случае крестьянских, сообществ. С безразличием крестьян к национальному делу пытались бороться польская шляхта и национальная интеллигенция. Российские чиновники напротив стремились

²¹ Западные окраины. С. 185.

²² *Głębocki H. Fatalna sprawa.*

²³ *King J. Budweisers into Czechs and Germans: A Local History of Bohemian Politics, 1848–1948.* Princeton; Oxford, 2005; *Judson P.M. Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria.* Cambridge, L., 2006; *Zahra T. Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // Slavic Review.* 2010. Vol. 69. No. 1. P. 93–119.

поддерживать уклонение крестьян от националистической мобилизации и использовать его для обоснования своей политики в крестьянском вопросе.

Важным для имперской бюрократии объектом политики в Царстве Польском также было непольское и некатолическое население. Если в отношении грекокатоликов с 1865 г. проводилась относительно последовательная русификаторская политика, то немцев, евреев и литовцев власти империи стремились изолировать от влияния польского национализма.

На необходимость четкого различения процессов ассимиляции и аккультурации при изучении взаимодействия властей с различными группами населения указывали Б. Натанс и А.И. Миллер²⁴. Говоря о характере политики гетерогенных по своей природе империй на окраинах, А.И. Миллер отметил, что зачастую власти отдавали приоритет не ассимиляции или утверждению общей национальной идентичности, а обеспечению лояльности, причем не только политической, но и выражаемой в культурных формах как ориентация окраин на центр²⁵. Литовский историк Д. Сталюнас предложил добавить к ассимиляции и аккультурации, как отдельным разновидностям русификации, стратегию интеграции. Он заимствовал это понятие у Б. Натанса, который понимал под ним процесс аналогичный аккультурации в социальном измерении²⁶. Сталюнас понимает интеграцию в расширительном смысле, включая в нее вместе с институциональной или экономической интеграцией политику, направленную на обеспечение лояльности подданных. Помимо позитивных стратегий (которые, собственно, и есть «разные русификации»), он выделяет негативную стратегию сегрегации, направленную на ограничение прав той или иной группы и ее исключение из общественной жизни²⁷.

²⁴ *Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; L., 2001. P. 11; *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 61–63.

²⁵ Там же. С. 70, 138.

²⁶ *Nathans B.* Op. cit. P. 11.

²⁷ *Сталюнас Д.* Указ. соч. С. 41–42.

Вследствие восстания 1863–1864 гг. имперские власти отказались от компромиссной политики в отношении традиционных польских элит и перешли к стратегии их сегрегации. Усилия властей не ограничивались в этом смысле деполонизацией бюрократического аппарата в Царстве Польском²⁸, но были также нацелены на уменьшение степени влияния шляхты и католического духовенства на крестьян. В отношении евреев, немцев и литовцев власти балансировали между стратегиями аккультурации и интеграции в зависимости от того, делался ли акцент на усвоении ими общих культурных моделей или на воспитании их политической и культурной лояльности империи. Ассимилировать российские власти в Царстве Польском пытались только униатов, считавшихся «русскими», отторгнутыми от тела русской нации в результате многовекового польского владычества.

Особое положение в социальной структуре Царства Польского занимали немцы и евреи. Как экономически активные и выполнявшие различные «посреднические» функции группы в Царстве Польском они попадают под предложенное Дж. Армстронгом определение мобилизованной диаспоры — изолированной по этническому или религиозному признаку группы, выполняющей исключительные экономические функции в домодерном или модернизирующемся обществе²⁹. Предложенная Армстронгом модель изменения отношения имперских властей к мобилизованным диаспорам в случае возникновения у них двойственной лояльности имперским властям и внешним силам, представляющим интересы их исторической родины, хорошо описывает изменение отношений имперских властей к немцам и евреям на фоне объединения Германии по малогерманскому пути О. фон Бисмарка,

²⁸ См.: *Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999; Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 157–190.*

²⁹ *Armstrong J.A. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. Vol. 70. No. 2. P. 393–408.*

окончательно оформившегося в результате победы Пруссии над Австрией в 1866 г.

Целый ряд проблем российской политики в крестьянском вопросе в Царстве Польском не может быть осмыслен без учета сложной системы взаимосвязей и взаимозависимостей, сформировавшихся на пространстве Восточной и Центральной Европы, которое было поделено между империями Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов и Османов. К таким проблемам относятся изучение российскими чиновниками австрийского и прусского опыта управления польскими землями в Галиции и Великом княжестве Познанском и восприятие российскими властями лояльности немецкого и еврейского населения Царства Польского. Понимание межимперских контактов и взаимодействий также необходимо при рассмотрении некоторых вопросов кадровой политики в Царстве Польском, таких как привлечение к работе в гражданской администрации края украинофилов из малороссийских губерний империи и приглашение в униатские приходы и школы для униатов греко-католических священников русофилов из австрийской Галиции. Пространство Центральной и Восточной Европы в долгом XIX в. рассматривается в диссертации в рамках предложенной А.И. Миллером концепции макросистемы континентальных империй. Каждое действие внутри одной из империй в отношении группы, присутствовавшей в других (например, поляков в державах Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов, армян в Российской и Османской империях или украинофильского движения в России и австрийской Галиции), оказывало влияние на другие империи и наоборот: действие, направленное вовне, сказывалось внутри империи³⁰.

В виду близкого характера проблем, которые стояли перед российскими властями в Царстве Польском, австрийскими властями в Галиции и Венгрии, а также прусскими властями в Великом княжестве

³⁰ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 35–45.

Познанском, для осмысления характера политики российских чиновников в вопросах национальной, классовой и культурной идентичности применяется метод сравнения³¹. Царство Польское и Галиция не считались национализмами имперского ядра частью «национальной территории», которая традиционно воспринималась как собственность нации, а не монархии или имперских элит³². Такая ситуация заставляла действовавших там чиновников искать опору власти помимо представителей имперского ядра и позволяла проводить смелые эксперименты в политике идентичности. На возможность проведения подобных экспериментов было нельзя рассчитывать ни в имперском ядре, где необходимо было считаться с интересами элит, ни на провозглашенных частью национальной территории оспариваемых окраинах (например, в Северо-Западном крае), где стремление ассимилировать группы населения, которые считались частями нации, оторванными от нее в силу исторических обстоятельств, обуславливало конфронтационную политику в отношении конкурирующих национальных проектов.

В историографии предпринимались попытки описать национальную политику Российской империи на западных окраинах в XIX в. в рамках одной концепции как противостояние двух идеальных типов. Э. Таден писал о борьбе тенденций к административной и культурной русификации во второй половине XIX в. Под первой он подразумевал политику абсолютистской унификации, а под последней — политику языкового, культурного и религиозного давления на нерусское население империи³³. Польский историк В. Родкевич выделил модели бюрократического национализма и имперской стратегии. Основой первой модели он считал представление о бюрократии как главной движущей силе процесса преобразования Российской империи в русское национальное государство,

³¹ Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб., 2015.

³² Berger S., Miller A. Op. cit. P. 10, 25–29.

³³ Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. Thaden E.C. Princeton, 1981. P. 8–9.

а в последней видел традиционную практику союза империи с местными элитами³⁴. Д. Сталюнас выделил имперскую и националистическую стратегии. Имперской стратегией Сталюнас считает политику, которая подразумевает стремление к обеспечению лояльности всех подданных империи и отказ от насильственных мер для достижения аккультурации и ассимиляции. Националистической стратегией он считает политику, нацеленную на культурную гомогенизацию империи, а также ассимиляцию и аккультурацию населения того пространства, которое воспринималось как русская «национальная территория»³⁵.

Программа политики в отношении идентичности крестьян Царства Польского, сформулированная националистически настроенной группой чиновников в 1863–1864 гг., наглядно демонстрирует несостоятельность подобных обобщений. Целью этой политики было обеспечение лояльности только части населения края, который не считался русской национальной территорией. При этом власти ни в коем случае не исключали применения насильственных мер как в культурном поле, так и при проведении социальных реформ. Более перспективным мне кажется выделение стратегий национальной политики в зависимости от того, на какие группы населения (на группы, считавшиеся частью русской нации, иноверцев или инородцев, на аристократию, национальную интеллигенцию или крестьян и т.д.) и на какой вид общественной мобилизации (националистическую, классовую или религиозную) она была направлена.

Терминология. В диссертации этнонимы используются в соответствии с их употреблением в изучаемый период. Проблемным в этом отношении является обозначение украиноязычного восточнославянского населения Российской империи и монархии Габсбургов. Для обозначения украинских национальных активистов из Российской империи

³⁴ Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, 1998. P. 13–16.

³⁵ Сталюнас Д. Указ. соч. С. 42.

употребляется понятие «украинофилы», которое использовали они сами. Униатское население Царства Польского я называю наиболее распространенным в их среде этнонимом «русины» вперемешку с также использовавшимся в качестве этнонима обозначением конфессиональной принадлежности «униаты». Для обозначения украиноязычного населения Австрийской империи также используется наиболее распространенный в это время этноним «русины»³⁶.

Понятие «вопрос» в значении «крестьянский вопрос»³⁷, «польский вопрос», «униатский вопрос» и т.д. заимствовано из узуса имперской бюрократии XIX в. и употребляется в тексте диссертации без кавычек.

Понятия «националисты», «национализм» используются в нейтральном смысле в рамках традиции *nationalism studies*.

Под «националистической партией» в тексте диссертации понимается националистически настроенная часть русской бюрократии, которая на высшем уровне в Петербурге была представлена Н.А. Милютиным, его братом, военным министром Д.А. Милютиным, и министром государственных имуществ А.А. Зеленым³⁸. В тексте работы националистически настроенная часть бюрократии часто описывается во взаимодействии с представителями славянофильской мысли, которые были главными идейными вдохновителями новой политики в отношении крестьян Царства Польского. Эти группы, как правило, не смешиваются. В равной мере к обеим группам в период их бюрократической службы принадлежали Ю.Ф. Самарин, А.Ф. Гильфердинг и В.А. Черкасский.

³⁶ Подробнее о терминологической дискуссии в отношении обозначения восточнославянского украиноязычного населения Российской империи и монархии Габсбургов в XIX в. см. в: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 41–50.

³⁷ В частности, см. анализ процесса формирования представления о крестьянском вопросе как у современников, так и в историографии (главным образом на материале Малороссийских губерний) в: *Литвинова Т.* «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2019. С. 94–318.

³⁸ *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений. С. 31–32.

Взгляды большинства националистически настроенных чиновников (в частности, самого Н.А. Милютина) нельзя описать как вполне славянофильские. При этом необходимо отметить отсутствие единства в среде славянофилов. В то время как Ю.Ф. Самарин, А.Ф. Гильфердинг и В.А. Черкасский последовательно выступали за проведение жесткой линии в отношении польской шляхты, В.А. Елагин, Ф.В. Чижов и И.С. Аксаков не приняли их программу, что привело к распаду старого московского кружка славянофилов³⁹.

Чтобы подчеркнуть экспериментальный характер политики Н.А. Милютина и его сторонников в Учредительном комитете в Варшаве в отношении национальной, культурной и классовой идентичности крестьянского населения Царства Польского, она описывается в диссертации как «славянофильский эксперимент». Под административной русификацией понимается набор конкретных мер по введению употребления русского языка в образование и делопроизводство бюрократических ведомств, судов и местной администрации. Под конфронтационной националистической политикой понимается политика, нацеленная на ассимиляцию считавшихся «русскими» униатов Царства Польского.

Выстраивание отношений русских чиновников с гминными институтами описывается в работе как процесс дисциплинирования крестьянского самоуправления. Термин «социальное дисциплинирование» (*нем. Sozialdisziplinierung*) был введен немецким историком Г. Эстрайхом, который с помощью этого понятия описывал процесс структурных изменений во взаимодействии людей в общественном пространстве под влиянием проникновения государства в социальную ткань европейских стран в период абсолютизма посредством бюрократии, армии, школы, церкви и экономического регулирования. Эстрайх выделял реформы

³⁹ Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 2013. С. 105–106.

Иосифа II 1780–1790 гг. в Австрии как апогей тенденции к социальному дисциплинированию со стороны абсолютистских монархий⁴⁰. М.Д. Долбилов пишет о дисциплинировании как об одной из парадигм конфессиональной политики в Российской империи с начала XVIII в., которая противопоставлена им тенденции к сегрегации, к которой имперские власти прибегали в ситуациях, когда они не питали надежд оказать эффективное влияние на определенные группы. Он также сравнивает использование конфессиональной политики для воспитания дисциплинированных и лояльных подданных в Российской империи в XVIII–XIX вв. с церковными реформами Иосифа II⁴¹.

Для идеологического обоснования политики воспитания лояльности среди крестьян Царства Польского авторы реформы старательно подчеркивали в пропагандистских текстах субъектность крестьян. Субъектность (*agency*) в этом исследовании понимается в широком смысле как способность субъекта быть более или менее самостоятельным актором⁴².

Понятие «идентичность» было проблематизировано Р. Брубейкером и Ф. Купером, который критиковал как «сильное», делающее акцент на врожденных и неизменных качествах человека, так и «слабое», конструктивистское понимание идентичности, в основе которого лежит представление об изменчивости и текучести самоопределения личности и групп. По мнению исследователей, оба способа понимания идентичности не пригодны в качестве универсального инструмента для описания человеческих отношений в различных обществах. Брубейкер и Купер предложили заменить расплывчатое понятие тремя отдельными

⁴⁰ *Oestreich G.* Strukturprobleme des europäischen Absolutismus // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1968. 55. Bd. H. 3. S. 329–347.

⁴¹ *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 44–55.

⁴² Анализ различных концепций субъектности см. в: *Emirbayer M., Mische A.* What Is Agency? // *American Journal of Sociology.* 1998. Vol. 103. No. 4. P. 962–1023; *Shapiro S.P.* Agency Theory // *Annual Review of Sociology.* 2005. Vol. 31. P. 263–284.

категориями: *идентификацией* — т.е. определением принадлежности человека к тем или иным категориям внешними акторами, *самопониманием* или самовосприятием человека и *групповостью* — коллективным чувством, сплачивающим группы людей при контакте с посторонними⁴³. «Славянофильский эксперимент» Н.А. Милютина в Царстве Польском подразумевал необходимость работы со всеми тремя предложенными Брубейкером и Купером категориями. При этом полезность вычленения отдельных составляющих этой политики вызывает сомнения. В диссертации я продолжаю использовать понятие «идентичность» в конструктивистском смысле как объединяющее все три выделенных Брубейкером и Купером категории. Как представляется, это понятие вполне пригодно для описания взаимоотношения отдельных людей, коллективов и идей на пространствах столкновения конкурирующих национальных проектов в «долгом XIX веке», который немецкий историк Ю. Остерхаммель описал как «имперскую эпоху» и одновременно «эпоху национализма»⁴⁴. Чтобы несколько снять напряжение между выделенными Брубейкером и Купером внешними и внутренними для человека аспектами идентичности, в диссертации я понимаю под идентичностью усвоенный, интериоризованный дискурс — т.е. не только нарративы, обрамляющие процесс самоопределения человека, но и весь комплекс связанной с ним нормативности. В понимании дискурса я следую традиции, заданной М. Фуко. Он, в частности, указывал на связь этих понятий, говоря о возможности ограничивать произвольность дискурса игрой идентичности⁴⁵. Такое определение позволило бы несколько «усилить» «слабое», конструктивистское понимание идентичности, поскольку способность идентичности побуждать человека к действию ставилась бы в зависимость

⁴³ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 81–101.

⁴⁴ Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия. Т. II. Формы господства. М., 2024. С. 162–163.

⁴⁵ Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 64–65.

от силы дискурса. Политика русских чиновников в отношении крестьян Царства Польского выглядит в таком случае, прежде всего, как игра с наиболее сильными в XIX в. националистическим и классовым дискурсами (русские чиновники хорошо понимали, что их возможность игры с религиозной идентичностью составлявших большинство населения Царства Польского польских крестьян-католиков была крайне ограничена).

Политика российских властей, направленная на конструирование культурных границ «другой польской нации» на основе самосознания польских крестьян, описывается в тексте диссертации как «политика идентичности». Энциклопедия «Britannica» определяет политику идентичности как «политическую или общественную деятельность, осуществляемую представителями расовой, этнической, культурной, религиозной, гендерной или другой группы напрямую или от их лица, обычно с целью устранения несправедливостей, которым подвергались члены этой группы из-за различий или конфликтов между их особой идентичностью (или ошибочных представлений о ней) и преобладающей в обществе идентичностью (или идентичностями)»⁴⁶. Стэнфордская энциклопедия философии также делает акцент на борьбе за права меньшинств⁴⁷. В то же время в литературе государство неизменно описывается как один из ключевых акторов в политических процессах, в результате которых группы усваивают те или иные идентичности. Это в особенности справедливо в отношении вопросов восприятия национальной идентичности⁴⁸. При этом термин «нациестроительство» (*nation-building*) в

⁴⁶ Duignan B. “Identity Politics” // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/identity-politics> (дата обращения: 28.04.2025).

⁴⁷ Heyes C. “Identity Politics” // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2024 Edition) / Eds.: E.N. Zalta & U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (дата обращения: 28.04.2025).

⁴⁸ Tsyrfya I. Formation of Modern State Identity: Social and Cultural Dimensions // Covenant University Journal of Politics and International Affairs. 2013. Vol. 1. No. 2. P. 135–147; Popova O. State Identity Policy in “New” States: The Limits of Efficiency // Balkan Social Science Review. 2019. Vol. 14. P. 141–157; Almagro M., Andrés-Cerezo D. The construction of national identities // Political Economics. 2020. No. 15. P. 763–810; Попова О.В.,

случае с политикой формирования и трансформации идентичностей крестьянского населения Царства Польского нельзя признать удовлетворительным, поскольку он подразумевает включение объектов политики в конструируемую национальную общность. Российские чиновники в Царстве Польском стремились к включению в состав русской нации только одной этнической и религиозной группы: греко-униатов. В отношении остальных этнических групп проводилась политика воспитания и поддержки местных идентичностей, которые были бы совместимы с культурной и политической лояльностью к империи. Под «политикой идентичности» в работе подразумевается государственная политика воспитания как этих местных идентичностей, так и политика, нацеленная на включение греко-униатов в русскую нацию⁴⁹.

Еще один термин, который требует комментария, — это «лояльность». Энциклопедия «Britannica» приводит следующее определение: «Лояльность (*loyalty*) — это общий термин, обозначающий преданность человека или чувство привязанности к определенному объекту, которым может быть другой человек или группа людей, идеал, долг или дело. Лояльность проявляется как в мыслях, так и в поступках, и стремится к отождествлению интересов лояльного человека с интересами объекта его лояльности»⁵⁰. Субъектом политической лояльности могут быть как индивиды, так и группы. Однако в отношении возможных объектов лояльности мне представляется справедливым замечание Л.Н.С. Поульсена, который предлагает следовать более узкому определению этого понятия и относить его исключительно к отношениям индивидов и групп (в том числе государств или наций), но не идей — т.е. можно быть лояльным стране,

Гришин Н.В. Инструменты государственной политики идентичности в современном мире // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 325–340.

⁴⁹ Подробный обзор процессов осмысления и формирования государственной политики идентичности см. в: Ророва О. *Op. cit.*; Попова О.В., Гришин Н.В. *Указ. соч.*

⁵⁰ “Loyalty” // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/loyalty> (дата обращения: 28.04.2025).

нации или партии, но не политической идеологии или общему делу⁵¹. Политическая лояльность с древнейших времен служила необходимым элементом для любых властных отношений. Теоретическое осмысление места лояльности в структуре отношений между государством и членами общества исследователи обнаруживают в произведениях Платона, Аристотеля и Цицерона⁵². В европейских языках для обозначения политической лояльности (*англ.* loyalty, *фр.* loyauté *нем.* Loyalität, *пол.* lojalność) используется один и тот же латинский корень, восходящий к латинскому слову *legalis* — преданный закону. В русском языке XIX в. термин «лояльность» не употреблялся. Однако было бы неправильно полагать, что столь древний феномен не был знаком русскому обществу эпохи империй и национализмов. В изучаемый в диссертации период в этом же значении употреблялись понятия «верность» и «верноподданство», первое из которых впоследствии стало употребляться в русском языке для обозначения отношений более интимного характера, а второе приобрело негативную коннотацию. Толковый словарь Даля приводит коннотацию политической лояльности в определении слов производных от «вера»: «**Верноподданный** — гражданин, прирожденный житель, в отношении к государю; подданный, обязанный *верностью*, присягнувший на **верноподданство** государю (курсив мой — *В.К.*)»⁵³. В диссертации понятие «лояльность» употребляется в значении политическая лояльность по отношению к тому или иному политическому субъекту (монарху, империи или нации).

⁵¹ Poulsen L.N.S. Loyalty in world politics // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 1159

⁵² Лазарев М.В. Политическая лояльность и легитимность власти // Экономические стратегии. 2003. № 6. С. 22–27; Dowell A.M. The Case for Political Loyalty // IU South Bend Undergraduate Research Journal. 2008. Vol. 8. P. 50–53; Poulsen L.N.S. Op. cit. P. 1160.

⁵³ «Вера» // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal/vera> (дата обращения: 28.04.2025).

Степень изученности проблемы.

Дореволюционная отечественная историография

В историографии конца XIX – начала XX вв. крестьянская реформа 1864 г. и шире политика российских властей в крестьянском вопросе в Царстве Польском оценивалась главным образом с позиций формирующихся национальных нарративов. Официальный взгляд российских властей, который представлял реформу как исключительное царское благодеяние, оказанное польским крестьянам в награду за их верность в годы польского восстания, впервые изложен в книге А. де Моллера. Его труд «*Situation de la Pologne...*»⁵⁴ был издан в Париже в 1865 г. специально для ознакомления преимущественно враждебно настроенной европейской публики с деталями нового российского курса опоры на крестьян в Польше. Тот же образ благодетельной реформы впоследствии неоднократно воспроизводился в официальной историографии⁵⁵. Г.Ф. Симоненко сравнил экономические аспекты выкупной операции в Царстве Польском с проведением крестьянской реформы в австрийской Галиции и прусском Великом княжестве Познанском и пришел к выводу, что реформа в российской Польше была проведена на значительно более выгодных для крестьян условиях⁵⁶.

Особое внимание националистически настроенных русских авторов привлекали действия имперских чиновников в униатском вопросе, который воспринимался в России как национальное дело. П.К. Щебальский противопоставил политику «милютинцев» в отношении польского и униатского крестьянского населения Царства Польского. По его оценке,

⁵⁴ *Moller de A. Situation de la Pologne au 1er Janvier 1865. P., 1865.*

⁵⁵ *Храневич В.И. Очерки экономического быта крестьянства в Царстве Польском. СПб., 1906. С. 1–20; Корнилович М.И. Очерк крестьянской реформы в Привислинских губерниях. СПб., 1914.*

⁵⁶ *Симоненко Г.Ф. Царство Польское сравнительно с Познанью и Галицией в отношении их успехов экономических, умственных и нравственных со времени крестьянских реформ 1848, 1850 и 1864 годов в этих провинциях: публичные лекции, читанные в Варшаве в зале Русского собрания в пользу Общества Красного креста. Варшава, 1878.*

переход к политике русификации униатов стал торжеством Милютин-практика над Милютиним-теоретиком, а его заботы о польской национальности оказались излишними⁵⁷. С националистических позиций подробно описана борьба русских чиновников против «польской интриги» и Святого престола за русский характер униатов Царства Польского в работах Н.А. Попова, Е.М. Крыжановского и П.Н. Батюшкова⁵⁸. Наиболее агрессивную по отношению к полякам форму русский националистический дискурс принял в «Очерках Привислянья» В.И. Гурко, который противопоставил «малоподвижность и косность польского хлопа (мужика — В.К.), отсутствие у него самодеятельности, инициативы», с одной стороны, «живой русской сметке, сноровке в работе» великорусского мужика, а с другой — «спокойной, независимой манере держать себя» и высоко оцениваемому им умственному развитию крестьян малороссов из бывших униатов Холмщины⁵⁹.

В русской либеральной историографии преобладало критическое отношение к политике властей в крестьянском вопросе в Польше. Е. Карцов рассматривал практические стороны реформы и пришел к выводу, что реформа 1864 г. стала лишь временным решением крестьянского вопроса. По его оценке, реформа порвала связь между крупными землевладельцами и безземельными крестьянами, а также облегчила путь для движения поземельной собственности, но не вполне обеспечила интересы крестьян⁶⁰. Больше всего критики со стороны историков либеральных взглядов вызывало исключение польской национальной интеллигенции из процесса принятия решений по крестьянскому вопросу в Царстве Польском.

⁵⁷ *Щебальский П.К.* Николай Алексеевич Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1882. Цит. на с. 94, 98.

⁵⁸ *Попов Н.* Судьбы унии в русской Холмской епархии. М., 1874.; *Крыжановский Е.М.* Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). Сборник статей с предисловием И.П. Филевича. СПб., 1911; *Батюшков П.Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья. СПб., 1887.

⁵⁹ [*Гурко В.И.*] *В.Р.* Очерки Привислянья. М., 1897. Цит. на с. 75–77.

⁶⁰ *Карцов Е.* Аграрные отношения в Польше // Вестник Европы. 1882. Г. 17. Т. 6. Кн. 11. Ноябрь. С. 7–34. Цит. на с. 34.

Н.В. Берг указывал на неизбежное сближение крестьян и национальной интеллигенции в будущем и на революционный потенциал, заключенный в крестьянской среде, как на потенциальную угрозу для российской власти в Польше⁶¹. А.Л. Погодин трактовал факт сближения крестьян и помещиков к рубежу веков как следствие ошибочной политики Н.А. Милютина, нацеленной на передачу гминных (общинных) институтов под контроль крестьян. По его оценке, управление гминными администрациями заставило крестьян более тесно взаимодействовать с помещиками на почве общих материальных и национальных интересов в условиях усиливающегося давления обрусительной политики⁶². А.А. Корнилов, который некоторое время работал комиссаром по крестьянским делам, высоко отзывался об изначальной программе Милютина. Он считал ее задачей возвышение культурного уровня и улучшение материального благополучия польского крестьянства и отказывался видеть в ней воплощение имперской политики по принципу *divide et impera*. Вместе с тем он критиковал российские власти на берегах Вислы и самого Милютина за отклонения от изначальной программы в пользу политики борьбы с полонизмом. Эта тенденция, по мнению Корнилова, сближала политику российских властей в Царстве Польском с политикой М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае⁶³. Насильственное обращение униатов Царства Польского в православие в 1875 г. и последовавшее преследование упорствующих Корнилов оценивал как «одну из самых позорных сторон русской политики в Польше после 1864 года»⁶⁴. А.Л. Погодин же критиковал и изначальную программу «милютинцев» за то, что она ставила политические задачи выше заботы о благополучии края⁶⁵.

⁶¹ Berg M. Zapiski o polskich spiskach i powstaniach. Cz. X. Warszawa, 1906. S. 80, 84.

⁶² Погодин А. История польского народа в XIX веке. М., 1915. С. 208.

⁶³ Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб. 1905. С. 439–451; он же. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. П., 1915. С. 68–72.

⁶⁴ Там же. С. 82.

⁶⁵ Погодин А. Указ. соч. С. 213–215.

Зарубежная историография конца XIX – первой половины XX в.

А. Леруа-Больё, первый биограф Н.А. Милютина, написавший большую работу на основе писем из личного архива Милютиных, сделал блестящее замечание о политике Н.А. Милютина и его последователей в крестьянском вопросе в Польше, указав на ее этатистскую природу, которую упорно отказывались видеть вовлеченные в формирование национальных нарративов русские и польские историки. Приведем замечание Леруа-Больё *in extenso*: «Российское правительство, которое, казалось, не имело в Польше иной власти, кроме военной силы, обнаружило способ обратиться к народу, завоевать его симпатии, по крайней мере временно, посредством благодеяний; оно усмотрело на берегах Вислы демократическую и гуманитарную задачу. Эту задачу оно выполняло с всевластием абсолютистского правительства, но оно не могло делать это исключительно из соображений гуманности и интересов польского народа или для того, чтобы заслужить похвалу Прудона и иностранных демократов. Если ему было угодно поднять крестьянина и воплощать на практике явные утопии, это было в той же степени, если не в большей, в интересах государства, в интересах России, как и в интересах Польши»⁶⁶. Взгляд Леруа-Больё скорее апологетичен по отношению к его герою, однако французский исследователь смог разглядеть этатистский и абсолютистский характер политики Милютина. Фактически Леруа-Больё первому удалось вырваться из дискурса национальных нарративов и посмотреть на политику российских властей в крестьянском вопросе в Царстве Польском в контексте имперского управления на окраинах, а не исходя из понимания интересов своей нации русскими и польскими национальными активистами или партийных представлений о всеобщем благе.

⁶⁶ *Leroy-Beaulieu A. Un homme d'État russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite: Étude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1855–1872). P., 1884. Цит. на p. 267.*

Взгляд польского национализма в XIX – первой половине XX вв. сводился к демонизации русских чиновников, проводивших политику в крестьянском вопросе в Царстве Польском. До Первой мировой войны в польской историографии существовало два идейных направления: сторонники конфронтации с Россией и партия так называемых «угодовцев» (от *пол.* *ugoda* — соглашение), которые выступали за поиск компромисса с российскими властями.

Первый взгляд в конце XIX в. наиболее полно был выражен в труде В. Пшиборовского, который делал акцент на социалистических симпатиях и нигилизме авторов политической программы в крестьянском вопросе и «кастовом» характере самой реформы⁶⁷. В противоположность русскому нарративу о «воссоединении» унии с православием, представляемом как восстановление исторической справедливости, польские авторы Э. Баньковский и Э. Ликовский в своих трудах описали трагичную историю жестоких преследований униатской церкви и ее прихожан российскими властями⁶⁸. Э. Баньковский был униатским священником, профессором Холмской семинарии и активным сторонником пропольской партии в холмском духовенстве. Он написал свою работу в значительной степени по собственным воспоминаниям. Э. Ликовский был католическим епископом-суффраганом Познанским (подчиненным власти архиепископа Познанского) и писал церковную историю унии в Российской империи.

Позиция польских «угодовцев» была выражена в трудах В. Спасовича и Э. Пильца. Она главным образом сводилась к несколько более осторожной критике политики российских властей в крестьянском вопросе с позиций польского национализма. Для Спасовича идеалом был маркиз А. Велёпольский, который стремился соединить задачи польского

⁶⁷ [Przyborowski W.] *Z.L.S. Ostatnie chwile Powstania Styczniowego*. T. II. Poznań; Kraków, 1887. Цит. на s. 8–9, 99, 177–179.

⁶⁸ *Bañkowski E.* *Ruś Chełmska od czasu rozbioru Polski*. Lwów, 1887. S. 42–97; *Likowski E.* *Dzieje Kościoła Unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczynę jego upadku*. Cz. II. Warszawa, 1906. S. 163–260.

нациестроительства с лоялизмом по отношению к Российской империи. Политику Милютина же Спасович сближал с подавлением польской национальности наместником Николая I в Царстве Польском И.Ф. Паскевичем после восстания 1830–1831 гг. и М.Н. Муравьевым в Северо-Западном крае в 1863–1864 гг.⁶⁹ Э. Пильц ошибочно идеализировал Милютина, противопоставляя его и последующих руководителей имперской политики в Царстве. В частности, он писал, что при Милютине в Польше был политический гнет, но не было национального, который появился только с переходом к русификации образования под руководством министра просвещения Д.А. Толстого в 1867 г. Он также писал, что задача отделения крестьян от остальных слоев общества была добавлена к изначальной идее привлечения их на сторону правительства только последователями Милютина в роли творцов российской политики в Царстве Польском⁷⁰.

После оккупации Царства Польского немецкими войсками в 1915 г. и последовавшего в 1918 г. восстановления независимого Польского государства безусловно возобладала последовательная националистическая точка зрения. Ф. Бродовский писал о стоявшем за политикой российских властей в Царстве Польском стремлении уничтожить шляхту, а также о социалистических тенденциях и личной ненависти к полякам у Н.А. Милютина⁷¹. По мнению Ю. Качковского, переход к русификации был естественным следствием и прямым продолжением политики, нацеленной на углубление пропасти между помещиками и крестьянами. Он считал, что политика отдаления крестьян от национальной интеллигенции привела к систематическому насилию против крестьян и негативно сказалось на их

⁶⁹ *Спасович В.Д.* Жизнь и политика маркиза Велёпольского: Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб., 1882. С. 321–332.

⁷⁰ *Пильц Э.* Русская политика в Польше. Варшава, 1909. С. 58–59, 132–133.

⁷¹ *Brodowski F.* Reforma włościańska 1864 r. Warszawa, 1916. Цит. на с. 27–32.

культурном развитии⁷². А. Краусгар описал издание букварей и книг для крестьянского чтения на польском языке кириллическим алфавитом, предпринятое в 1865 г. под руководством Н.А. Милютина, как неудавшийся «сатанинский замысел», нереализуемый на практике эксперимент, отказавшись от которого власти перешли к полной русификации польского начального образования в конце 1870-х гг.⁷³ М. Бобжиньский считал, что привлечение крестьян на сторону властей сделало их оружием властей в рамках более широкой политики «преследования польскости» и тяжело сказалось на развитии польской нации⁷⁴. В наиболее радикальной форме мысль об общности деспотического и антипольского характера в равной степени как консервативных белых, так и демократических красных групп в русской интеллектуальной и политической элите высказал Я. Кухажевский. Как и его предшественники, он указывал на общий характер антипольской политики М.Н. Муравьева и Н.А. Милютина⁷⁵.

Ряд польских историков, работавших в 1915–1939 гг., отмечали некоторые положительные стороны крестьянской реформы. С. Кутшеба, не выходя за рамки критической по отношению к милютинской программе позиции польского национализма, отмечал, что обретение гминного самоуправления и гминного суда стали единственными приобретениями польской нации от российской власти после подавления восстания 1863–1864 гг.⁷⁶ А. Свентоховский критиковал политику российских властей за то, что они поощряли крестьянскую анархию и произвол. Он указывал на негативное моральное влияние политики царской власти на крестьян, привыкших к самоуправству и безнаказанности и потерявших уважение к

⁷² *Kaczkowski J.* Antyteza stosunków agrarnych w Polsce i w Rosji. Warszawa; Lublin; Łódź; Kraków, 1918. S. 26–67. Цит. на s. 60–61, 66–67.

⁷³ [*Kraushar A.*] *Alkar.* Czasy szkolne za Apuchtina. Kartka z pamiętnika (1879–1897). Warszawa, 1916. S. 18–23.

⁷⁴ *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. T. III. Dzieje porozbiorowe. Warszawa, 1931. S. 233–236.

⁷⁵ *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. T. IV. Wyzwalanie ludów. Warszawa, 1931. S. 179–207.

⁷⁶ *Kutrzeba S.* Sprawa polska w Królestwie Polskiem 1815–1915. Lwów, 1916. S. 51–60.

основам общественного устройства, а политику в отношении униатов описал как террор. Однако Свентоховский увидел положительные стороны реформы 1864 г. в том, что она сделала крестьян равноправными членами польского общества и открыла им доступ к участию в общественной жизни⁷⁷. М. Кордуба и вовсе отмечал, что реформа без сомнения была выгодной для крестьян. Его исследование фокусируется на проблемах национальной политики в контексте реформы образования. Кордуба увидел в ней не русификацию, а политику поддержки подчиненных групп населения в противовес местным элитам на имперских окраинах по принципу «разделяй и властвуй». Он сравнил политику в Царстве Польском с предложением использовать лояльность латышского и эстонского крестьянства против немецкого остзейского дворянства, изложенным уже в 1847 г. в «Письмах из Риги» Ю.Ф. Самарина, который стал одним из авторов политики, проводившейся Н.А. Милютиним с 1864 г. Кордуба также привел просопографический портрет руководителей учебных дирекций, учрежденных в рамках образовательной реформы 1864 г.⁷⁸

Кроме того, польскими исследователями первой половины XX в. были проанализированы личный состав и принципы деятельности Учредительного комитета, занимавшегося разработкой и контролем над проведением реформ в Варшаве⁷⁹, а также изучено с юридической точки зрения российское законодательство в крестьянском вопросе в губерниях бывшего Царства Польского после 1864 г.⁸⁰

⁷⁷ *Świętochowski A.* Historia chłopów polskich w zarysie. Cz. II. W Polsce podległej. Lwów; Poznań, 1928. S. 345–353, 443.

⁷⁸ *Korduba M.* Ukazy Jugenheimskie. Warszawa, 1931. Цит. на s. 4–5, 14.

⁷⁹ *Targowski J.K.* Komitet Urządzający i jego ludzie // *Przegląd Historyczny*. 1937–1938. T. 34. Nr 1. S. 156–197.

⁸⁰ *Konic H.* Samorząd gminny w Królestwie Polskiem w porównaniu z innemi krajami europejskimi. Warszawa, 1906; *Brodowski F.* Zasady ustawodawstwa agrarnego w Królestwie Polskiem 1864–1915. Warszawa, 1920.

Советская и польская марксистско-ленинская историография

Марксистско-ленинская традиция описания царской политики в крестьянском вопросе в Польше была создана учеными из Советского Союза и ПНР в 1950–1960-е гг.⁸¹ Восстание 1863–1864 гг. и крестьянская реформа 1864 г. рассматривались в ее рамках как переход от феодальной к капиталистической формации. При этом делался особый акцент на классовой борьбе. Фактически советские и польские ученые предприняли не вполне обоснованную попытку выделить крестьян как некую третью силу в восстании, объединенную если не классовым сознанием, то каким-то интуитивным пониманием классовых интересов⁸². В действительности как польские повстанцы, так и российские чиновники воспринимали крестьян прежде всего как объект своей политики и стремились использовать разрозненные крестьянские волнения в своих интересах.

Несмотря на апелляции властей к крестьянской лояльности, их политика рассматривалась советскими и польскими историками как ориентированная, если не прямо на защиту классовых интересов помещиков, то на сохранение существовавшего социального порядка. Крестьянская реформа 1864 г. считалась продолжением выбранной при

⁸¹ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w Powstaniu Styczniowym. Wrocław, 1953; *idem.* Teodor hrabia Berg — wielkorządca w feudalnym, czy też w burżuazyjnym stylu? // *Między feudalizmem a kapitalizmem: Studia z dziejów gospodarczych i społecznych* / Red. R. Czepulis-Rastenis, S. Kieniewicz, J. Leskiewiczowa, T. Lepkowski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 277–285; *Halicz E.* Kwestia chłopska w Królestwie Polskim w dobie Powstania Styczniowego. Warszawa, 1955; *История Польши. Т. II* / Под ред. И.С. Миллера и И.А. Хренова. М., 1955. С. 92–243; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962; *он же.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (Сравнительный очерк). М., 1994; *Groniowski K.* Walka Milutina z Bergiem (Spór o reorganizację Królestwa Polskiego po roku 1863) // *Kwartalnik Historyczny.* 1962. R. 69. Nr 4. S. 891–906; *idem.* Realizacja reformy uwłaszczeniowej 1864 roku. Warszawa, 1963; *idem.* Uwłaszczenie chłopów w Polsce: geneza — realizacja — skutki. Warszawa, 1976. S. 118–209; *Brodowska H.* Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864–1904. Warszawa, 1967; *Kołodziejczyk R., Gradowski R.* Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1974. S. 73–100.

⁸² *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w Powstaniu Styczniowym. S. 137–191, 265–281, 331–337; *Halicz E.* *Op cit.* S. 235–260, 318–320; *История Польши. Т. II.* С. 112–113, 142–147; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 44–62, 321–353; *Groniowski K.* Realizacja reformy. S. 219–238; *Brodowska H.* *Op. cit.*

разработке реформы 1861 г. в империи политики развития капитализма по прусскому пути — т.е. становления капиталистических отношений в деревне при сохранении преобладания помещичьего землевладения. Тем самым подчеркивалось наличие крепостнических черт реформы при общем ее буржуазном характере⁸³. Созданные в рамках реформы 1864 г. органы крестьянского самоуправления описывались как фикция⁸⁴.

Единственным заметным случаем отхода от генеральной линии в оценке политики российских властей в крестьянском вопросе стал комментарий Е. Едлицкого о прокрестьянских симпатиях Николая Милютина и его сторонников в Учредительном комитете. Едлицкий написал, что в рамках своеобразного «социологического эксперимента» реформаторы стремились создать в Царстве Польском такую социальную структуру, о которой они и помечтать не могли в России⁸⁵.

Небольшой комментарий Едлицкого, оставленный им в диссертации, которая была издана в виде монографии в 1964 г., вызвал критику выступавшего с ортодоксальных марксистско-ленинских позиций К. Гронёвского⁸⁶. По его оценке, изначальные прокрестьянские симпатии российских властей в Царстве Польском были вызваны сложившейся в крае революционной ситуацией и позднее сменились жестоким подавлением любых классовых выступлений по аналогии с ситуацией в империи после провозглашения крестьянской реформы 1861 г.⁸⁷

В 1960–1970-е гг. советские и польские ученые по причине давления идеологических установок уделяли особенное внимание экономическим и социальным предпосылкам постулируемой смены формаций. В это время ими были подробно изучены практические стороны крестьянской политики

⁸³ *Halicz E.* Op. cit. S. 305, 308, 321; История Польши. Т. II. С. 158–159; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 463–466; *Kołodziejczyk R., Gradowski R.* Op. cit. S. 94.

⁸⁴ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 443–444; *Groniowski K.* Realizacja reformy. S. 257.

⁸⁵ *Jedlicki J.* Op. cit. S. 222–223.

⁸⁶ *Groniowski K.* Walka Milutina z Bergiem. S. 905.

⁸⁷ *Idem.* Realizacja reformy. S. 257.

российских властей в Польше. В частности, были рассмотрены экономические аспекты и ход выполнения выкупной операции, наделения участками безземельных крестьян, упразднения вотчинных отношений в городах и преобразования некоторых городов в посады с распространением на них гминного самоуправления, а также отношение властей к праву крестьян на земельные недра и сервитуты (использование определенных помещичьих участков для крестьянских нужд — заготовки леса или выпаса скота)⁸⁸.

Личностный аспект в политике российских властей в Царстве Польском в историографии второй половины XX – первой четверти XXI в.

И.И. Костюшко, С. Кеневич и К. Гронёвский также уделили большое внимание личностному аспекту выработки программы реформ в Царстве Польском. Ими были изучены процесс формирования и комплектации учреждений по крестьянским делам и конфликты между «партиями» Н.А. Милютина и наместника Ф.Ф. Берга в среде имперской бюрократии в Варшаве⁸⁹. Кроме того, А. Валицкий кратко рассмотрел представления о способах решения польского вопроса славянофилов Ю.Ф. Самарина и А.И. Кошелева, принимавших активное участие в подготовке и проведении реформ в Царстве Польском⁹⁰. Н.И. Цимбаев также рассмотрел расхождения в мнениях московских славянофилов о польском вопросе на фоне восстания 1863–1864 гг., которые привели к распаду их кружка⁹¹.

Изучение личностного фактора в российской политике в Польше получило большое развитие в дальнейшем. Американский историк У.Б. Линкольн в 1970-е гг. снова обратился к биографии Н.А. Милютина и

⁸⁸ Костюшко И.И. Крестьянская реформа. С. 184–320, 354–390; Groniowski K. Realizacja reformy. S. 95–218, 239–256; Jedlicki J. Op. cit. S. 210–229; Kołodziejczyk R. Zamiana miast na osady w Królestwie Polskim // Miasta, mieszczaństwo, burżuazja w Polsce w XIX w. Warszawa, 1979. S. 34–41.

⁸⁹ Костюшко И.И. Крестьянская реформа. С. 148–169; Groniowski K. Walka Milutina z Bergiem; Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg.

⁹⁰ Валицкий А. Указ. соч. С. 559–561.

⁹¹ Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 105–111.

рассмотрел его личную роль в выработке программы реформ в Царстве Польском⁹². Его выводы о характере программы реформ вторичны. Он повторяет мнение польской и либеральной русской историографии конца XIX – начала XX вв. о том, что милютинская политика неизбежно вела к усилению репрессивного характера российской власти и русификаторской политики в дальнейшем⁹³. Однако исследование Линкольна важно для понимания политики российских властей в Польше с 1864 г. прежде всего тем, что им была предложена переоценка взглядов Милютина и его сторонников в имперской бюрократии, которые оценивались как современниками, так и в исследовательской литературе как либеральные⁹⁴. Линкольн определил возглавляемую братьями Милютиными «партию» чиновников как «просвещенную (а не либеральную) бюрократию» — группу имперских чиновников, формировавшуюся с конца 1830-х – 1840-х гг. в результате слияния части умеренной интеллигенции и прогрессивного чиновничества⁹⁵. Впоследствии концепция формирования просвещенной бюрократии Линкольна была развита им в отдельном исследовании⁹⁶.

Работу П.А. Кулиша в Учредительном комитете и Правительственной комиссии внутренних и духовных дел в Варшаве в 1864–1867 гг. изучали

⁹² *Lincoln W.B.* The Making of a New Polish Policy: N.A. Milyutin and the Polish Question, 1861–1863 // *The Polish Review*. 1970. Vol. 15. No. 1. P. 54–66; *idem.* Nikolai Miliutin an Enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, 1977. P. 75–100.

⁹³ *Ibid.* P. 98–99.

⁹⁴ Хорошей иллюстрацией отношения современников к взглядам Н.А. Милютина может быть насмешливое замечание в дневнике оппозиционно настроенного по отношению к «партии Милютиных» министра внутренних дел П.А. Валуева о британском посланце в Петербурге лорде Ф. Нейпире, который видел «в отъезде Милютина и Ко в Варшаву» в октябре 1863 г. «зарю либеральной системы управления в Царстве» (*Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел (1861–1864). Т. I. М., 1961. С. 250).

⁹⁵ *Lincoln W.B.* Nikolai Miliutin. P. 31.

⁹⁶ *Idem.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825–1861. DeKalb, 1982.

его украинские биографы как межвоенного периода⁹⁷, так и последних лет⁹⁸. А.И. Миллер исследовал вопрос участия украинофилов в работе гражданской администрации Царства Польского и пришел к выводу, что их приглашение к занятию должностей в Варшаве стало в середине 1860-х гг. полуофициальной политикой Петербурга⁹⁹. Вопрос приглашения русофилов из галицийских русинов в Царство Польское на должности священников и учителей, а также галицийского греко-католического священника Михаила Куземского для занятия епископской кафедры в Холме исследовал канадский историк украинского происхождения Дж.-П. Химка¹⁰⁰.

В статьях С.Г. Суляка рассмотрена деятельность Ф.Г. Лебединцева и Е.М. Крыжановского, возглавлявших во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. Холмскую и Седлецкую учебные дирекции на Холмщине¹⁰¹.

В монографиях Л.Е. Горизонтова и А. Хвальбы с точки зрения процесса принятия решений имперской бюрократией проанализированы вопросы приглашения в Царство Польское русских чиновников и выстраивания отношений между новыми прибывшими из империи руководителями гражданской администрации и остававшимися на службе в

⁹⁷ *Студинський К.* Слідами Куліша // Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1928. Т. CXLVIII. Праці історично-філологічної секції. С. 241–306; *Кордуба М.* Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надвального радника) // Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1930. Т. С. Ч. II. Праці історичні. С. 327–377.

⁹⁸ *Нахлік Є.* Варшавська служба Пантелеймона Куліша // Проблеми слов'янознавства. 1995. Вип. 47. С. 3–24; *Adamska I.* Wpływ polskiej myśli na poglądy historyczne Pantelejmona Kulisza // *Myślą i słowem: Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku* / Pod red. Łukasza Adamskiego i Sławomira Dębskiego. Warszawa, 2014. S. 333–356.

⁹⁹ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос». С. 126–137.

¹⁰⁰ *Himka J.-P.* Religion and Nationality in Western Ukraine: The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867–1900. Montreal; Kingston; L.; Ithaca, 1999. P. 32–41, 57–64; *idem.* The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // *Intellectuals and the Articulation of the Nation* / Ed. by Ronald Grigor Suny and Michael D. Kennedy. Ann Arbor, 2001. P. 134–136.

¹⁰¹ *Суляк С.Г.* Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147; *он же.* Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108.

гражданской администрации губерний Привислинского края польскими чиновниками¹⁰².

В отличие от А. Хвальбы, который оценивает политику деполонизации высших эшелонов управления в Царстве Польском после 1863 г. как общеевропейскую практику обеспечения лояльности чиновников¹⁰³, большинство современных польских историков вернулись к польскому национальному дискурсу угнетения и сопротивления и оценивают изменения в составе бюрократии как политику русификации и денационализации (*пол. wynarodowienie*). С таких позиций описывают политику российских властей Л. Химяк, А. Гурак и К. Лятавец, занимавшиеся просопографией российских губернаторов в Царстве Польском¹⁰⁴.

Просопографический портрет российских генерал-губернаторов и последнего наместника в Царстве Польском, преобразуемом в Привислинский край, привел немецкий историк М. Рольф¹⁰⁵. Его исследование главным образом посвящено взаимодействию властей и местного населения в городском пространстве. Рольф подчеркивает, что это взаимодействие заключало в себе взаимовыгодное сотрудничество в значительно большей степени, чем это готовы признавать польские историки. Режим сосуществования польского и еврейского населения городов бывшего Царства Польского с российскими чиновниками и военными Рольф описывает как «конфликтное сообщество»¹⁰⁶.

Личностный аспект выработки российской политики в Царстве Польском также исследуется в диссертации А.И. Максимова, посвященной

¹⁰² Горизонтов Л.Е. Указ. соч. С. 157–190; *Chwalba A.* Op. cit.

¹⁰³ Ibid. S. 234.

¹⁰⁴ *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim: Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999; *Górak A., Latawiec K.* Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin, 2016; *Горак А., Лятавец К.* Российские бюрократические элиты Царства Польского (1839–1918) // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 37–47.

¹⁰⁵ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: От Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020. С. 171–198.

¹⁰⁶ Там же. С. 20, 503.

борьбе за власть в администрации Царства Польского между «партиями» Н.А. Милютина и наместника Ф.Ф. Берга¹⁰⁷.

Славянофильские идейные корни милютинской программы реформ в Царстве Польском подробно изучены в работах Х. Глембоцкого и А.А. Тесли¹⁰⁸. Х. Глембоцкий к тому же описал ход проведения реформ в бюрократической практике в 1864–1866 гг. При этом в традициях польской историографии первой половины XX в. он сделал особенный акцент на социалистических симпатиях «милютинцев»¹⁰⁹.

Имперский поворот в историографии политики российских властей в крестьянском вопросе в Царстве Польском

Главным новшеством в постсоциалистической российской и польской историографии стало распространение исследовательской оптики, нацеленной на изучение практик имперского господства на западных окраинах Российской империи с точки зрения осуществлявшей их имперской бюрократии, а не «пострадавшей стороны» — групп населения и/или институтов, против которых они были направлены. С такой «имперской» историографической позиции несколько ранее подошел к вопросу американский историк Э. Таден, который в своей монографии 1984 г. о западных окраинах Российской империи противопоставил милютинскую программу «органической трансформации» польского общества и политику русификации Польши, проводившуюся российскими властями после его отхода от дел¹¹⁰.

¹⁰⁷ Максимов А.И. Деятельность российской гражданской администрации в Царстве Польском в период реформ 1860-х гг. Дис. ... канд. ист. н. Брянск, 2017.

¹⁰⁸ Głębocki H. Fatalna sprawa; Głębocki X. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 135–166; *idem*. Kresy imperium: Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek). Kraków, 2006. S. 146–363; Тесля А.А. «Истинно русские люди»: История русского национализма. М., 2019. С. 222–231; *он же*. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840-х – первой половине 1860-х годов // *Наследие Речи Посполитой*. С. 108–134.

¹⁰⁹ Głębocki H. Fatalna sprawa. S. 478–521.

¹¹⁰ Thaden E.C. *Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton, 1984. P. 162–165.

В российской историографии (как, впрочем, и в мировой) наиболее широкая панорама имперской национальной политики на западных окраинах Российской империи представлена в коллективной монографии 2006 г. под редакцией М.Д. Долбилова и А.И. Миллера. В главе, посвященной российской политике в Царстве Польском в 1863–1869 гг., М.Д. Долбилов встроил программу реформ Н.А. Милютина и последующих руководителей российской политики в Польше в контекст борьбы между русским и польским национальными проектами за пространство бывшей Речи Посполитой¹¹¹. Политика Милютина описана им как нацеленная на построение унитарного государства и единой политической нации¹¹².

Исследовательский взгляд с фокусом на процессе принятия решений чиновниками также представлен в ряде работ исследователей из России, Литвы и Польши, посвященных различным аспектам российской политики в отношении крестьянского населения Царства Польского после подавления восстания 1863–1864 гг. В статье Б.А. Успенского проанализированы проекты перевода польской письменности на кириллицу в правление Николая I в контексте подготовки аналогичного проекта в 1860-х гг.¹¹³

В диссертации М.Е. Нигалатий исследованы три системы образования, последовательно сменившие друг друга в Царстве Польском на протяжении 1860-х гг.: стандартизированная система польского образования, начавшая складываться в результате реформы А. Велёпольского 1862 г.; система раздельного обучения для представителей разных этнических групп, созданная под руководством Н.А. Милютина; и унифицированная с имперскими стандартами система

¹¹¹ Западные окраины. С. 177–206.

¹¹² Там же. С. 196.

¹¹³ Успенский Б.А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 123–173.

образования на русском языке, введение которой в Царстве Польском началось по инициативе министра просвещения Д.А. Толстого в 1867 г.¹¹⁴

О.С. Каштанова также проанализировала в своей статье все основные изменения в языковой политике в сфере образования в западных губерниях и Царстве Польском на протяжении XIX в.¹¹⁵

Литовский историк Д. Сталюнас в своем новейшем исследовании сравнил политику российских властей в отношении литовского и отчасти польского населения в Северо-Западном крае и Царстве Польском после 1863 г. Сталюнас пришел к выводу, что в отличие от Северо-Западного края, где власти с самого начала придерживались националистической политики, нацеленной на ассимиляцию белорусского населения, гомогенизацию культурного пространства и сегрегацию поляков, в Царстве Польском власти руководствовались «имперской стратегией» — т.е. стремились управлять этническим многообразием и поддерживать его в противовес влиянию польского национализма¹¹⁶.

Польские исследователи Я. Козловский и М. Тарковский критически оценили результаты крестьянской реформы 1864 г., исходя из ее оценки российскими чиновниками и польскими юристами в конце 1860-х – 1870-е гг. Исследователи подчеркивают политический характер структуры крестьянского самоуправления, крестьянской и судебной реформ и неэффективность отдельных решений реформаторов с практической точки зрения¹¹⁷.

¹¹⁴ *Нигалатий М.Е.* Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е – сер. 70-х гг. XIX в.: Начальное и среднее образование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

¹¹⁵ *Каштанова О.С.* Языковая политика в сфере образования в западных губерниях России и Царстве Польском в XIX в. // *ЦЕИ.* 2019. № 2 (11). С. 180–208.

¹¹⁶ *Сталюнас Д.* Указ. соч. С. 138–205. Цит. на с. 203.

¹¹⁷ *Kozłowski J.* Realizacja reformy administracyjnej w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // *Przegląd Historyczny.* 1998. Т. 89. Nr 2. S. 233–250; *Tarkowski M.* Kwestia włościańska i reforma sądowa Aleksandra II na łamach „Gazety Sądowej Warszawskiej” (1873–1915) — ocena z perspektywy poglądów Józefa Kasznicy na istotę prawa // *Czasopismo Prawno-Historyczne.* 2024. Т. 76. Z. 2. S. 105–125.

Польский историк А. Лещиньский предпринял в своей недавней работе попытку написания общего обзора крестьянской истории Польши с акцентом на мифологии правления и властных практиках осуществления господства над низшими слоями населения. Лещиньский охарактеризовал милютинскую реформу, память о которой вкупе со страхом перед возвращением барщины российские власти использовали в последующие десятилетия для обеспечения крестьянской лояльности, как катастрофу для крупных землевладельцев и редкую победу для польского простонародья¹¹⁸.

Возрождение польского национального нарратива в современной польской историографии

В работах ряда современных польских историков реформы в Царстве Польском после подавления Январского восстания рассматриваются с позиций польского национального нарратива конца XIX – начала XX вв., который фокусируется главным образом на угнетении и сопротивлении. С. Вех, изучавший взгляд российских жандармов на польское общество, склонен видеть в российском господстве на берегах Вислы гнет завоевателя и считает представление российских властей о крестьянстве как об опоре своей власти иллюзией и самообманом, который раскрылся во время революции 1905 г., когда польские крестьяне стали выступать с требованиями возвращения образования на польском языке, а среди бывших униатов началось движение к обращению в католичество¹¹⁹. В рамках этой традиции, которая подразумевает исключение всех тех групп населения, которые не выказывали недовольства властью завоевателя или прямо с ним сотрудничали как «примирившихся» в лучшем случае и предателей — в худшем, Г. Смык пишет о всеобщей ненависти польского общества к российской администрации в Царстве Польском и о сознательном или неосознанном участии всех работавших в ней польских

¹¹⁸ *Leszczyński A.* Ludowa historia Polski: Historia wyzysku i oporu. Mitologia panowania. Warszawa, 2020. S. 336–343. Цит. на s. 343.

¹¹⁹ *Wiech S.* Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2010. S. 256–354.

чиновников в процессе русификации края¹²⁰. М. Стрыхарска-Бжезина, исследовавшая содержание и процесс издания польских учебников в кириллической графике, описывает реализовывавшийся под руководством Н.А. Милютина проект перевода польской письменности на кириллицу как «подготовку почвы для русского языкового тоталитаризма»¹²¹.

Современная историография униатского вопроса в Царстве Польском в 1860–1870-х гг.

Подход польской историографии к истории ликвидации униатской церкви в Царстве Польском не претерпел значительных изменений со временем и также служит примером воспроизводства традиционного виктимного нарратива (нарратива жертвенности). Польский историк Я. Левандовский написал статью о насильственном воссоединении Холмской униатской епархии с православием в 1966 г.¹²² Уже в 1990-е гг. Левандовский развил ее в монографию, ставшую наиболее полным в современной историографии исследованием истории униатской церкви в Российской империи¹²³. При этом исследовательская оптика со времен ПНР не претерпела никаких изменений. Сосредоточенность внимания исследователя на судьбе церкви и жертв репрессивной политики царского правительства создают иллюзию монолитности имперской власти и неизменности политической линии на ликвидацию унии. То же упрощенное представление о единой линии властей в отношении униатской церкви на протяжении периода подготовки отмены унии в 1864–1875 гг. заметно в крайне интересной монографии А. Сабачука, которая главным образом

¹²⁰ *Smyk G.* An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. XXX. Nr 1. S. 289–305. Цит. на s. 303.

¹²¹ *Strycharska-Brzezina M.* Polskojęzyczne podręczniki dla klasy I szkoły elementarnej w Królestwie Polskim drukowane grażdanką. Kraków, 2006. Цит. на s. 36.

¹²² *Lewandowski J.* Likwidacja obrządku grekokatolickiego w Królestwie Polskim w latach 1864–1875 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F*. 1966. T. 21. Nr 9. S. 213–244.

¹²³ *Idem.* Na pograniczu: Polityka władz państwowych wobec unitów Podlasia i Chełmszczyzny 1772–1875. Lublin, 1996.

посвящена конфликтам православной и католической церковей за души бывших униатов в Привислинском крае в начале XX в.¹²⁴ Те же оценки российской политики звучат в статье А. Гиля, которая описывает ликвидацию греко-католической церкви на Холмщине как причину уничтожения начавшейся было формироваться отдельной локальной идентичности униатов, которые впоследствии были включены в русскую, польскую или украинскую нации в результате проведения репрессий и националистической мобилизации со стороны конкурирующих национальных проектов¹²⁵.

Важное исследование в этом же направлении было написано в 1975 г. Л. Глинкой. Глинка работал с материалами переписки последнего униатского епископа Холмского Михаила Куземского и депешами австро-венгерских дипломатов, которые отложились в архивах Вены и Ватикана и были полностью опубликованы в его работе¹²⁶.

Попытка пересмотреть устоявшийся взгляд на историю ликвидации Холмской епархии была предпринята Т. Виксом. Американский историк увидел в «воссоединении» унии с православием 1875 г. не результат многолетней репрессивной политики царских властей, а личную инициативу седлецкого губернатора С.С. Громеки, который проводил самостоятельную политику в отношении церкви в кризисной ситуации, когда центральные власти в Петербурге и генерал-губернатор в Варшаве пребывали в растерянности и отказывались брать на себя ответственность за необходимые решительные меры¹²⁷. Исследование Вика при этом охватывает только последние месяцы существования Холмской епархии.

¹²⁴ *Szabaciuk A.* „Rosyjski Ulster” Kwestia Chełmska w polityce imperialnej Rosji w latach 1863–1915. Lublin, 2013. S. 24–35.

¹²⁵ *Gil A.* Utracona szansa. Unici diecezji chełmskiej wobec rosyjskiego, polskiego i ukraińskiego ruchu narodowego (1815–1875) // *Radzyński Rocznik Humanistyczny*. 2014. T. 12. S. 97–112.

¹²⁶ *Glinka L.* Diocesi ucraino-cattolica di Cholm (Liquidazione ed incorporazione alla Chiesa russo-ortodossa) (Sec. XIX). R., 1975.

¹²⁷ *Weeks T.R.* The “End” of the Uniate Church in Russia: The *Vozsoedinenie* of 1875 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. H. 1 (1996). P. 28–40.

Верное понимание ситуации, сложившейся к 1874 г. требует рассмотрения политики российских властей в униатском вопросе с 1864 г. и вызванных ей конфликтов. Таким образом можно заключить, что тема политики российских властей в отношении греко-униатского населения Царства Польского также представляет пространство для ревизионистского подхода.

На протяжении более чем 150 лет изучения российской политики в крестьянском вопросе в Царстве Польском после подавления восстания 1863–1864 гг. неоднократно менялись подходы и причины интереса исследователей к этой теме.

Дореволюционная русская и польская историография периода до начала Второй мировой войны, как правило, обращались к ней с целью развития национального исторического нарратива (описание героической борьбы своего народа против несправедливого угнетения оппонента) или обоснования политической линии своей партии (русские либералы и польские «угодовцы» в дореволюционный период).

В марксистско-ленинской историографии крестьянская реформа 1864 г. рассматривалась как переход от феодальной к буржуазной формации. В силу идеологических причин с определенными натяжками крестьянские волнения описывались как классовая борьба, а сами крестьяне — как своего рода третья сила в восстании 1863–1864 гг. Наиболее сильной стороной работ, выходявших в Советском Союзе и ПНР, было тщательное изучение экономических и других практических аспектов выкупной операции и последовавшей регуляции поземельных отношений.

В современной историографии наблюдается противостояние двух тенденций. Первую представляет возрождение старого польского виктимного нарратива об угнетении и сопротивлении. В российской историографии при этом попыток возрождения русского национального нарратива XIX – начала XX в. о «благоденствии» русских реформаторов не наблюдается в силу отсутствия политического интереса к вопросам

российского управления Польшей в XIX в. Вторую тенденцию представляет развитие «имперской оптики» — стремление изучать политику властей на окраинах империи исходя из практики управления и идеологических установок различных групп российской бюрократии. За последние 30 лет вышел ряд работ, посвященных вопросам кадровой, образовательной и конфессиональной политики в Царстве Польском, а также идеологическим корням политики «милютинцев». Однако последние значимые труды, посвященные специально крестьянскому вопросу, были написаны польскими и советскими историками в 1960-е – 1970-е гг. Политика российских чиновников, направленная на трансформацию идентичностей крестьянского населения Царства Польского, (в особенности стоявшая за ней бюрократическая практика) остаются в значительной степени неизученными.

Научная новизна. Представленный обзор историографии показывает, что, хотя различные аспекты реформ и политики в крестьянском вопросе в Царстве Польском после подавления восстания 1863–1864 гг. длительное время приковывают к себе внимание исследователей, работа, посвященная бюрократической практике, стоявшей за реализацией проекта Н.А. Милютина по трансформации крестьянских идентичностей, еще не написана. Исследователи, изучающие западные окраины Российской империи во второй половине XIX в. в рамках традиции *nationalism studies*, уже долгое время обращаются главным образом к истории имперского управления в Западном крае¹²⁸, где как имперские

¹²⁸ *Zasztowt L.* Kresy 1832–1864: Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997; *Rodkiewicz W.* Op. cit.; *Миллер А.И.* «Украинский вопрос»; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011; *Долбилов М.Д.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // *Образ врага* / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М., 2005. С. 127–174; *он же.* Русский край, чужая вера; *Staliūnas D.* Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; N. Y., 2007; *Сталюнас Д.* Указ. соч.; *Borisionok J.* Chłop i szlachcic na ziemiach białoruskich w długim XIX wieku: z czego i dlaczego zrodził się białoruski projekt narodowy // *O ziemię naszą, nie waszą: Ideowe aspekty procesów narodotwórczych w Europie Środkowej i Wschodniej* / Pod red. Łukasza Adamskiego. Warszawa, 2017. S. 285–305;

чиновники, так и польские, украинские, литовские и белорусские национальные активисты прежде всего руководствовались националистической идеологией. Изучение экспериментальной политики российских властей в Царстве Польском в этот период требует особого внимания не только к националистической идеологии, но и к апелляциям к сословным интересам крестьян, использовавшимся властями для привлечения их симпатий. Изучение этого смещения социального и национального дискурсов в политике российских властей и в особенности их применения в управлении краем может продемонстрировать разнообразие практик имперского управления на окраинах империи, которые не считались частью национальной территории.

Цель диссертационного исследования — проанализировать процессы выработки и реализации политики российских властей, нацеленной на воспитание имперской лояльности и трансформацию культурных идентичностей крестьянского населения Царства Польского, после подавления восстания 1863–1864 гг.

Задачи исследования:

1. Проанализировать подходы имперской власти и польской шляхты к решению крестьянского вопроса в Царстве Польском накануне восстания 1863–1864 гг.;
2. Проследить генезис политики российских властей в отношении крестьян Царства Польского в контексте борьбы Петербурга и польских повстанцев за крестьянскую лояльность;

Крот М.Н. «Мирное завоевание умов и сердец силою просвещения...»: деятельность Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. Вып. 2 (112). URL: <https://history.jes.su/s207987840018225-6-1/> (Доступ для зарегистрированных пользователей). (Дата доступа: 19.05.2025). Из работ, рассматривающих национальную политику Российской империи в Царстве Польском, можно выделить лишь упомянутые в обзоре историографии работы А. Шабачука и М. Рольфа, а также исследование Т. Вика о национальной политике в Привислинском крае и Западных губерниях в начале XX в.: *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996; *Szabaciuk A.* Op. cit.; *Рольф М.* Указ. соч.

3. Установить роль личностного фактора в процессе формирования властных структур, создававшихся с целью проведения крестьянской реформы;
4. Проанализировать официальный образ крестьянской реформы в подконтрольной Н.А. Милютину прессе в Петербурге;
5. Установить характер процесса выстраивания отношений российских чиновников с создаваемыми институтами крестьянского самоуправления;
6. Установить характер официальной коммуникации между имперской бюрократией и органами крестьянского самоуправления;
7. Установить масштаб эксперимента Н.А. Милютин и А.Ф. Гильфердинга по формированию на основе крестьянского общества «другой польской нации» и проследить процесс его практической реализации;
8. Установить причины отказа от политики «славянофильского эксперимента» после отхода от дел его авторов и проанализировать новый политический курс в отношении крестьян Царства Польского, выдвинутый министром народного просвещения Д.А. Толстым;
9. Проанализировать политику российских властей в отношении греко-униатского населения Царства Польского — единственной группы населения в крае, в отношении которой российские чиновники вынашивали ассимиляторские намерения.

Источниковая база исследования. Исследование главным образом опирается на изучение документов, отложившихся в фондах архивов Санкт-Петербурга и Москвы. Сорванная в результате восстания попытка компромисса имперского центра с местными элитами привела не просто к увеличению вовлеченности центральной власти во внутренние процессы: возвращение к прямому правлению и проведение крестьянской и всех последовавших за ней реформ напрямую российскими чиновниками означало, что все связанные с переустройством мятежного региона частные вопросы приобретали общеимперское значение и выносились на

обсуждение во вновь созданный 25 февраля (8 марта) 1864 г. тайный Комитет по делам Царства Польского. Все основные проекты и предложения действовавшего в Варшаве Учредительного комитета и наместника в итоге попадали на рассмотрение центральных ведомств и окончательное решение насчет того, следует ли принять их без изменений, исправить или отклонить, принималось в столице.

Ключевое значение для изучения проекта трансформации идентичностей крестьян в Царстве Польском имеет работа с фондом упомянутого Комитета по делам Царства Польского (РГИА. Ф. 1270). Дела фонда складывались из различных записок, проектов, отношений и писем, направлявшихся в комитет представителями имперской власти в бывшем Царстве Польском. Чаще всего их присылали наместник, министр статс-секретарь Царства Польского, Учредительный комитет, Н.А. Милютин, руководивший преобразованиями в Царстве в 1864–1866 гг. по поручению императора и возглавивший С.Е.И.В. канцелярию по делам Царства Польского, которая была создана в 1866 г. взамен статс-секретариата по делам Царства Польского, и Д.Н. Набоков, сменивший Милютина в этой должности в 1867 г. К этим документам после обсуждения в комитете прилагался журнал заседания, утверждавшийся императором. Комитет не только был главным совещательным органом для обсуждения проектов законов и постановлений, но и следил за исполнением высочайших повелений в Царстве. В некоторых случаях по решению комитета в Царстве проводились дополнительные ревизии, отчеты о которых также направлялись в Петербург.

Из документов, хранящихся в фонде Комитета по делам Царства Польского, также использованы ежегодные отчеты генерал-полицмейстера (Д. 1531, 1533) и еженедельные записки о ходе крестьянского дела (Д. 1490–1495), которые содержат детальные сведения о взаимодействии гражданских чиновников и местных военных начальников с населением Царства Польского. Составлявшиеся членом-заведующим Учредительного

комитета Я.А. Соловьевым еженедельные записки также изданы в 21-томном издании постановлений Учредительного комитета, которые печатались с 1865 по 1871 г. в Варшаве и в 1873 г. в Петербурге. В исследовании использованы подлинники записок — в первую очередь по причине привлечения дополнительных документов, которые прилагались к этим запискам и не все из которых были опубликованы в издании постановлений Учредительного комитета. При этом приводятся даты отчетного периода каждого конкретного документа.

Для иллюстрации положения в гминных управлениях после упразднения Учредительного комитета и подчинения комиссий по крестьянским делам Министерству внутренних дел в 1871 г. используются ежегодные отчеты комиссаров по крестьянским делам ряда уездов Варшавской губернии, которые хранятся в фонде Земского отдела МВД (РГИА. Ф. 1291. Оп. 117). Как и в еженедельных записках члена-заведующего Учредительного комитета, в отчетах комиссаров приведены сведения о взаимодействии комиссий с гминными учреждениями и отдельными категориями населения подотчетной им территории.

Поворот к политике русификации образования в Царстве Польском, который в 1867–1868 гг. осуществил министр народного просвещения Д.А. Толстой, анализируются по отчету, который был составлен им после объезда в 1868 г. учебных заведений Варшавского учебного округа, учрежденного за год до того (РГИА. Ф. 733. Оп. 198. Д. 25).

Оценки настроений жителей Царства Польского и, в частности, реакции крестьянского населения на политику российских властей и действия польских повстанцев широко представлены в документах фонда III отделения С.Е.И.В. канцелярии (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а) и в составляемых жандармами обзорах политической ситуации в Царстве Польском за 1866–1872 гг. (ГА РФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 314.) В 1867 г. 3 округ Корпуса жандармов был преобразован в Варшавский жандармский округ с некоторым усилением его независимости от центральной администрации в

Царстве Польском¹²⁹. С 1867 г. варшавские жандармы составляли ежегодные отчеты о настроениях всех основных групп населения в Царстве Польском и их отношении к царской власти.

Важнейшим источником для изучения политики российских властей в отношении греко-униатов Царства Польского в 1864–1875 гг. являются документы фонда Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД (РГИА. Ф. 821. Оп. 4). Этот фонд содержит большое число материалов официальной переписки, отчетных и аналитических записок по вопросам управления греко-униатской церковью и населением униатского исповедания. Униатский вопрос в Царстве Польском находился в ведении ДДДИИ с 1867 г. Однако все документы, касающиеся конфессиональной политики в Царстве Польском, были переданы варшавской Правительственной комиссией внутренних и духовных дел в ДДДИИ с передачей дел в 1867 г. и сейчас хранятся в петербургском РГИА.

В большом количестве привлечены материалы переписки, черновики и копии документов, а также воспоминания М.А. Милютиной — жены Н.А. Милютина, которые хранятся в личных фондах чиновников, принимавших ключевые решения о судьбе бывшего Царства Польского: Н.А. Милютина, руководившего разработкой и проведением крестьянской и других реформ в Царстве Польском в 1863–1866 гг. (РГИА. Ф. 869); князя В.А. Черкасского, члена Учредительного комитета, директора Комиссии внутренних и духовных дел, друга и одного из двух наиболее влиятельных сотрудников Н.А. Милютина в Варшаве (ОР РГБ. Ф. 327); Ф.Ф. Берга, наместника Царства Польского в 1863–1874 гг. (ГА РФ. Ф. 547); а также отдельных документов из фондов В.П. Платонова, министра статс-секретаря по делам Царства Польского в 1864–1866 гг. в Институте Юзефа Пилсудского в Америке¹³⁰ и П.А. Шувалова, шефа III отделения в 1866–

¹²⁹ *Wiech S.* Op. cit. S. 24.

¹³⁰ Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce (IJPA). Z. 84. Archiwum Waleriana Płatonowa. URL: <https://archiwa.pilsudski.org/inwentarz.php?nonav=0&nrar=701&nrzesp=84> (дата обращения: 26.03.2024).

1874 гг. (ОР РГБ. Ф. 610). Необходимо оговориться, что часть писем Н.А. Милютина к В.А. Черкасскому и Я.А. Соловьеву была опубликована в «Русской старине» в 1884 г.¹³¹, а часть материалов переписки В.А. Черкасского с Н.А. Милютиным и документов из его личного архива — в «Славянском обозрении» в 1892 г.¹³² Однако из-за фрагментарности этих публикаций в диссертационном исследовании используются архивные документы.

Помимо архивных фондов в диссертационном исследовании используется ряд опубликованных источников. Работа Учредительного комитета в Варшаве — главного органа, занимавшегося разработкой и контролем за проведением на местах реформ в Царстве Польском с 1864 по 1871 г. изучается по выходявшему в 1865–1873 гг. 21-томному изданию постановлений Учредительного комитета¹³³. В нем опубликованы журналы всех заседаний Учредительного комитета и некоторые приложенные к ним документы, которые обсуждались в комитете.

Законодательные акты по Царству Польскому российские власти публиковали на русском и польском языках в официальном издании «Дневник законов» («Dziennik Praw»). Привлечение этого издания необходимо для рассмотрения окончательных редакций важнейших указов о крестьянской и образовательной реформах 1864 г.

Проекты указов о крестьянской и образовательной реформах, объяснительные записки к ним и некоторые материалы, использовавшиеся при их разработке приведены Н.А. Милютиным в первом, втором и четвертом томах «Исследований в Царстве Польском», которые были

¹³¹ Николай Алексеевич Милютин в его заботах о крестьянском и судебном деле в Царстве Польском // Русская старина. 1884. Кн. VI. Июнь. С. 585–594.

¹³² Из переписки князя В.А. Черкасского и Н.А. Милютина по польским делам // Славянское обозрение. 1892. Т. I. Кн. I. Январь. С. 51–69; Т. I. Кн. III. Март. С. 359–378; Т. II. Кн. VII–VIII. Июль–август. С. 295–335; Т. III. Кн. XI–XII. Ноябрь–декабрь. С. 306–329.

¹³³ Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. 21 т. Варшава; СПб., 1865–1873.

напечатаны небольшим тиражом в 1863–1864 г. для ознакомления высших слоев имперской бюрократии с ходом подготовки реформ¹³⁴.

Важными источниками для изучения борьбы между польскими повстанцами и имперскими властями за симпатии крестьян, а также подготовки крестьянской реформы и начальной стадии ее проведения служат публикации материалов официальной переписки российских чиновников в Радомской губернии¹³⁵ и наместника Ф.Ф. Берга за 1863 – начало 1864 г.¹³⁶, подготовленные в рамках грандиозного советско-польского проекта публикации архивных материалов «Восстание 1863 г.», осуществленного в 1960–1970-х гг.

Так как в фокусе исследования находится бюрократическая практика осуществления политики трансформации идентичностей в отношении крестьян, из материалов публицистики для решения поставленных исследовательских задач были привлечены только полемические и пропагандистские тексты, созданные главными идеологами реформ и те критические материалы, на которые они непосредственно реагировали. В этом отношении особенно важны публикации А.Ф. Гильфердинга, славянофила, одного из главных идеологов милютинской политики в вопросах идентичности и главного автора образовательной реформы в Царстве Польском¹³⁷. Официальный образ реформы наиболее подробно описан в изданных отдельными брошюрами отчетах о ходе крестьянского дела¹³⁸, которые в 1864 и 1865 гг. сначала были опубликованы в нескольких номерах газеты Военного министерства «Русский инвалид».

¹³⁴ Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению, произведенные под руководством сенатора, статс-секретаря Милютина. Т. 1, 2, 4. СПб., 1863, 1864.

¹³⁵ Крестьяне и крестьянский вопрос в Восстании 1863 года. По материалам Радомской губернии / Red. Tomu: S. Kieniewicz i I. Kostiuszko. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.

¹³⁶ Переписка наместников Королевства Польского: Август 1863–май 1864 / Red. tomu: S. Kieniewicz, I.S. Miller. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.

¹³⁷ Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. II. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868; *он же*. Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1871.

¹³⁸ О ходе крестьянского дела в Царстве Польском. СПб., 1864, 1865, 1866.

Пропагандистские образы реформаторов и созданных ими институтов гминного самоуправления анализируются также по большому количеству других статей в «Русском инвалиде». Подконтрольная военному министру Д.А. Милютину газета стала для его брата и его сотрудников в Варшаве главным печатным органом, представлявшим в столице империи их видение российской политики в Царстве Польском. Главным изданием «милютинцев» в Варшаве стала учрежденная ими в 1864 г. газета «Варшавский дневник». Важнейшие статьи из «Варшавского дневника» перепечатывались в «Русском инвалиде» и цитируются в диссертации по петербургскому изданию «милютинцев». Кроме статей из «Русского инвалида» и публиковавшихся там статей из «Варшавского дневника» в исследовании использовались отдельные публикации реформаторов и их критиков в петербургских «Голосе» и «Вести», московском «Русском вестнике», варшавском издании для греко-униатов «Холмский месяцеслов» и берлинской «Neue Preußische Zeitung» («Kreuzzeitung»).

Обращение к публикациям источников личного происхождения было важно для анализа внешнего восприятия преобразований в Царстве Польском. Взгляд сторонников «славянофильского эксперимента» в отношении крестьян Царства Польского из «националистической партии» имперской бюрократии представлен в воспоминаниях Д.А. Милютина, брата Н.А. Милютина и военного министра в 1861–1881 гг.¹³⁹ Критические оценки современников наиболее полно представлены в дневнике П.А. Валугева, министра внутренних дел в 1861–1868 гг.¹⁴⁰ и записках А.И. Кошелева, славянофила, члена Учредительного комитета и директора Правительственной комиссии финансов в Варшаве в 1864–1866 гг.¹⁴¹,

¹³⁹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864, 1868 – начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003, 2006.

¹⁴⁰ Валугев П.А. Дневник П.А. Валугева министра внутренних дел в двух томах. Т. I, II / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1961.

¹⁴¹ Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) / Изд. подг. Т.Ф. Пирожкова. М., 2002.

которые были одними из главных оппонентов милютинской политики в Варшаве и Санкт-Петербурге.

Все использовавшиеся для работы источники в типологическом отношении относятся к письменным источникам. В представленном обзоре источников представлены все пять традиционно выделяемых видов источников: законодательные, делопроизводственные, публицистические, мемуарные и эпистолярные¹⁴². В делах ведомственных архивных фондов представлены законодательные и делопроизводственные источники. В делах личных фондов представлены все пять видов источников. В публикациях документов и правительственных указов представлены законодательные и делопроизводственные источники. Издание сочинений А.Ф. Гильфердинга и представленные в обзоре брошюры и материалы периодической печати относятся к публицистическим источникам. Публикации воспоминаний Д.А. Милютина, дневника П.А. Валугева и записок А.И. Кошелева относятся к мемуарным источникам.

Обращение к документам, хранящимся в польских архивах, могло бы дополнить источниковую базу исследования. Однако чрезвычайно высокая степень концентрации документов из Царства Польского как в ведомственных фондах, так и в личных фондах российских чиновников, которые занимались разработкой и проведением имперской политики в крестьянском вопросе в российской Польше, в архивах Москвы и Санкт-Петербурга позволяет заключить, что представленный подбор источников позволяет в полной мере решить поставленные исследовательские задачи. Источники позволяют рассмотреть процесс выработки политики трансформации идентичностей крестьянского населения Царства Польского, бюрократическую практику реализации «славянофильского эксперимента», его официальную репрезентацию, а также изменения

¹⁴² Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Серия История России. 2016. № 1. С. 14–15.

политической линии российских властей в крестьянском вопросе в Царстве Польском на протяжении 1860-х – начала 1870-х гг.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Политика трансформации идентичностей крестьянского населения Царства Польского была выработана и начала воплощаться на практике в рамках крестьянской реформы 1864 г. и последовавших за ней преобразований, проведенных под руководством Н.А. Милютина националистической «партией» имперской бюрократии и приближенными к ней интеллектуалами славянофилами. Обращение к этой политике стало следствием борьбы за лояльность крестьян, которая в открытом виде вспыхнула между имперской властью и польскими повстанцами в 1863 г.
- 2) Проведению крестьянской реформы сопутствовала пропагандистская кампания, которая должна была подчеркнуть не только «благодетельный» характер царских указов, но и политическую и экономическую субъектность крестьян. Российские чиновники представили реформу как «пробуждение» крестьян к гражданской жизни и стремились сделать их опорой имперской власти в крае.
- 3) Непосредственное взаимодействие чиновников крестьянских комиссий и военных начальников с крестьянами осуществлялось в парадигме дисциплинирования органов гминного самоуправления. Этому сопутствовала система символической коммуникации крестьян с благодетельствовавшим их монархом, осуществлявшаяся при посредничестве чиновников крестьянских комиссий и Учредительного комитета в Варшаве.
- 4) С 1864 до начала 1870-х гг. развивались три различных политических проекта в отношении идентичностей крестьян Царства Польского. Параллельно со «славянофильским

экспериментом» Н.А. Милютина по созданию иного польского национального проекта на основе крестьянского самосознания и дистанцированию немецкого и литовского населения от польского культурного влияния уже с конца 1864 г. развивалась националистическая политика князя В.А. Черкасского и его последователей, нацеленная на русификацию униатов, которых сторонники этой политики считали «оторванной» частью русского народа. Процесс русификации начального образования для крестьян и делопроизводства в гминных институтах был начат в рамках усилий В.А. Черкасского по защите русского характера униатов и продолжен в ходе полномасштабной административной русификации, проводившейся с 1867 г. под руководством министра народного просвещения Д.А. Толстого. Новая политика Д.А. Толстого была нацелена на включение Царства Польского в имперское культурное пространство и окончательно порвала с идеями трансформации местных идентичностей. Социальные барьеры, выстроенные между польскими крестьянами и высшими слоями польского общества в рамках крестьянской реформы, при этой смене политического курса были сохранены.

Теоретическая значимость работы. Материалы и положения диссертационного исследования представляют ценность для осмысления принципов имперской политики на окраинах и механизмов взаимодействия имперской бюрократии с различными группами населения в ходе проведения Великих реформ 1860-х гг.

Практическая значимость работы. Результаты работы могут быть использованы исследователями национальной и социальной политики российских властей в Царстве Польском и, шире, на западных окраинах Российской империи во второй половине XIX в. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов для программ

бакалавриата, магистратуры и аспирантуры по истории России и региона Центральной и Восточной Европы XIX в.

Апробация материалов исследования. Автором диссертационного исследования подготовлены 4 статьи для ведущих российских научных журналов. 1 из них вышла и 2 приняты к печати в журналах, рецензируемых в Scopus и Web of Science (2 журнала в 1 квартиле Scopus и 1 журнал — во 2 квартиле), и 1 статья опубликована в журнале из перечня ВАК. Более широкий контекст изучаемых в диссертации процессов исследован автором в статье для сборника «Европейские войны Российской империи» Издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ключевые положения диссертации были представлены в докладах на 5 конференциях всероссийского и 1 конференции международного (ПИФ-2024) уровня, а также в докладах в рамках Семинара для молодых ученых Института региональных исторических исследований ВШЭ и межуниверситетского научного воркшопа «Polonica».

Часть результатов диссертационного исследования достигнута при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: Пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)», выполнявшегося в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Структура работы. Работа построена по проблемному принципу, соответствует поставленным цели и задачам, состоит из введения, трех глав, поделенных на параграфы, заключения и списка источников и литературы. В 1 главе кратко изложена предыстория крестьянской реформы 1864 г., изучены процессы инструментализации крестьянской лояльности властями и польскими повстанцами в ходе Январского восстания, а также генезис программы реформ Н.А. Милютина. 2 глава посвящена взаимодействию имперской бюрократии с созданными в ходе крестьянской реформы институтами гминного самоуправления и политике воспитания крестьянской лояльности русскому царю, от имени которого они были

наделены землей. 3 глава фокусируется на политике трансформации национальных идентичностей в отношении различных групп крестьянского населения Царства Польского.

Глава 1. Формирование новой системы управления Царством Польским в ответ на восстание 1863–1864 гг.

§ 1. Политика властей в крестьянском вопросе до 1863 г.

Январское восстание 1863 г. и политика повстанцев в отношении крестьянского вопроса послужили причиной кардинального изменения отношения Петербурга к проблеме идентичности польского крестьянина. В славянофильских кругах в Петербурге и Москве с конца 1840-х годов обсуждались проекты решения польского вопроса, объединенные идеей опоры на народную массу. Славянофилы верили, что крестьяне сохранили исконный славянский характер и их можно противопоставить высшим классам, преданным латинскому миру¹. Проекты эти, однако, не выходили за рамки общественной дискуссии. В конце 1860 г., незадолго до начала патриотических демонстраций 1861 г., часть имперской бюрократии уже воспринимала крестьян в Царстве Польском как «единственный класс жителей, на котором правительство опираться еще может»². Однако вмешательство властей в отношения между помещиками и крестьянами сдерживалось, поскольку сохранение лояльности крупной шляхты считалось в Петербурге более важной задачей. Такая политика умиротворения крупной шляхты вызывала все более острую критику на фоне проведения в империи крестьянской реформы. В записке, представленной императору в мае 1861 г., генерал С.П. Шипов писал о политике только что скончавшегося в Варшаве наместника М.Д. Горчакова: «Главные стремления князя Горчакова состояли в том, чтобы не раздражать поляков, т.е. угодить той партии, которая желает сохранить и утвердить там элементы революционные». В этой же записке он сослался на опыт управления польскими землями в Пруссии и Австрии, где с 1772 г. проводилась более или менее последовательная германизация местной

¹ *Głębocki H. Fatalna sprawa. S. 44–45.*

² Анонимная записка об обсуждении вопроса о выкупе крестьянских наделов в Земледельческом обществе // *IJPA. Z. 84. T. 7. Fol. 191.*

администрации³: «Но действия тех мечтателей (польских повстанцев — *В.К.*) в Галиции и Княжестве Познанском мало имели успеха; потому что правительство австрийское и прусское употребляли деятельные меры к ослаблению и даже к уничтожению там польского элемента введением немецкого языка в делопроизводство и воспитание юношества; вместе с тем они привлекли туда много немцев, кои с пособием правительства купили там земли или иначе приняли там оседлость; администрация учреждена была вполне германская со множеством немецких чиновников, потому и страны сии значительно онемечились и существовавшие там польско-революционные элементы подавлены»⁴. Несмотря на критику, политика задабривания шляхты была отброшена только после начала восстания.

Времени правления Николая I были не чужды масштабные проекты социальной инженерии⁵, но социальная политика в Царстве Польском была направлена скорее на сохранение статус-кво в деревне. Указом 26 мая (7 июня) 1846 г. помещикам был запрещен отъем наделов у крестьян, владевших не менее 3 моргами⁶ земли, и разрешено заключение соглашений о переводе с барщины на чинш (оброк в бывшей Речи Посполитой) при

³ *Hagen W.W.* Germans, Poles, and Jews: The Nationality Conflict in the Prussian East, 1772–1914. Chicago; L., 1980. P. 31–118; *Wolff L.* Op. cit. P. 13–230.

⁴ Записка С.П. Шипова «О существенных причинах последних волнений в Царстве Польском», 20 мая 1861 г. // *ИРА. Z.* 84. Т. 2. Fol. 189, 174–175.

⁵ В 1844 и 1852 г. обсуждались, но так и не были реализованы проекты перевода польского языка на кириллическую письменность (см.: *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 123–173; *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 11–27). Проекты социальной инженерии в правление Николая I осуществлялись во внутренних губерниях и в Западном крае, ключевыми из них были: дальнейшее развитие системы военных поселений, введенной А.А. Аракчеевым в правление Александра I (см.: *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: Военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 69–85; *он же.* Военные поселения при императоре Николае I // *Русский сборник: Исследования по истории России.* Т. VII. М., 2009. С. 64–73.); осуществление реформы государственных крестьян П.Д. Киселева (см.: *Новая имперская история.* С. 200–205; *Werth P.W.* 1837. *Russia's Quiet Revolution.* Oxford, 2021. P. 105–124.); перевод униатов Западного края в православие и политика религиозного дисциплинирования католиков и бывших униатов (см.: *ibid.* P. 145–162; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. С. 68–108.); политика дисциплинирования и интеграции евреев (*Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 157–162.).

⁶ Морг приблизительно равен 0,56 га.

содействии местных властей. Установление постоянных границ между помещичьими и крестьянскими землями означало появление государственного регулирования поземельных отношений в помещичьих имениях, что, по позднейшей оценке Н.А. Милютина, было «решительным отречением от прежней системы правительственного невмешательства»⁷. Кроме того, издание указа позволило сохранить общее спокойствие сельского населения в Царстве на фоне случившейся весной 1846 г. резни помещиков польскими крестьянами в Галиции⁸.

В первые годы правления Александра II инициатива в решении крестьянского вопроса была в значительной степени предоставлена помещикам. После смерти наместника И.Ф. Паскевича в январе 1856 г. и визита нового царя в Варшаву, который состоялся в мае того же года, шляхте был сделан ряд послаблений. В Царстве и в Западных губерниях было отменено военное положение, указ об амнистии позволил бывшим участникам восстания 1830–1831 гг. поступать на государственную службу. В 1857 г. в Варшаве была открыта Медико-хирургическая академия с преподаванием на польском языке, а также дано высочайшее дозволение учредить для обсуждения решения аграрного вопроса Земледельческое общество, ставшее в последствии основой лагеря «белых» в восстании. В 1859 г. Петербург поручил Земледельческому обществу работать над проектами очиншевания крестьян.

В то же время Петербург не был склонен целиком отдавать решение аграрного вопроса в руки шляхты. В декабре 1858 г. административным советом Царства Польского был издан ряд положений, регулирующих добровольные соглашения о переводе крестьян с барщины на чинш, а проблема наделения крестьян землей в 1859 г. была оставлена вне

⁷ Об устройстве крестьянского быта в Царстве Польском. Общая объяснительная записка // Исследования в Царстве Польском. Т. 1. С. 8.

⁸ Записка действ. члена Русского географического об-ва М.И. Венюкова «Заметки о современном положении крестьян в Польше». Сентябрь 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 671. Л. 7 об.

компетенции Земледельческого общества. Крестьянский вопрос в Царстве Польском вообще ставил Петербург перед трудноразрешимой дилеммой: с одной стороны, наделение крестьян землей должно было быть ниспослано царем и использовано для укрепления лояльности благодарных крестьян своему монарху, с другой — в Петербурге не хотели портить отношения с польской шляхтой⁹. Власти империи в тот момент были готовы идти на дальнейшие уступки польской аристократии, но исключительно в границах Царства — любые претензии поляков на губернии Западного края отвергались как абсолютно неприемлемые.

В конце 1850-х годов главным проводником программы компромисса Петербурга с польской аристократией в Царстве выступал граф Анджей Замойский, стоявший во главе Земледельческого общества. В спорах о путях решения аграрного вопроса, которые велись в Земледельческом обществе на протяжении всего 1860 года, Замойский занимал консервативную позицию. Он настаивал на сохранении крупного землевладения по английской модели и предлагал предоставить крестьянам землю на условиях долгосрочной аренды. Однако под давлением «красных»¹⁰ в Земледельческом обществе и протестов в Варшаве в условиях резко накалявшейся обстановки 24 февраля (нов. стиля) 1861 г. Земледельческим обществом была сформулирована программа наделения крестьян землей. В ней предполагалось завершить очиншевание крестьян все тем же путем добровольных соглашений между землевладельцами и крестьянами и затем передать в собственность крестьян занимаемые ими наделы «посредством надлежащим образом придуманной кредитной операции, имеющей целью выкуп чиншей», как сообщалось в объявлении,

⁹ Западные окраины. С. 127–130.

¹⁰ Во время демонстраций 1861–1862 гг. и восстания 1863–1864 гг. демократически настроенная часть польских повстанцев как в языке современников, так и в литературе называется лагерем «красных», а более консервативная часть польского национального движения, объединившаяся в 1861–1862 гг. на основе Земледельческого общества А. Замойского, — лагерем «белых».

распространенном 20 марта¹¹. Кредитная операция разрабатывалась Земским кредитным обществом, также возглавляемым графом Замойским. Штабс-капитан Белинский, автор записки о состоянии крестьянского дела, составленной в январе 1864 г. для наместника Ф.Ф. Берга, хотя и усомнился в ее осуществимости, посчитал операцию выгодной для крестьянина, поскольку выплата ипотеки была рассчитана так, чтобы в точности соответствовать стоимости платимого им чинша¹². Разработка реформы продолжилась и после отказа Петербурга от сотрудничества с Замойским в конце марта 1861 г. Кредитное общество обязалось предоставить до 900 тыс. руб. серебром для составления резервного фонда выкупного банка¹³. Проект был подготовлен 13 сентября 1861 г. и отозван уже в разгар восстания 1863 г. Он был холодно встречен в Петербурге, по оценке Милютина, по причине опасения слишком сильной концентрации власти над отношениями крестьян и помещиков в руках партии Замойского¹⁴. Проект явно противоречил намерению наделить крестьян землей от лица монарха.

Начало обсуждения проектов выкупа земли крестьянами в Земледельческом обществе в 1860 г. было воспринято в Петербурге как прямая угроза российской власти в Польше¹⁵. Изменение позиции Замойского под давлением демонстраций и его попытки добиться от

¹¹ Объявление от Агрономического общества в Царстве Польском (перевод с польского) // Исследования в Царстве Польском. Т. 1. С. 1.

¹² Анонимная записка «Дополнительные сведения о действиях польских мятежников в отношении к крестьянам» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 15 об. – 16 об. Эта записка была отредактирована Н.А. Милютиным и опубликована в сокращенном виде в первом томе Исследований в Царстве Польском: Дополнительные сведения о действиях польских мятежников в отношении к крестьянам // Исследования в Царстве Польском. Т. 1. Авторство записки установлено по: Января 15 (27) Варшава. — Ф.Ф. Берг Д.А. Милютину // Переписка наместников. С. 184.

¹³ Об устройстве крестьянского быта в Царстве Польском. Общая объяснительная записка // Исследования в Царстве Польском. Т. 1. С. 38–39.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Анонимная записка об обсуждении вопроса о выкупе крестьянских наделов в Земледельческом обществе // ИРА. Z. 84. Т. 7. Fol. 191–199.

Петербурга присоединения Западного края к Царству¹⁶ сделали его фигуру совершенно неприемлемой для властей империи. Власти отдали предпочтение программе его конкурента — маркиза Александра Велёпольского, возглавившего гражданскую администрацию Царства согласно царскому указу 14 (26) марта 1861 г. Оба политика были противниками идеи вооруженного восстания и надеялись на достижение компромисса с Петербургом. Однако Велёпольского отличала бескомпромиссность в отношении общественного мнения и искренняя вера в то, что лишь его жесткие меры могут спасти Польшу. По его настоянию в апреле 1861 г. было закрыто Земледельческое общество и стали жестоко подавляться уличные протесты. Его позиция в Царстве, однако, не была непоколебимой. В ноябре 1861 г. он был лишен всех занимаемых им должностей и отозван в Петербург, но вернулся в Варшаву в мае 1862 г. вместе с новым наместником, братом царя великим князем Константином Николаевичем, и продолжил осуществление реформ.

Комплекс реформ Александра Велёпольского был направлен на польское национальное строительство и вместе с тем дисциплинирование польского общества в пределах возобновляемой автономии Царства Польского. Так, в рамках реформы образования 1862 г. особое внимание было уделено развитию национальной идентичности — воспитанию достойного гражданина (*пол. obywatel*)¹⁷ — и поддержанию социальной иерархии: в частности, восстановление коллегиального надзора над сельскими школами мотивировалось тем, что оно должно было лишить сельских учителей возможности входить в слишком близкие отношения с крестьянами и распространять «несогласие между двором и деревней»¹⁸.

Одной из первых мер Велёпольского, направленных на умиротворение края, стало издание указа 4 (16) мая 1861 г. об обязательном

¹⁶ Западные окраины. С. 144.

¹⁷ Об устройстве учебной части в Царстве Польском. Общая объяснительная записка // Исследования в Царстве Польском. Т. 4. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 12.

переводе крестьян, попадавших под действие указа 1846 г. и продолжавших отбывать барщину, с 1 октября 1861 г. на окуп — денежный эквивалент стоимости барщинных работ. Перевод на окуп считался временной мерой до очиншевания. Указ был нацелен на успокоение крестьянских волнений, вызванных новостью о крестьянской реформе в империи¹⁹ и пропагандой бывших членов Сельскохозяйственного общества из лагеря «красных»²⁰, однако не достиг своей цели. Он вызвал недовольство помещиков, опасавшихся финансовых убытков и остановки своих хозяйств, и не удовлетворил ожиданий крестьян.

Наконец в качестве решения крестьянского вопроса в Царстве в 1862 г. Велёпольским были подготовлены проекты обязательного очиншевания и выкупа чиншей. Первый проект был утвержден Александром II 14 мая (5 июня) 1862 г., но не был реализован на практике из-за начавшегося в январе следующего года восстания. Проект выкупа Велёпольского был основан на проекте Кредитного общества, однако его рассмотрение было прекращено из-за последовавшего 19 мая 1863 г. отказа Кредитного общества участвовать в финансировании выкупной операции и отзыва проектов Земледельческого и Кредитного обществ 1861 г.

§ 2. Борьба повстанцев и Петербурга за польского крестьянина как стимул к реформам в Царстве Польском

Перехват «красными» инициативы в дискуссиях о крестьянском вопросе в 1861–1862 гг. и провозглашение в день начала восстания Центральным комитетом радикальной программы наделения крестьян землей при условии немедленного прекращения отбывания повинностей были в значительной степени обусловлены предыдущим опытом польского повстанческого движения.

¹⁹ Об устройстве крестьянского быта. С. 24–28.

²⁰ Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 17 об.; Дополнительные сведения. С. 4–5.

В феврале 1831 г., через неделю после вступления русских войск в Польшу, Мауриций Мохнацкий, представитель радикального крыла и один из основателей «Патриотического общества», опубликовал известную статью «Почему не восстают массы?». Отмечая безразличие польских крестьян к делу национального восстания, Мохнацкий обратился к повстанческим властям с призывом: «Перестаньте же упорствовать в том ошибочном понимании, что одним восстанием вы спасете страну, нужна социальная революция, необходимо использовать для спасения гибнущей родины те средства, какие дает социальная революция»²¹. Лозунги консервативно настроенных в социальном отношении повстанческих властей взывали исключительно к национальному, то есть гражданскому чувству, которое было ограничено социальными барьерами. По замечанию Милютина, в равной мере справедливо применительно как к 1830-м, так и к 1860-м годам звание гражданина в польском обществе придавалось «только шляхтичу или человеку, который примыкает к шляхетству (духовному, купцу, вообще горожанину); крестьянин же не признается “обывателем” (т.е. гражданином — *В.К.*)»²². Мохнацкий же призывал пожертвовать классовыми интересами землевладельцев ради включения крестьян в национальную логику восстания — т.е. подчинить *классовую* логику логике *национальной*.

Несмотря на давление «Патриотического общества», повстанческие власти в Царстве не решились на объявление крестьянской реформы, однако прокламации с обещанием равноправия и наделения землей распространялись в Литве на литовском языке, что привлекло в ряды восставших некоторое количество литовских крестьян. Отчасти подтвердились и опасения польской аристократии: в Литве весной 1831 г.

²¹ *Mochnacki M. Czemu massy nie powstają? // Dzieła Maurycego Mochnackiego. T. IV. Pisma rozmaite. Poznań, 1863. S. 37–38.*

²² Об устройстве учебной части. С. 8.

имели место отдельные случаи расправ восставших крестьян над помещиками²³.

При подготовке польского восстания в Вольном городе Кракове и соседней Галиции в начале 1846 г. повстанцы попытались привлечь на свою сторону крестьян. Революционная программа предполагала их освобождение и наделение землей. Однако из опасения оттолкнуть шляхту угрозой «коммунистического» бунта подготовка восстания велась в тайне от крестьян²⁴. Вдруг провозглашенные панами лозунги национального и социального освобождения не нашли понимания среди крестьян, не привыкших ждать ничего хорошего от своих господ. Местные австрийские чиновники повернули ситуацию в свою пользу, спровоцировав волнения среди крестьян католического исповедания в нескольких местах в Западной Галиции, прежде всего в окрестностях Тарнува. Жертвами нападений на помещичьи усадьбы, сопровождавшихся грабежами и жестокими расправами с семьями помещиков и их арендаторами, стало более тысячи человек, и восстание было подавлено в зародыше. В 1846 г. австрийским властям удалось противопоставить сословные инстинкты крестьян лозунгам национальной и социальной революции, опираясь на прививаемую крестьянам со времени реформ Иосифа II лояльность императору, которого изображали в качестве защитника их интересов перед помещиками²⁵. Наделение крестьян землей и упразднение повинностей, осуществленное наместником Францем Стадионом на фоне разворачивающейся революции 1848 г., обеспечило лояльность крестьян династии и позволило Габсбургам сохранить на протяжении второй половины XIX в. возможность играть на *национальных, классовых и конфессиональных* противоречиях, подчинив их логике *имперской*

²³ Западные окраины. С. 99–100.

²⁴ *Struve K.* Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2005. S. 81.

²⁵ О конструировании дискурса крестьянской лояльности в Галиции см.: *Wolff L.* Op. cit. P. 13–187.

лояльности. Воплощением этой идеи стало представление об определенных группах населения Галиции (польских и русинских крестьянах, евреях) как о «верных императору» (*нем.* kaisertreu). Австрийским властям удалось использовать ту же тактику против Венгерского восстания в 1848–1849 г. Когда в октябре 1848 г. в Трансильвании началась резня венгерского населения, Вена сначала тайно, а затем открыто поддержала движение румынских крестьян²⁶.

В Царстве Польском на фоне радикализации общественных настроений в 1861–1863 гг. как власти, так и представители польского национального лагеря имели в виду опыт 1846 г. Первая попытка использования властями крестьянской лояльности против польских национальных активистов относится к 1861 г. После первых выстрелов по протестующим в Варшаве в феврале 1861 г. наместник М.Д. Горчаков получил от Александра II следующее указание: «Принять неотлагательно все те меры полицейские и военные, как по городу Варшаве, так и по всему Царству Польскому, которые столь успешно предохранили нас от беспорядков в смутные времена 1846, 1848 и 1849 годов»²⁷. В письме императора речь шла только о тех мерах, которые во время восстаний и кризисов в Австрийской империи предпринял в Царстве Польском тогдашний наместник И.Ф. Паскевич. По поручению Горчакова директор Комиссии внутренних и духовных дел (аналог министерства внутренних дел в Царстве Польском) П.А. Муханов составил циркулярное предписание гражданским губернаторам. Пункт, касающийся отношений уездных начальников, президентов и бургомистров городов и войтов гмин с крестьянами, в соответствии с пожеланием наместника, содержал предписание «внушать крестьянам, что правительство, особенно заботясь о их благосостоянии, ожидает, что они не только не будут слушать

²⁶ Gerő A. *Modern Hungarian Society in the Making: The Unfinished Experience*. Budapest; L.; N. Y., 1997. P. 101–102.

²⁷ Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова 22 марта 1861 г. Варшава // Русская старина. 1899. Т. С. Октябрь. С. 128.

подговорщиков к беспорядкам, но что даже для сохранения общественного порядка всякого появляющегося между ними для подговоров возмутителя будут задерживать и представлять ближайшему начальству»²⁸. В 1846 г. несколько крестьян действительно были награждены за поимку повстанцев²⁹, однако прямое обращение к помощи крестьян в противодействии повстанческим активистам скорее напоминало политику австрийских властей. Именно так этот пункт был воспринят польскими чиновниками в гражданской администрации и крупными землевладельцами, боявшимися, что власти намерены спровоцировать резню помещиков крестьянами. Их сильнейшая оппозиция весной 1861 г. привела к отзыву предписания и отставке Муханова³⁰. Как уже отмечалось выше, голоса, требовавшие отказа от необходимости учитывать мнение польских помещиков, стали звучать чаще после начала восстания. Так, в анонимной записке, составленной 10 (22) августа 1863 г. для представления шефу жандармов А.Л. Потапову, необходимость лишения помещиков полицейско-судебной власти над крестьянами была мотивирована успешным опытом использования конфликтов между крестьянами и помещиками в Галиции в 1846 и 1848 гг. Автор записки указал на возможность привлекать крестьян к борьбе против шляхты: «И [после реализации реформы] на случай войны мы будем сильнее в Царстве Польском, ибо поселяне ненавидят шляхту»³¹.

Повстанческие активисты ясно сознавали эту угрозу. В номере за 7 июля 1862 г. подпольной газеты «*Ruch*», органе Центрального

²⁸ Там же. С. 128–129.

²⁹ Официальная газета Царства Польского. 1846. 4 (16) Марта. № 59.

³⁰ *Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Powstaniu Styczniowym*. S. 140–141.

³¹ Записка неустановленного лица «Заметки по поводу событий в Западном крае» Петрозаводск, 10 августа 1863 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 568. Л. 1. Другие предложения использовать опыт галицийской резни приводятся в: Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 33 об. – 35; Обзорение комиссий по крестьянским делам в Царстве Польском за первоначальный период их деятельности // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 22–23; *Głębocki H. Fatalna sprawa*. S. 475–476.

национального комитета, отмечалось: «Отсутствие гармонии между стремлениями политическими и общественными (социальными) в Царстве Польском дает русскому правительству возможность склонить на свою сторону крестьян и держать в страхе помещиков под опасением социального взрыва»³². Относительно недавний опыт жестокого социального конфликта в Галиции создавал ощутимую атмосферу страха в среде помещиков. Разрешить конфликт между интересами нации, как их понимали повстанцы, и сословными интересами крестьян Центральный комитет, руководимый красными, предполагал убеждением крестьян, что «окончательного надела земель в собственность и всего счастья они должны ожидать от будущего польского правительства по изгнании москалей и немцев». Цель этой агитации виделась в том, чтобы, принимая собственность, крестьяне «соединились с остальными классами народа против общего врага» и «возымели основания взяться сами за оружие»³³. В отличие от организаторов восстания в Кракове и Галиции Центральный комитет начал агитацию среди крестьян заранее. В 1861 и 1862 гг. отмечались случаи массового участия крестьян в патриотических манифестациях: в сентябре 1861 г. крестьяне из Ловичского княжества участвовали в демонстрации в Варшаве по случаю похорон архиепископа А.М. Фиалковского, а в октябре того же года в местечке Гура-Кальвария на панихиду по Тадеушу Костюшко собралось до 6 тыс. крестьян. Однако были распространены и случаи выдачи крестьянами повстанческих активистов властям³⁴.

В день начала восстания 10 (22) января 1863 г. Центральный комитет издал манифест и декреты об освобождении крестьян с землей³⁵ и наделении безземельных крестьян, которые примут участие в восстании,

³² Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

³³ Там же. Л. 27 об. – 28 об.

³⁴ Там же. Л. 24–26 об.

³⁵ Odezwa Rządu Narodowego w sprawie uwłaszczenia włościan z 22 stycznia 1863 r. // IJPA. Z. 84. T. 8. Fol. 2.

земельными участками. Компенсация помещикам должна была быть выплачена будущим правительством. Тем самым не были учтены интересы помещиков, которые еще во время событий 1861–1862 гг. жаловались на задуманный красными «социальный переворот»³⁶. После начала восстания отмечались массовые случаи саботажа помещиками реализации декретов об освобождении крестьян. Комиссары повстанческого правительства в свою очередь тщательно следили за соблюдением указов об освобождении крестьян и наказывали помещиков, которые продолжали требовать от своих крестьян отбывания повинностей. Привлечь крестьян на свою сторону в достаточном количестве повстанцам также не удалось. В течение месяца с начала восстания было отмечено большое количество случаев сопротивления, оказанного польскими крестьянами, повстанцам. С помощью жестких действий карательных отрядов повстанческого Национального правительства (*пол.* Rząd Narodowy) крестьянские волнения были подавлены.

Повстанцам все же удалось собрать некоторое количество крестьянских повстанческих отрядов. Однако русские военные указывали на легкость, с которой они обращались в бегство, вместе с тем отмечая храбрость и высокие боевые качества повстанцев-горожан³⁷.

В письме, перехваченном в Дрездене сотрудниками III отделения, один из участников повстанческого движения назвал главной причиной поражения восстания отказ в его поддержке крупными землевладельцами: «Основанием всего движения служат деньги. Их нам предоставляли землевладельцы (которых мы нарекли предателями, потому что они не хотели бездумно участвовать в восстании; и, ей-Богу, их практический дух оказался вернее нашего); они были настоящей базой организации, но платили налог лишь до тех пор, пока видели какую-то надежду на победу, если не путем вооруженной борьбы (во что они не верили никогда), то

³⁶ Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 28.

³⁷ Там же. Л. 39.

политическими средствами; когда они разочаровались в обеих возможностях, у них больше не было причин бросать свои деньги на ветер, и организация, лишенная жизненных соков, должна была пасть»³⁸.

В выписке из другого письма, написанного неизвестным русским чиновником из Северо-Западного края, поражение восстания в первую очередь связывается с крестьянским вопросом: «Бывшее восстание не удалось по совершенному равнодушию к нему сельского населения, поляки успели так озлобить против себя мужиков, которые с радостью составляли сельские караулы и ловили мятежников, тем более что правительство за это платило»³⁹.

Эти примеры показывают не только то, как повстанцам не удалось согласовать классовые интересы крестьян и помещиков, но и то, как отличались действия российских властей в отношении конфликтов крестьян с помещиками во время восстания в Западных губерниях и Царстве Польском.

Как отмечают М.Д. Долбилов и А.И. Миллер, в Северо-Западном крае власти начали смотреть на противостояние крестьян и помещиков в националистическом ключе в апреле 1863 г., когда крестьянами-раскольниками в Динабургском уезде Витебской губернии был разгромлен и выдан властям отряд Л. Платера⁴⁰. П.А. Валуев, министр внутренних дел, вспоминал по увольнении в 1868 г., что использованию крестьянского сопротивления повстанцам в первые месяцы восстания оказывали противодействие возглавлявший III отделение князь В.А. Долгоруков и граф П.А. Шувалов. Сам Валуев находил содействие крестьян в подавлении

³⁸ Lettre interceptée à Dresde. François Dolega. Cracovie, le 7 Juin 1864. Traduction du polonais // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 580. Л. 3.

³⁹ Выписка из письма, полученного из Северо-Западного края // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 434. Л. 17 об. – 18.

⁴⁰ Западные окраины Российской империи. С. 228. Об использовании этого случая в антипольской пропагандистской кампании в прессе см.: *Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870.* Madison, 2010. P. 108–113.

восстания «беспорядочным, но полезным»⁴¹. Современники противопоставляли активное сопротивление польским повстанцам «единоверных поселян» в Западных губерниях и пассивность польских крестьян в Царстве⁴². Содействия крестьян в подавлении восстания в Западном крае власти добились после назначения виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьева, которым были изданы дополнительные указы, менявшие отношения освобожденных в 1861 г. крестьян с помещиками, и учреждены сельские караулы.

Об учреждении сельской стражи в Царстве Польском было объявлено циркуляром наместника 26 апреля (8 мая) 1863 г. — т.е. через два дня после издания утвержденных Александром II правил для образования в Западных губерниях сельских караулов. Однако на деле караулы создавались только в местностях, непосредственно прилегавших к расположению войск⁴³. Помимо активизации действий повстанцев на неэффективность сельской стражи повлиял предыдущий опыт неудачного взаимодействия властей с крестьянами.

В 1861 г. российские власти, стремившиеся в тот момент к поиску компромисса с польскими крупными землевладельцами, применяли войска для подавления возникших в ряде местностей Царства Польского волнений крестьян, которые требовали перевода с барщины и окупа на чинш⁴⁴.

Крестьянские волнения, направленные против помещиков, повторились после начала восстания. Наиболее масштабный случай имел

⁴¹ *Валуев П.А.* Дневник. Т. I. С. 350.

⁴² Записка генерал-майора И.П. Липранди «Несколько слов о прошедшем, настоящем и будущем мятежного края» (1864. Февраль) с сопроводительным письмом от 25 марта 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 566. Л. 28. В своей записке И.П. Липранди скептически отнесся к возможности краткосрочных эффектов только что оглашенной, на момент ее написания, крестьянской реформы Н.А. Милютина в Царстве Польском: «Манифест 19-го февраля сего года о наделе землей поселян в Царстве Польском неоспоримо должен со временем, но только именно со временем, дать полезные плоды, когда мятеж будет прекращен *русской силой*» (там же. Л. 38 об.).

⁴³ Всеподданнейший отчет генерал-полицмейстера в Царстве Польском за 1864 год // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1531. Л. 94.

⁴⁴ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w Powstaniu Styczniowym. S. 152–168.

место в Опочинском уезде Радомской губернии в феврале 1863 г., где ок. 100 шляхтичей были задержаны крестьянами и выданы властям по подозрению в участии в восстании. Начальник Радомского военного отдела Александр Ушаков предпринял попытку использовать крестьянский бунт против повстанцев. Однако по приказу гражданского губернатора Александра Островского, поляка по происхождению, и при поддержке А. Велёпольского из страха повторения галицийской резни волнения были подавлены, а задержанные освобождены⁴⁵. Штабс-капитан Белинский в записке, составленной в январе 1864 г. для наместника в Царстве Польском, Ф.Ф. Берга, в связи с этим отметил, что в этом и в других аналогичных случаях в Царстве «разные современные обстоятельства помешали воспользоваться вовремя крестьянским движением»⁴⁶. Хотя националистически настроенные русские чиновники обвиняли губернатора в неблагонадежности и впоследствии добились его отставки, здесь он скорее руководствовался связанными с сословной иерархией представлениями об общественном порядке, нежели национальной логикой. Александр II впоследствии возлагал всю ответственность за неудачу во взаимодействии с крестьянами в Радомской губернии на А. Велёпольского, чью систему власти был призван демонтировать Н.А. Милютин⁴⁷.

Ущерб взаимоотношениям властей с крестьянами нанесли и случаи применения экзекуций военными отрядами для сбора податей с крестьян и помещиков. Последние нередко объясняли неуплату налогов невозможностью получения дохода от своих имений из страха перед

⁴⁵ [1863 г.] февраля 5 (17). [Радом]. — Донесение А. Островского в Правительственную комиссию внутренних дел о волнениях крестьян в Опочинском уезде // Крестьяне и крестьянский вопрос. С. 31–33; 1863 г. февраля 7 (19). Радом — Приказ А. Островского начальнику Келецкого уезда Леону Готье о подавлении крестьянских волнений военной силой // там же. С. 36; Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 33 об. – 34 об.; *Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Powstaniu Styczniowym*. S. 272–276.

⁴⁶ Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 35.

⁴⁷ Января 7 (19). Петербург. — Александр II Ф.Ф. Бергу // Переписка наместников. С. 175.

комиссарами повстанческого правительства. Летом 1863 г. в имения не плативших подати помещиков были отправлены экзекуционные команды, которым было поручено в случае неимения у владельцев поместий наличных денег собирать недоимки с крестьян в счет уплаты чинша или окупа. Особенное сожаление Н.А. Милютин вызвали случаи, когда в некоторых местах военные начальники занимались сбором с крестьян недоимок по повинностям в пользу помещиков⁴⁸. В последующие месяцы, по показаниям командующих подвижных колонн, крестьяне перестали оказывать сопротивление повстанцам и сотрудничать с русскими военными из страха перед повстанческим террором⁴⁹.

Почти повсеместное формирование сельских караулов было осуществлено только в начале 1864 г. накануне оглашения указов 19 февраля о прекращении крестьянских повинностей. Сельская стража была введена во всех военных отделах за исключением Радомского, где в это время еще шли бои с повстанческими отрядами. Кроме того, на решение отказаться от немедленного учреждения сельской стражи там, вероятно, повлияли поступавшие в конце 1863 г. донесения о сотрудничестве крестьян Радомской губернии с повстанцами «доставлением сведений о приближении наших отрядов» и «различными материальными средствами» вследствие мер повстанцев, «клонящихся к приобретению искреннего их сочувствия» в конце 1863 г.⁵⁰ Пропагандистский эффект реформы ожидаемо положительно сказался на активности сельской стражи. 22 марта (3 апреля) Н.А. Милютин писал жене из Варшавы: «Крестьяне видимо входят в силу и начинают более и более хватать повстанцев»⁵¹. Однако даже в условиях

⁴⁸ Общая объяснительная записка // Исследования в Царстве Польском. Т. 4. С. 42.

⁴⁹ Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 37–38.

⁵⁰ 1864 г. марта 9 (21). Варшава. — Докладная записка капитана барона Медема Ф.Ф. Бергу // Крестьяне и крестьянский вопрос. С. 120–121.

⁵¹ Н.А. Милютин к жене. 22 марта 1864 // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 46.

снизившейся активности повстанческих отрядов большинство военных начальников не считали возможным вооружение крестьян⁵².

Этот поворот к политике опоры на крестьянство произошел с поручением в сентябре 1863 г. подготовки крестьянской реформы в Царстве Н.А. Милютину⁵³, человеку, не знавшему польского языка и не знакомому с Польшей, но близкому царю во взглядах на пути усмирения мятежного края и имевшего за спиной опыт разработки крестьянской реформы в России. 31 августа (12 сентября) состоялась его встреча с императором, который, согласно записи, сделанной М.А. Милютиной, женой Н.А. Милютина, заявил о своем желании «искать опоры в народе» и бросить систему примирения с польской аристократией, «введенную еще Александром Павловичем и продолженную также безуспешно братом и маркизом Велёпольским»⁵⁴.

В октябре 1863 г. Милютин отправился в поездку по Царству вместе с ближайшими соратниками по разработке крестьянской реформы в империи, бывшим калужским губернатором, поляком по происхождению, Виктором Арцимовичем и славянофилами Юрием Самариным⁵⁵ и князем

⁵² Всеподданнейший отчет генерал-полицмейстера в Царстве Польском за 1864 год // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1531. Л. 98 об.

⁵³ Вопрос о назначении Н.А. Милютина на должность руководителя гражданской администрации в Царстве Польском обсуждался в начале 1862 г. Однако тогда это назначение по настоянию великого князя Константина Николаевича получил А. Велёпольский, а Милютин смог продолжить свой отдых за границей, продолжавшийся с момента завершения работ над крестьянской реформой в империи в Редакционных комиссиях в 1861 г. О формировании представлений Милютина о способах решения польского вопроса во время пребывания за границей см.: *Leroy-Beaulieu A.* Op. cit. P. 128–155.

⁵⁴ Записки М.А. Милютиной // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1144. Л. 11 об. – 12. Ср.: *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 79.

⁵⁵ Ю.Ф. Самарин участвовал в разработке крестьянской реформы, однако в отличие от остальных авторов реформы отказался от участия в ее реализации в Польше и уехал в начале 1864 г. в заграничную поездку, чтобы восстановить здоровье. В июне 1864 г. после долгих безуспешных уговоров Н.А. Милютина занять готовившееся для Самарина место члена-заведующего делами Учредительного комитета в Варшаве, на эту должность был назначен Я.А. Соловьев, также работавший до того над осуществлением крестьянской реформы в России. В своих воспоминаниях Дмитрий Милютин, военный министр и брат Н.А. Милютина, упоминает, что вопрос участия Самарина в разработке реформы в Петербурге выглядел щекотливым из-за того, что тот в 1861 г. отказался

Владимиром Черкасским. Отчет о поездке был составлен Самариним и предназначен, как писал Николай Милютин в письмах к жене и брату Дмитрию (военному министру), для подготовки мнения в Петербурге к их возвращению⁵⁶. Представляемый Самариним образ польского крестьянина был сформулирован в славянофильском духе. Многие его черты прочно вошли как в публичный, так и во внутренний дискурс российских властей в Царстве Польском.

В духе националистического дискурса «открытия» народа польский крестьянин изображен Самариним неожиданно (для читателя) умным и сознательным субъектом экономической системы, в которую он вынужден встраиваться:

«Крестьяне польские, по крайней мере те, с которыми мы говорили, далеко не так подозрительны, замкнуты и нравственно забиты, как обыкновенно говорят. [...] Крестьяне, насколько мы могли об этом судить, не потеряли сознания предоставленных им прав, несмотря на частое их нарушение; они не только понимают разницу между положением правящих барщину и платящих окуп или чинш, но отдают себе отчет в самой причине этой разницы. Так, например, они никогда не смешивают двух существующих теперь в помещичьих имениях видов денежной повинности, *окупа* и *чинша*, и очень верно отличают первый, как переложенную на деньги ценность барщинных рабочих дней, от второго (то есть чинша), как повинности грунтовой, то есть, более или менее точно исчисленной по количеству и качеству земли. Самый способ определения окупа им вполне известен, и на вопросы наши, они безошибочно нам объясняли, как переводилась барщина на деньги...»⁵⁷.

принять орден, пожалованный ему за работу в Редакционных комиссиях (*Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 285).

⁵⁶ Н.А. Милютин к жене. 27 октября 1864 // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 34; Н.А. Милютин Д.А. Милютину. Варшава, 3/15 ноября 1863 г. // там же. Л. 36.

⁵⁷ Поездка по некоторым местностям Царства Польского в октябре 1863 года // Исследования в Царстве Польском. Т. 1. С. 4–5.

Природа и происхождение представлений Самарина о крестьянстве требуют комментария. Пристальное внимание властей и образованного общества было приковано к внутреннему устройству русской деревни со второй половины 1830-х гг. В это время П.Д. Киселев провел реформу управления государственными крестьянами, которая была нацелена на улучшение контроля и опеки над сельскими общинами, а С.С. Уваров осуществил ряд преобразований образовательных учреждений для низших сословий. Общее отношение чиновников к крестьянам характеризовалось крайним патернализмом. Так, Киселев, обосновывая свое видение реформы, писал о двух важнейших причинах крестьянской бедности: «От недостатка покровительства крестьяне обременены незаконными поборами [...] От недостатка наблюдения разврат и пьянство»⁵⁸. В то же время, как отмечает А.В. Вдовин, начало распространения крестьянской грамотности сделало возможным конструирование на страницах появлявшихся книг для народного чтения патриархального крестьянского субъекта — добродетельного верноподданного мужика или крестьянки⁵⁹. В результате осмысления Декарта — т.н. «частной революции» — в философии французского и английского Просвещения автономно мыслящий и принимающий рациональные решения субъект (а не Божья воля) стал восприниматься как ключевой политический актор⁶⁰. В действительности авторы дидактических книжек для народного чтения были далеки от признания автономности мышления крестьян. Не были близки к этой мысли и идеализировавшие народ славянофилы. Основанная на идеализации крестьянской общины и народного коллективизма «консервативная утопия»

⁵⁸ Цит. по: *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 63.

⁵⁹ *Вдовин А.В.* Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М., 2024. С. 333–345.

⁶⁰ См.: *Декомб В.* Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011. С. 378–434; *Emirbayer M., Mische A.* What Is Agency? P. 964–965.

славянофилов 1840-х гг., как показывает исследование А. Валицкого, была принципиально антирационалистической и антииндивидуалистической⁶¹.

Ситуация изменилась в 1850-е гг. На фоне актуализации проблемы отмены крепостного права у читающей публики сложился запрос на более реалистичное изображение крестьянской жизни. В популярной литературе это отразилось в кризисе жанра сельской идиллии и популярности нового жанра рассказа из крестьянского быта. Общественные дискуссии по крестьянскому вопросу, по замечанию А.В. Вдовина, сформировали новое представление о простонародье как о «неизвестной еще и непонятой силе, ждущей “открытия”»⁶². Крестьяне все еще представляли в образе идеализированного (реже — демонизированного) Другого, в котором отражалось естество загадочной русской души. Однако уже к 1861 г. все большее распространение получает нейтральная оценка заключенного в «загадочной душе» русского народного характера, что говорит о том, что в русском образованном обществе начало складываться представление о крестьянской субъектности (*agency*). В это же время в книгах для простонародного чтения появляются первые попытки сконструировать эмансипированного крестьянского субъекта⁶³.

Возникновение возможности общественных дискуссий и ограниченного участия в политических процессах после смерти Николая I привело к распространению среди славянофилов прагматичного отношения к крестьянскому вопросу. А.С. Хомяков призвал отказаться от утопической идеи распространения принципов общинной жизни на высшие слои русского общества, а занявшие аналогичную позицию Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский и А.И. Кошелев приняли непосредственное участие в подготовке реформы 1861 г.⁶⁴

⁶¹ Валицкий А. Указ. соч. С. 190–335, 511–521.

⁶² Вдовин А.В. Указ. соч. С. 396.

⁶³ Там же. С. 30, 242–243, 347–353, 421.

⁶⁴ Валицкий А. Указ. соч. С. 282–283.

Самарин, оказавший большое влияние на рецепцию русской бюрократией нового представления о крестьянстве, сочетал его с характерной для славянофилов идеализацией крестьянской общины и укорененности крестьянина в почве. Для его взгляда на крестьян характерно разделяемое более или менее всем русским образованным обществом⁶⁵ представление о крестьянской субъектности скорее как об автономном переживании чувств, а не рациональном мышлении. Под влиянием «аграрного романтизма» Вильгельма Рия, основателя немецкой традиции «народоведения» (*Volkskunde*), крестьянский мир представлялся Самариним как «иномир» — пространство иного исторического времени⁶⁶. Во время работы Самарина над крестьянской реформой 1861 г. в Редакционных комиссиях им были сформулированы две ключевые метафоры, которые продолжали задавать тон политики милютинцев в крестьянском вопросе и после их приглашения в Царство Польское в конце 1863 г. Первая из них — метафора «пробуждения» народа от векового сна крепостничества⁶⁷. Процесс пробуждения подразумевал необходимость «созревания» или «взросления» народа для общественной жизни. Тезис об асинхронном характере крестьянского мира при этом ставил под вопрос эффективность и полезность прямого бюрократического воздействия на народ, что вызывало споры между реформаторами как в империи, так и впоследствии в Царстве Польском. Тем не менее общим для них было представление о необходимости опоры на крестьянскую субъектность при проведении аграрных реформ. Вторая — типичная для националистического дискурса метафора «открытия» народа. «Мы строили не на песке, а докопались до самого материка», — писал Самарин Н.А. Милютину в октябре 1861 г. об итогах их трудов над реформой в империи⁶⁸. Националистический мотив стал звучать в языке имперской

⁶⁵ Вдовин А.В. Указ. соч. С. 106.

⁶⁶ Христофоров И.А. Судьба реформы. С. 112–114.

⁶⁷ Там же. С. 128, 151.

⁶⁸ Цит. по: Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации. С. 135–136.

бюрократии значительно чаще после начала Польского восстания. В этом отношении показателен пример виленского жандармского штаб-офицера А.М. Лосева, который в январе 1863 г. отзывался в донесении начальнику III отделения о крестьянах, как о «стаде баранов», а уже в апреле, реагируя на упомянутый выше случай разгрома отряда Л. Платера динабургскими старообрядцами, писал, что «сила правительства» — «в массе народа»⁶⁹. Наконец в свете славянофильских поисков ответа на польский вопрос, основанных на представлении о том, что польское крестьянство сохранило свой славянский характер⁷⁰, неудивительно обращение Самарина и Милютина к крестьянской субъектности как к идеологическому обоснованию нового курса властей в Царстве Польском.

Вернемся к тексту записки о результатах объезда Царства Польского Милютиным и его соратниками. Передав свое впечатление от знакомства с польскими крестьянами, Самарин продолжил записку описанием врагов крестьянского мира. Очевидно, главным врагом крестьянина он изобразил помещика и его служащих — «официалистов». Он пишет, что «о барщине, или панщизне (*пол. pańszczyzna* – В.К.), крестьяне отзывались не иначе, как с омерзением»⁷¹. Единственным препятствием для коммуникации с крестьянами во время поездки представлены «какие-то сторонние лица, отличавшиеся от толпы физиономией и одеждой» — «официалисты помещиков, писаря, конторщики, приказчики, видимо, присматривавшие за крестьянами», после удаления которых сопровождавшим их в поездке конвоем крестьяне «мгновенно поднимали головы, ободрялись и начинали объясняться смелее»⁷². В свою очередь свободные от отношений с помещиками казенные крестьяне осознают превосходство своего положения «не только в хозяйственном, но и в нравственном отношении».

⁶⁹ Там же. С. 140.

⁷⁰ *Głębocki H. Fatalna sprawa*. S. 183–207, 420–470; *Тесля А.А.* Славянофилы и «польский вопрос». С. 108–134.

⁷¹ Поездка по некоторым местностям. С. 5.

⁷² Там же. С. 4.

Так, крестьяне селения Стремежичи Великие, подчеркивая лояльность монарху, заявили им, «с особенным чувством достоинства»: «Кроме Бога и Царя — мы не боимся никого»⁷³.

Другим врагом крестьянина Самарин изобразил католическую церковь. Враждебный, согласно убеждениям славянофилов, славянскому началу костел не может быть близок сохранившему славянский дух польскому крестьянину. Самарин привел случай жалоб крестьян одного из имений в Олькушском уезде Радомской губернии на местного ксендза из-за наложенного им запрета играть на скрипке. Запрет, по его оценке, был вызван намерением привлечь крестьян к участию в вызванной высылкой архиепископа Фелинского из Варшавы демонстрации, которой «они нисколько не сочувствуют и даже не понимают». Нарушение обычая «глубоко огорчило и оскорбило краковаков, страстных охотников до музыки и плясок», пишет Самарин⁷⁴. Здесь он сознательно подчеркивает этнографические особенности части польского крестьянства, «краковаков»; в другом месте он пишет, что в Царстве преобладают два *различных* племенных типа: «великополяне» и «кракусы»⁷⁵. Самарин с удовлетворением отмечает невосприимчивость крестьян к националистической риторике повстанцев. Так, он передает слова старухи из селения Блендова Кузница, прокомментировавшей рассказы крестьян о повстанческих воззваниях: «Мы отчизны не бороним; где нам! И какая у нас отчизна? Там мы ее найдем, когда умрем». И тем не менее он вынужден признать сочувствие крестьян лозунгам повстанцев, вызывавшим к их классовым интересам. Как сам Самарин, так и автор записки, составленной для Берга в январе 1864 г., отмечают прекращение платежа чинша в одних селениях, и продолжение выплат в других. В частности, автор записки пишет, что привыкшие к неплатежу крестьяне, вероятно, встретили бы

⁷³ Там же. С. 5–6.

⁷⁴ Там же. С. 12.

⁷⁵ Там же. С. 2.

возобновление отбывания повинностей с ропотом⁷⁶. Главной же причиной отказа крестьян в активной поддержке восстания он называет их недоверие *безличному* правительству и сомнение в способности повстанцев обеспечить выполнение своих распоряжений⁷⁷. Тем самым он фактически указывает, что Национальному правительству в 1863 г. (в отличие от положения восставших в 1831 г.) не хватало для обеспечения крестьянской лояльности прежде всего авторитета и силового ресурса.

Чтобы предотвратить включение деревни в повстанческое движение, необходимо было перехватить инициативу в крестьянском вопросе. Для Милютина было собрано некоторое количество экземпляров воззваний, распространявшихся повстанцами среди крестьян. Повстанческое правительство использовало в своей пропаганде упомянутые выше случаи отправки властями экзекуционных команд в деревни, не исполнявшие повинности в пользу помещиков. Милютин отметил распространение в Олькушском уезде Радомской губернии листовок с призывом бороться с «москалем, жадным грабителем», сопровождавшихся в отдельных случаях экзекуциями повстанческих властей против помещиков, в результате которых крестьянам возвращали выплаченные ими чинши и окупы⁷⁸. Помимо повсеместных призывов к национальной солидарности и защите имущественных интересов крестьян, повстанцы взывали к конфессиональной логике, а также сознательно упрощали для крестьян этнонациональную аргументацию. Пример тому дает листовка, распространявшаяся летом 1863 г. в Радомской губернии от имени начальника Краковского воеводства: «[Русские] желают уничтожить нашу святую веру и принудить нас, чтобы мы покланялись их церквам и попам; намерены измучить и изгнать всех, говорящих на польском языке, а землю

⁷⁶ Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 42.

⁷⁷ Поездка по некоторым местностям. С. 21.

⁷⁸ Об устройстве крестьянского быта. С. 42–43. Сама листовка приведена в: Приложение четвертое. Разные документы по крестьянскому делу // Исследования в Царстве Польском. Т. 2. С. 95.

нашу — польку — отдать своим кацапам»⁷⁹. Как будет видно далее, опыт, приобретенный Милютиным в ходе личного общения с крестьянами и изучения повстанческой пропаганды, определил модель коммуникации занимавшихся крестьянским вопросом чиновников с польскими крестьянами.

Положительная программа Милютина в отношении крестьянского вопроса состояла из двух реформ: выкупной операции с целью наделения крестьян землей и реформы гминного управления. Указы были подготовлены Н.А. Милютиным, Ю.Ф. Самариным и В.А. Черкасским в очень краткий срок в ноябре – декабре 1863 г. и опубликованы 19 февраля (2 марта) 1864 г. П.А. Валуев в своем дневнике резко раскритиковал ту поспешность, с которой готовилась реформа, и полное исключение польского общества из процесса ее обсуждения: «Проект составлен лицом, не знающим Польши, пробывшим там 6 недель и будет обслуживаться и обращаться в закон без участия хотя бы единого поляка! [...] Где мы? В Европе? — Нет. В Азии? — Нет. Где-нибудь между обеими ими в полу-Европе, в Белграде или Бухаресте»⁸⁰.

Согласно указам 19 февраля, живущие на своих земельных участках крестьяне становились их собственниками, отменялись все повинности в пользу помещиков, прекращалась выплата чиншей и окупов, вместо которых был введен поземельный налог, платимый крестьянами в пользу помещиков и казны и составлявший приблизительно 2/3 от платимых ими прежде повинностей⁸¹. Крестьянская реформа противопоставляла интересы крестьян и помещиков в нескольких отношениях: во-первых, крестьяне не только освобождались со всей землей, которой они обладали на момент провозглашения указа, но и получали право оспорить несправедливо отобранные у них с 1846 г. земли; во-вторых, в отличие от проектов выкупа

⁷⁹ Там же. С. 93.

⁸⁰ Валуева П.А. Дневник. Т. I. С. 262–263.

⁸¹ Костюшко И.И. Крестьянская реформа. С. 130.

чиншей, разработанных Земледельческим обществом и А. Велёпольским, за крестьянами сохранялись сервитуты (право общего пользования пастбищами и лесом в помещичьих владениях); и наконец из-под контроля шляхты выводилась должность гминного войта (главы гмины — мельчайшей административной единицы в Польше, состоявшей из нескольких сельских общин — громад)⁸².

В документах, предоставленных Милютину для подготовки реформы в сентябре 1863 г., уже высказывались предположения о возможности отторжения крестьян от высших сословий посредством учреждения сельского управления «на правилах, изданных для великороссийских губерний»⁸³ и даже предложения вести пропаганду союза империи и крестьян среди солдат⁸⁴. Сам Милютин не считал разумным провоцировать крестьян к волнениям и по этому поводу написал во всеподданнейшем докладе от 3 (15) июля 1864 г., что крестьяне и так готовы к резне помещиков, однако русская армия должна предотвращать неконтролируемое насилие, а повторение событий, которые могли бы напоминать Галицийскую резню 1846 г. даже в малых масштабах было бы выгодно для шляхетской партии, так как с одной стороны последовавшее за ним наказание виновных стало бы «удобным поводом для смущения народа невыгодным для правительства толкованием репрессивных мер», а с другой стороны оно было бы «предлогом для всевозможной клеветы против правительства, которое не трудно было бы опорочить в глазах поверхностных партизанов (сторонников — *В.К.*) польского шляхетского

⁸² Dziennik Praw. Tom 62. Warszawa, 1864. S. 14–17, 36–93.

⁸³ Записка неустановленного лица «Заметки по поводу событий» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 568. Л. 1.

⁸⁴ «Для крестьян понятие об нашей армии и об русском правительстве совершенно нераздельно, и потому полезно было бы особыми распоряжениями внушить солдатам, что крестьяне в Царстве только жертвы революционеров, что на них нужно смотреть, как на расположенное к нам сословие и, не делая им никаких обид, напротив стараться всеми средствами приласкать и склонить на свою сторону, что такое поведение войска будет считаться такой же заслугой перед Престолом и Отечеством, как и разбитие шаек мятежников». Весь текст был зачеркнут рукой Н.А. Милютина (Анонимная записка «Дополнительные сведения» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 42 об.).

сословия»⁸⁵. Вместе с тем он безусловно разделял идею противопоставления «олигархии» «угнетенной массы», которую прежде требовалось «поднять и поставить на ноги»⁸⁶.

Важность этой функции указа накануне его публикации подчеркивал генерал-майор свиты Е.И.В. и будущий виленский и туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, который в начале февраля был с командировкой в Варшаве и обсуждал взаимодействие армии и сельской стражи с съехавшимися туда начальниками военных отделов. Кауфман считал, что добиться нейтральности крестьян, как единственного класса, который можно использовать для «составления себе партии» в Царстве, будет недостаточно. Цель политики в отношении крестьян во время восстания он видел в том, чтобы крестьяне «вооружились против революции» и «стали в наш лагерь», для чего он предложил дополнительно поощрять крестьян к доносам против помещиков⁸⁷.

Милютин считал, что последовательное проведение крестьянской реформы должно было привести к «постепенному обновлению всего гражданского быта в Польше». «Во всяком случае, введение *нового, консервативного элемента* в польское общество, при известных условиях, может, до некоторой степени укрощать или хотя [бы] сглаживать те невозддержные порывы, которые доселе постоянно парализировали всякое разумное управление в крае»⁸⁸ (курсив мой — *В.К.*), — писал он, представляя крестьянскую реформу как главное средство сохранения

⁸⁵ Обзорение комиссий по крестьянским делам // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 22–23.

⁸⁶ Н.А. Милютин Я. А. Соловьеву. Варшава, 29 марта / 11 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 48 об. Ср.: «Можно будет, наперекор всей латинской шляхетской Польши (так в тексте — *В.К.*), поднять очень скоро этот угнетенный народ, который может сделаться действительной опорой для русского правительства» (К жене. 25 октября / 7 ноября 1863 г. // там же. Л. 30 об.).

⁸⁷ Записка директора канцелярии Военного м-ва К.П. Кауфмана о русской политике в Польше после восстания 1863 г. 17 (29) февраля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 567. Л. 1–7.

⁸⁸ Копия всеподданнейшей записки сенатора Милютина от 3 декабря 1863 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1607. Л. 27–27 об.

российской власти в Царстве Польском, а крестьян как защитников империи от революции в записке для Александра II от 3 (15) декабря 1863 г.

Милютин отмечал важность сохранения контроля над гминным управлением с той же целью. В докладной записке о первых месяцах работы крестьянских комиссий он привел на этот счет мнение неназванных комиссаров: «При некоторых преобразованиях в администрации и при самом незначительном числе войск (преимущественно в видах охранения полицейского порядка), никакое восстание немыслимо до тех пор, пока изданный закон о гминах будет тщательно предохраняем от искажений и пока правительство будет спокойно опираться на сельское население»⁸⁹. Спокойствие правительства, по мысли реформатора, должно было обеспечить то, что на первых выборах весной 1864 г. из около 3 тыс. гмин лишь примерно в сорока случаях крестьяне сохранили прежнего войта из помещиков и их служащих, а не выбрали нового из своей среды⁹⁰.

Для разработки новых постановлений и контроля над ходом крестьянской реформы, по указам 19 февраля, в Варшаве был создан особый орган — Учредительный комитет. Изначально в его состав вошли подготовившие крестьянскую реформу Милютин (как временный член комитета), Черкасский и Арцимович, а председателем был назначен наместник Ф.Ф. Берг. В Санкт-Петербурге, по указу императора 25 февраля (8 марта) 1864 г., для контроля над деятельностью местных властей в Варшаве был создан особый совещательный орган — Комитет по делам Царства Польского. Для непосредственной коммуникации с крестьянами создавались крестьянские комиссии, набранные из русских чиновников и офицеров⁹¹. Именно им отводилась ключевая роль в осуществлении плана Милютина по трансформации идентичности польских крестьян. 1 (13) января 1864 г. в Царстве Польском по проекту Милютина, согласованному

⁸⁹ Обзорение комиссий по крестьянским делам // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 6 об. — 7.

⁹⁰ Там же. Л. 4.

⁹¹ *Dziennik Praw*. Tom 62. 1864. S. 136–155.

с Бергом, в качестве особой меры безопасности при проведении крестьянской реформы в условиях продолжавшегося восстания было введено военно-полицейское управление⁹². Крестьянские комиссии должны были работать в тесном сотрудничестве с военными начальниками, которым была предоставлена полицейская власть в Царстве.

Особое внимание в первые месяцы работы комиссий по крестьянским делам Милютин уделял их представлению крестьянам. На первых четырех заседаниях Учредительного комитета с 14 (26) марта по 4 (16) апреля были составлены инструкции военным начальникам и комиссиям о порядке их взаимодействия с крестьянами. Первым было предписано строго взыскивать «за всякое беззаконие и самоуправство» против крестьян со стороны помещиков, арендаторов и их официалистов, не допускать возобновления дел помещиков против крестьян по упраздняемым повинностям и вместе с тем в случае предъявления крестьянами требований, не соответствовавших новым законам, действовать «со всевозможною мягкостью, терпением и внимательностью». Кроме того, допускалось поощрение крестьян к доносам на повстанцев: военные начальники должны были объяснять крестьянам, что скорость открытия крестьянских комиссий зависит от умиротворения края, в чем им предлагалось принять участие⁹³. В инструкции комиссиям особенное внимание было уделено характеру прямой коммуникации с крестьянами. В частности, комиссарам было рекомендовано исключить лишнее взаимодействие с помещиками и не ночевать в помещичьих домах, «так как обстоятельство это могло бы ослабить доверие крестьян к исполнителям Высочайших указов 19 февраля

⁹² Копия всеподданнейшей записки сенатора Милютина от 3 декабря 1863 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1607. Л. 22–22 об.; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 132–133; *Lincoln W.B. Nikolai Miliutin.* P. 85.

⁹³ Инструкция уездным и участковым начальникам по устройству быта крестьян // Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. Т. I. Варшава, 1865. С. 8–9.

сего года»⁹⁴. Поводом к запрету послужил случай, когда полномочный представитель Потоцких устроил для губернатора и офицеров завтрак в поместье сразу после оглашения указов в Вилянове под Варшавой в присутствии ок. 3 тыс. крестьян 26 февраля (9 марта) 1864 г.⁹⁵ Мера по исключению любого необязательного общения комиссаров с помещиками действительно соблюдалась и имела эффект. В основанной на официальных отчетах из Царства статье, помещенной в «Русском инвалиде» в конце 1864 г. красочно описаны трудности «полевой» работы комиссаров, вынужденных останавливаться в корчмах, гминных канцеляриях или у ксендзов, разбирать жалобы на открытом воздухе и ставить караул, чтобы не пускать помещиков в комнаты для совещаний, а также отказываться от предлагаемых иногда помещиками угощений, шампанского и попыток завязать светскую беседу на французском, «не оскорбляя однако общих правил вежливости»⁹⁶. В августе 1864 г. было особо доложено о двух случаях нежелательных контактов комиссаров с помещиками, которые вызвали недовольство крестьян. В первом случае комиссар приехал в селение на помещичьих лошадях, а во втором — одновременно с помещицей и по ее просьбе, а также собрал крестьян для разбора дел, по знакомству с семьей землевладельцев, в фольварке, а не в деревне⁹⁷.

Для выстраивания непосредственной коммуникации с крестьянами и опровержения повстанческих тезисов об угрозе польскому языку члены комиссий должны были общаться с крестьянами по-польски. Милютин с явным удовлетворением отмечал: «Не совсем чистый, а иногда и совершенно плохой, ломаный польский язык, которым говорили члены комиссий, независимо от содержания речи, производил хорошее

⁹⁴ Предварительная инструкция комиссиям по крестьянским делам в Царстве Польском // там же. С. 35.

⁹⁵ *Groniowski K.* Realizacja reformy uwłaszczeniowej. S. 29.

⁹⁶ О ходе крестьянского дела в Царстве Польском. 1864. С. 25–26.

⁹⁷ О ходе крестьянского дела в Царстве Польском с 15 (27) августа по 22 августа (3 сентября) 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 22.

впечатление: и содержание, и самые звуки были новы, были чужды тому, что народ уже слышал и от повстанцев, и от своих помещиков и чиновников»⁹⁸.

Не имея возможности обратиться к религиозному чувству польских крестьян из-за конфликта с католической церковью, власти тем не менее предпринимали усилия для нейтрализации повстанческой пропаганды об угрозе существованию костела в империи. 5 (17) апреля 1864 г. по инициативе наместника Ф.Ф. Берга⁹⁹ в Петербург приехала депутация из около 70 крестьян из Варшавской и Радомской губерний, чтобы передать царю благодарственные адреса. На приеме, который Берг устроил крестьянам в Варшаве перед их отъездом, наместник высказался, что благодарность царю обязывает крестьян помогать властям в подавлении восстания и признал их заслугой задержания помещиков в Опочинском уезде Радомской губернии в феврале 1863 г. В Петербурге крестьяне в течение недели принимали участие в богослужениях в католической церкви св. Екатерины на Невском проспекте, были приняты Александром II в Белом зале Зимнего дворца, посетили главные достопримечательности Петербурга и Царского Села, а за день до их отъезда в городской думе в присутствии монаршей семьи был устроен торжественный обед, на который были также приглашены русские старшины из разных волостей Петербургской губернии. Помимо польских крестьян отдельные благодарственные адреса вручили императору прибывшие в составе депутации 8 немецких колонистов. Ровно через месяц та же программа с незначительными изменениями была повторена для депутации от Плоцкой, Люблинской и Августовской губерний из 115 человек¹⁰⁰.

⁹⁸ Обзорение комиссий по крестьянским делам // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 19

⁹⁹ Марта 17 (29). Варшава. — Ф.Ф. Берг Александру II // Переписка наместников. С. 239; Апреля 15 (27). Варшава. — Ф.Ф. Берг Александру II // там же. С. 261.

¹⁰⁰ *Groniowski K.* Realizacja reformy. S. 30–31; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 422–424.

К. Гронёвский приводит сообщения европейских и зарубежных польских газет о двух эксцессах, омрачивших пребывание крестьянских делегаций в России. В первом случае сообщалось о том, что крестьяне во время одной из месс в церкви св. Екатерины подхватили за польским студентом патриотический гимн «*Boże, coś Polskę*». Во втором случае газеты писали об эмоциональной встрече крестьян с конвоем поляков, отправленных в ссылку в Сибирь за участие в восстании, на обратном пути из Петербурга. Однако достоверность этих сообщений остается сомнительной. Обнаружить подтверждения информации польских газет в архивах не удалось. Кроме того сообщения различных изданий связывают эти происшествия с поездками разных делегаций¹⁰¹.

Пропагандистский эффект акции, устроенной наместником и соратниками Милютина в Варшаве, достаточно высоко оценил оппозиционно настроенный в отношении инициатив «милютинцев» министр внутренних дел П.А. Валуев. 8 (20) апреля 1864 г., во время первого приезда польских крестьян, Валуев сделал в дневнике запись: «Они были вчера у государя и выслушали его allocution (*фр.* краткая речь) на коленях. Их возят по городу в линейках. Есть что-то смешное в этом (*sic!*), но вообще дело полезное. Они возвратятся домой и от них пойдут в разные стороны толки, противоречащие разглашениям революционной пропаганды. Уже здесь они изъявили удивление, когда были в церкви св. Екатерины, после всего, что им рассказывалось насчет преследования римско-католической церкви в России»¹⁰². Консервативно настроенный министр явно не видел проблемы в выстраивании отношений империи с крестьянами и даже видел пользу в коммуникации с ними в условиях восстания.

Расхождение между ним и Милютиным проходило главным образом по линии отношения к польской аристократии и русским чиновникам разночинского происхождения, на которых опирались Милютин в Царстве

¹⁰¹ Groniowski K. Realizacja reformy. S. 32–33.

¹⁰² Валуев П.А. Дневник. Т. I. С. 278.

Польском и М.Н. Муравьев в Северо-Западном крае. По убеждению Валуева, было невозможно «элиминировать поляков из государства, командировав из внутренних губерний гг. Федотовых, Никаноровых и Пахомовых для исправления должностей Тышкевичей, Потоцких и Радзивиллов»¹⁰³. Для Милютина же идея сотрудничества с польской аристократией была неприемлема. В письме к жене из Варшавы Милютин описывает прием у наместника, на который явился свет варшавского общества. «Явились и Замойские, и Потоцкие, и Любомирские, и целая стая всяких -ски. [...] Старые паны ползали так, что было тошно, ругали революционеров, благословляли *благодетельные* реформы и пр. тому подобное. Зато молодые, усатые и бродатые, хотя и кланялись очень низко, но искоса бросали свирепые взгляды. Эти последние, впрочем, легче переносить чем пошлые лестии и иезуитские изъявления покорности»¹⁰⁴. Для него вся польская аристократия представляла ненавистный ему мир старой, умирающей, как были убеждены славянофилы и разделявшие их взгляды националистически настроенные чиновники¹⁰⁵, Польши. Покорность шляхетской Польши более не удовлетворяла организаторов новых реформ.

К приезду комиссий в назначенные участки в середине апреля 1864 г., согласно сообщению Милютина, обнародование указов 19 февраля состоялось повсеместно. Наряду с дежурными словами о «величайшем восторге и доверии», с которыми оно было встречено крестьянами, он описал не столь идиллическую картину. В одних селениях указы вызвали завышенные ожидания: в частности, имели место толки об ожидаемом разделе фольварочных (*пол. folwark* — помещичье имение) земель между

¹⁰³ Цит. по: Миллер А.И. «Украинский вопрос». С. 146.

¹⁰⁴ Н.А. Милютин к жене. 28 марта / 9 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 52.

¹⁰⁵ См.: Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России в Царстве Польском // Собрание сочинений. Т. II. С. 345–350. Ср. тезис члена-заведующего делами Учредительного комитета Я.А. Соловьева о противопоставлении, с одной стороны, «живого» русского мира и польского крестьянства, а с другой — «мертвого» мира Речи Посполитой: «Живое стремится к слиянию с живым, мертвое отходит к мертвому» (Угощение гминных войтов в Варшаве. 25 февраля / 9 марта 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 132 об.).

безземельными крестьянами; в других — «если не недоверие, то совершенно пассивное ожидание», что объяснялось, по оценке Милютин, как усилиями революционной пропаганды, так и выходом с 1846 г. целого ряда законов по крестьянскому делу, которые не смогли кардинально улучшить жизнь крестьян¹⁰⁶.

Заданная модель представления комиссаров — подчеркнуто доверительный тон в общении с крестьянами и подчеркнутая дистанция от помещика — провоцировала конфликты и направляла крестьянскую агрессию на помещиков. Милютин пишет, что комиссарам, выслушивавшим жалобы крестьян, иногда приходилось останавливать общий говор, «чтобы дать говорить одному». Причем иногда комиссары сознательно этого не делали, в ситуациях, когда, по их мнению, останавливать крестьян было «если не слишком трудно, то не совсем удобно, по чрезвычайному раздражению крестьян, которому надо было дать вылиться»¹⁰⁷. В частности, Милютин описал ситуацию резкого конфликта крестьян с графом Валуевским в его имении в Велюнском уезде Варшавской губернии, когда ситуация накалилась до того, что возникла угроза жизни явившегося на сход графа, однако сцена крестьянского негодования была прекращена комиссией¹⁰⁸. В целом с перепоручением гминного управления и связанных с ним полицейских функций выборным представителям из крестьян перед комиссарами остро встала задача их дисциплинирования.

Как и австрийские чиновники в Галиции в 1846 и 1848 г.¹⁰⁹, Милютин стремился использовать тот факт, что крестьяне зачастую не только не

¹⁰⁶ Обзорение комиссий по крестьянским делам // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 2 об. – 3 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 19 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 20 – 20 об.

¹⁰⁹ К. Меттерних и шеф галицийской полиции Л. Захер-Мазох подчеркивали, что галицийские крестьяне в зависимости от языка и вероисповедания делились на мазуров и русняков и в равной степени враждебно воспринимали этноним «поляк», использовавшийся преимущественно для обозначения господ (*Reflexions aphoristiques // Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich. T. VII. P., 1883. P. 213–215; Wolff L. Op. cit. P. 152, 175*).

имели польской идентичности (часто для крестьян главной была локальная или конфессиональная идентичность), но и связывали этноним «поляки» исключительно с высшими сословиями: «Замечательно, что у народа (как свидетельствуют все комиссии) повстанцы и предводители шаек, жандармы-вешатели и простые разбойники, до сих пор бродящие в некоторых местах, а также чиновники, помещики, шляхтичи — все называются *поляками*. И не только на словах, но на самом деле всеми чувствами своими народ очевидно отшатнулся совершенно от того, что считалось и называлось Польшей»¹¹⁰.

Важнейшей же целью политики Милютина по отношению к польским крестьянам, прямо сформулированной в докладе для Александра II, было формирование новой польской нации, которая была бы лояльна царю и враждебна ненавистной ему старой «шляхетско-католической» нации: «Помещики, как светские, так и духовные чувствуют, что у них выпадает из рук влияние на крестьян; что большинство нации, до сих пор еще не жившее политически, начинает жить, что рядом с шляхетской, немалочисленной нацией возникает *нация другая*, у которой может образоваться *иная*, неприятная для шляхты *политическая вера*» (курсив мой — В.К.)¹¹¹. Заявленная Милютиным амбиция воспитать у польских крестьян иную, нешляхетскую польскую национальную идентичность, с одной стороны, подразумевала необходимость отказа от любых намерений обрусить польских крестьян, а с другой — могла быть осуществлена только силами русских «деятелей», ненавидимых в среде «шляхетского» общества и интеллигенции¹¹², при условии исключения из этого процесса польского образованного общества. Поставленная задача трансформации идейных основ польской национальной идентичности определяла выбор средств, необходимых для ее выполнения. Новая структура институтов власти в

¹¹⁰ Обзорение комиссий по крестьянским делам // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

¹¹¹ Там же. Л. 21.

¹¹² Русское слово «деятель» вошло в польский язык второй половины XIX в. с сугубо негативной коннотацией. См.: *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 177.

Царстве Польском, возведенная «милютинцами» в 1864 г., создавалась специально для решения этой грандиозной задачи.

§ 3. Властные структуры, порожденные крестьянской реформой в Царстве Польском

Конфигурацию временных ведомств, созданных для проведения крестьянской реформы в Царстве Польском в начале 1864 г., невозможно понять вне контекста политической борьбы, которая развернулась между Н.А. Милютиным и наместником Ф.Ф. Бергом уже в самом начале обсуждения реформы в конце 1863 г.

Граф Федор Федорович фон Берг, остзейский аристократ, финляндский генерал-губернатор в 1854–1861 гг., был назначен командующим войсками в Царстве Польском царским указом 17 (29) марта 1863 г. после того, как в Петербурге окончательно возобладало мнение, что занимавший должность наместника великий князь Константин Николаевич и управлявший при нем гражданской администрацией А. Велёпольский не способны подавить восстание. Следом за назначением Берга последовал заграничный отпуск, а затем и отставка Велёпольского. До конца лета 1863 г. Берг главным образом занимался вопросами военного командования. Он указывал на выстроенную Велёпольским и поддерживаемую Константином Николаевичем систему непрямого правления как на одну из главных причин неэффективности мер, принимаемых против повстанцев, но при этом ограничивал свое участие в делах гражданского управления. Хитрый царедворец в своих донесениях критиковал вслед за Константином Николаевичем жесткие меры, предпринятые для подавления восстания М.Н. Муравьевым, однако вместе с тем поддержал идею передать примыкавшую к Северо-Западному краю Августовскую губернию во временное управление Муравьева и даже выразил надежду, что деполонизация высших эшелонов бюрократии, запланированная там виленским генерал-губернатором, будет со временем воспроизведена в

остальных губерниях Царства¹¹³. В августе 1863 г. несмотря на «сильную оппозицию» великого князя Августовская губерния была подчинена Муравьеву¹¹⁴. Тогда же было решено отправить наместника на отдых в Крым и привлечь к управлению Царством Польским возвращавшегося из заграничной поездки Н.А. Милютину¹¹⁵. 21 августа (2 сентября) Александр II озвучил на совещании в Царском Селе мнение, что общественный порядок и уважение к власти должны быть восстановлены в Польше военной диктатурой. Константин Николаевич, который до последнего боролся за сохранение автономии Царства Польского, согласившись с мнением императора, признал свое поражение, после чего отправился в отпуск¹¹⁶. Передача управления в Царстве Польском в руки Берга и последовавшее в октябре официальное назначение его наместником сигнализировали о переходе к политике военной диктатуры. Неудачное покушение на Берга, совершенное в Варшаве 7 (19) сентября, подтолкнуло власти к немедленному переходу к режиму военной диктатуры, но не было его причиной. По настоянию Константина Николаевича в императорском рескрипте о его отставке был сделан акцент на факте его увольнения по собственному желанию из-за радикального поворота к жестким мерам по усмирению края, которые были несовместимы с его политической программой¹¹⁷.

В политическом отношении позиции Берга в первые месяцы его наместничества не были прочными. Часть высшей петербургской бюрократии выражала сомнения в его способности справиться с управлением краем¹¹⁸.

¹¹³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 138–139, 236–237.

¹¹⁴ Валуев П.А. Дневник. Т. I. С. 243.

¹¹⁵ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 264.

¹¹⁶ Валуев П.А. Дневник. Т. I. С. 245.

¹¹⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 289.

¹¹⁸ Валуев П.А. Дневник. Т. I. С. 247–248; *Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg. S. 279.*

Стоит отметить, что решение о его назначении было принято практически одновременно с поручением крестьянского дела Н.А. Милютину. Берг поддерживал программу крестьянской реформы Милютина вплоть до подавления восстания, однако уже в процессе ее подготовки между ними разыгралась борьба за распределение полномочий. Отказ от официального назначения на любую постоянную должность в гражданской администрации был главным условием командировки Милютина и его соратников в Польшу, на что Александр II дал свое согласие при разговоре с ним в Царском Селе 11 (23) сентября¹¹⁹. Просьбы назначить Н.А. Милютина и участвовавшего вместе с ним в поездке по Царству Польскому В.А. Арцимовича на постоянные должности при нем, с которыми Берг обращался к царю, не были удовлетворены¹²⁰. Работа над крестьянской реформой из Петербурга при наличии необходимых для этого чрезвычайно широких полномочий оставляла Милютину свободу действия и выводила его из-под контроля наместника.

Отношение к плану реформы Милютина, Самарина и Черкасского в Петербурге определилось уже по получении записки об их поездке по Царству Польскому в октябре 1863 г. Текст Самарина нашел своего читателя среди высшей петербургской бюрократии. Генерал К.В. Чевкин по прочтении записки с удовлетворением писал министру статс-секретарю Царства Польского В.П. Платонову о возможности использовать опыт непосредственного общения чиновников с крестьянами и в других частях Польши: «Записка о поездке по некоторым местностям Царства Польского весьма любопытна и сполна соответствует тому понятию, которое во мне оставило внимательное наблюдение многих сведений о том крае. Должно, однако, заметить, что поездка объяла лишь одну из самых развитых частей

¹¹⁹ Записки М.А. Милютиной // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1144. Л. 33 об. Ср.: *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 81.

¹²⁰ Октября 23 (ноября 4). Варшава. — Ф.Ф. Берг Александру II // Переписка наместников. С. 89–90; Ноября 22 (декабря 4). Варшава. — Ф.Ф. Берг Александру II // там же. С. 118–119.

Царства и что весьма бы желательно видеть подобные же живые исследования по другим частям, особенно на правом берегу Вислы, где быт крестьян во многом разнится и, кажется, к худшему»¹²¹.

Оппозиционно настроенный по отношению к антиаристократическим взглядам Милютина министр внутренних дел П.А. Валуев ожидаемо счел текст «наивным в деловом отношении»¹²². Критический взгляд Валуева на политику и законотворчество Милютина, Самарина и Черкасского разделяли шеф III отделения В.А. Долгоруков, министр иностранных дел А.М. Горчаков, министр статс-секретарь Царства Польского В.П. Платонов и бывший министр юстиции гр. В.Н. Панин. Однако поддержка Александра II обеспечила безусловное преобладание сторонников Николая Милютина в особом комитете, созданном в декабре 1863 г. для рассмотрения проекта крестьянской реформы. Сначала в особом комитете, а затем и в постоянно действовавшем¹²³ Комитете по делам Царства Польского, который был учрежден 25 февраля (8 марта) 1864 г., постоянную поддержку Милютину оказывали председатель (в отсутствие царя) обоих комитетов П.П. Гагарин, генерал К.В. Чевкин, министр государственных имуществ А.А. Зеленой, а также (в Комитете по делам Царства Польского) военный министр Д.А. Милютин и назначенный управляющим делами Польского комитета С.М. Жуковский¹²⁴. В 1866 г. вслед за отставкой министра статс-секретаря Царства Польского В.П. Платонова Н.А. Милютин был назначен главой С.Е.И.В. канцелярии по делам Царства Польского, которая была учреждена вместо статс-секретариата, что еще более усилило контроль Милютина над процессом реформирования Царства Польского в Петербурге.

¹²¹ К. Чевкин к В. Платонову, 19 ноября 1863 г. // ИРА. Z. 84. Т. 7. Fol. 114.

¹²² Валуев П.А. Дневник. Т. I. С. 256.

¹²³ Комитет по делам Царства Польского действовал до 1881 г. На протяжении первых двух лет комитет работал негласно. О его существовании было официально объявлено только 1 (13) декабря 1866 г.

¹²⁴ Там же. С. 262–263; Об учреждении Комитета по делам Царства Польского // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 – 6 об.; Костюшко И.И. Крестьянская реформа. С. 148–149.

Если в Петербурге Н.А. Милютин смог обеспечить себе перевес при рассмотрении большинства вопросов в Комитете по делам Царства Польского, то в Варшаве система бюрократических учреждений установилась как результат компромиссов между ним и Ф.Ф. Бергом. Должность директора Правительственной комиссии внутренних досталась ближайшему соратнику Милютина В.А. Черкасскому. Милютин хотел добиться назначения директором Комиссии просвещения славянофила А.Ф. Гильфердинга¹²⁵, который был главным автором готовившейся реформы образования в Царстве Польском, но по настоянию наместника на эту должность был назначен Ф.Ф. Витте¹²⁶. Правительственные комиссии — по сути, аналоги министерств — с 1815 г. были одним из важнейших институтов автономии Царства Польского. Прямой контроль со стороны готовивших радикальные реформы российских чиновников над комиссиями, которые даже после подавления восстания 1830–1831 гг. комплектовались и управлялись почти исключительно поляками¹²⁷, стал одним из первых шагов к уничтожению институциональной основы автономии Царства Польского.

Для контроля над проведением крестьянской реформы в Варшаве был создан Учредительный комитет. Практически сразу же этому комитету было поручено всеобщее реформирование институтов и законодательства Царства Польского, выходящее далеко за рамки крестьянского вопроса. Н.А. Милютин надеялся, что должность члена-заведующего делами комитета займет Ю.Ф. Самарин¹²⁸. Получив отказ от Самарина, который после завершения работ над проектами крестьянской реформы

¹²⁵ Н.А. Милютин В.А. Черкасскому. С.-Петербург. 9/21 мая 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 61 об.

¹²⁶ Н.А. Милютин В.А. Черкасскому. С.-Петербург. 2/14 июня 1864 г. // Там же. Л. 65 об.

¹²⁷ *Gorizontow L.* System zarządzania Królestwem Polskim w latach trzydziestych–pięćdziesiątych XIX wieku // *Przegląd Historyczny*. 1985. Т. 76. Nr 4. S. 711–731; *Osiecka M.* Urzędnicy komisji rządowych Królestwa Polskiego w latach 1815–1867 // *Miscellanea Historico-Archivistica*. 2014. Т. 21. S. 171–196.

¹²⁸ Н.А. Милютин Ю.Ф. Самарину. 3/15 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 54 об.

запланировал заграничную поездку, чтобы поправить здоровье, Милютин обратился с этим предложением к Я.А. Соловьеву¹²⁹. Яков Александрович Соловьев в 1859–1860 гг. работал вместе с Милютиным, Самариним и Черкасским в Редакционных комиссиях и впоследствии в должности заведующего делами Земского отдела МВД участвовал в воплощении в жизнь указов 19 февраля 1861 г. в империи. Соловьев принял предложение и приехал в Варшаву в июне 1864 г., фактически взяв на себя руководство делами Учредительного комитета. И Милютин, и наместник прилагали большие усилия, чтобы привлечь к работе в Учредительном комитете людей, которые могли бы составить их «партию». В.А. Черкасский по поручению Милютина договорился с А.И. Кошелевым, славянофилом, который также участвовал в разработке крестьянской реформы 1861 г., о его назначении главным директором Правительственной комиссии финансов и членом Учредительного комитета. Берг смог добиться от Александра II назначения членами комитета генерала В.И. Заболоцкого, отдавшего приказ о расстреле варшавской манифестации в 1861 г., и бывшего подольского губернатора Р.И. Брауншвейга. Отношения между «партиями» в Учредительном комитете далеко не всегда были враждебными. Брауншвейг был старым приятелем Милютина. У Черкасского и Витте получилось наладить хорошие рабочие отношения: в августе 1864 г. Милютин писал Черкасскому, что во время обсуждения проекта реформы образования в Комитете по делам Царства Польского Витте «очень усердствовал в нашем смысле»¹³⁰. Довольно скоро, однако, большинство в Учредительном комитете оказалось за «партией» наместника. А.И. Кошелев и В.А. Арцимович разошлись во взглядах с «милютинцами» В.А. Черкасским

¹²⁹ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. Варшава. 23 марта / 4 апреля 1864 г. // там же. Л. 48 об. – 51. Письмо Соловьеву написано позже обращения к Самарину. Милютин, получив первый отказ, долго уговаривал Самарина все же занять должность и, не питая особых надежд на его согласие, параллельно вел переговоры с Соловьевым напрямую и через управляющего делами Комитета по делам Царства Польского С.М. Жуковского. См.: Н.А. Милютин к жене. Варшава. 22 марта / 3 апреля 1864 г. // там же. Л. 45 об.

¹³⁰ Н.А. Милютин В.А. Черкасскому. С.-Петербург. 8/20 августа 1864 г. // там же. Л. 78.

и Я.А. Соловьевым и стали выступать за более активное сотрудничество с польской аристократией и интеллигенцией. С «партией» Берга их сблизило представление, что земельная реформа должна быть не политической, а прежде всего экономической мерой¹³¹.

Однако преобладание «партии» наместника в Варшаве практически не имело значения, поскольку утверждение законов и указов, разработанных Учредительным комитетом, происходило в петербургском Комитете по делам Царства Польского. А.И. Кошелев, вспоминая свои жаркие прения с В.А. Черкасским, писал: «Большинство голосов было всегда на моей стороне, но это не препятствовало тому, что в Петербурге очень многое переделывалось по настоянию Н.А. Милютин согласно мнению нашего меньшинства в Главном комитете по делам Царства Польского и высочайше утверждалось»¹³². Для Милютин принципиально важно было иметь на месте людей, которые занимались бы для него разработкой законов и указов, а также следили бы за их исполнением, а их утверждением он занимался сам в столице. В своем письме к Я.А. Соловьеву с предложением занять должность в Учредительном комитете Милютин описал роль, которую он играл в Петербурге: «Вы верно спросите, отчего же я сам не принимаю этой роли? [...] Государю угодно было меня назначить в Польский комитет, учрежденный при нем, и без которого петербургская интрига разрушила бы все задуманные преобразования. В этом комитете управляющий делами С.М. Жуковский, и вместе с ним я надеюсь быть полезнее самому Учредительному комитету в Петербурге более, чем в Варшаве»¹³³. Более подробно Милютин описал свою тактику в письме к Ю.Ф. Самарину 10/22 ноября 1864 г.: «Мое присутствие в Петербурге необходимо для дела (видите, я бросаю всякую застенчивость в сторону!). Пока я здесь, польские интриги будут встречать своевременное

¹³¹ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 153–155.

¹³² *Кошелев А.И.* Указ. соч. С. 111.

¹³³ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. Варшава. 23 марта / 4 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 50 об.

сопротивление. Поэтому удаляться отсюда мне опасно. Притом в Варшаве мне всегда будет мешать возбужденное в Берге ревнивое ко мне соперничество. Между тем в самом Учредительном комитете, при нынешнем составе, польской интриге удастся рано или поздно поселить разладицу к пагубе дела и стыду русского имени»¹³⁴. Опасения перед влиянием большинства Берга в Учредительном комитете на ключевой для проекта Милютина процесс взаимодействия комиссаров по крестьянским делам с народом привели к учреждению 5 (17) октября 1864 г. Центральной комиссии по крестьянским делам под председательством члена-заведующего Учредительного комитета Я.А. Соловьева. Это означало, что заведование крестьянским делом было практически целиком доверено «милютинцам»¹³⁵.

Особая ситуация сложилась в Августовской губернии, которая была временно подчинена виленскому генерал-губернатору М.Н. Муравьеву. Отношения с бывшим оппонентом по разработке крестьянской реформы в империи Милютин наладил еще во время своей первой поездки в Царство Польское. Милютин и его спутники на пути в Варшаву и по возвращении оттуда останавливались в Вильне, где Муравьев знакомил их с мерами, принятыми им для успокоения ситуации в Северо-Западном крае. Постоянное взаимодействие с Муравьевым по вопросам проведения гминной реформы поддерживалось «милютинцами» до августа 1864 г., когда особое отделение для управления крестьянскими делами в Августовской губернии в Вильне было упразднено и его дела переданы в Учредительный комитет в связи с подчинением губернии властям Царства Польского¹³⁶.

¹³⁴ Н.А. Милютин Ю.Ф. Самарину. С.-Петербург. 10/22 ноября 1864 г. // там же. Л. 104 об.

¹³⁵ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 156–157.

¹³⁶ Отчетная записка, представленная Государю вместе с описанием поездки по деревням // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 590а. Л. 88; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 86, 103, 159; *Groniowski K.* Realizacja reformy. S. 15.

На низовом уровне полномочия были также разделены между ведомствами, подконтрольными Милютину и Бергу. О введении военно-полицейского управления Милютин и Берг договорились еще в ноябре 1863 г. Оно было введено 1 (13) января 1864 г. Высшая полицейская власть в Царстве была сосредоточена в руках генерал-полицмейстера. На эту должность был назначен генерал-майор Ф.Ф. Трепов. В его подчинении находились начальники главных военных отделов, осуществлявшие полицейскую власть на уровне губерний, и уездные военные начальники, которые чаще всего взаимодействовали с органами крестьянского самоуправления. Именно военным начальникам было поручено оглашение указов 19 февраля 1864 г. Милютин очень торопился с организацией и отправкой на места крестьянских комиссий, поскольку боялся последствий неумения военных коммуницировать с гражданским населением. Первые донесения о реакции крестьян на объявление о земельной реформе носили смешанный характер: в то время как одни начальники сообщали о вызванных в народе восторженных чувствах, другие писали о непонимании крестьянами сути изменений в их положении¹³⁷.

Во время своего длительного пребывания в Варшаве весной 1864 г. Милютин посвятил много времени подготовке своих комиссаров к выполнению их миссии¹³⁸. В марте он начал читать «нечто вроде публичных лекций о крестьянском деле» для первых «импровизированных политических деятелей» из числа офицеров войск, расквартированных в Царстве Польском¹³⁹. После прибытия первых гражданских чиновников из империи Милютин устроил в Брюлевском дворце, где он остановился, «нечто вроде клуба», куда сам показывался довольно редко, чтобы «не

¹³⁷ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 132–145; *Groniowski K.* Realizacja reformy. S. 26–37.

¹³⁸ На крестьянские комиссии была возложена задача коммуникации с крестьянами, опеки и надзора над учрежденными в рамках гминной реформы органами крестьянского самоуправления. Экономическими вопросами выкупной операции занимались чиновники Ликвидационной комиссии.

¹³⁹ Н.А. Милютин к жене. 15/27 марта 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 44.

стеснять интимной беседы» будущих комиссаров и предоставить им возможность самостоятельно знакомиться с делом и между собой¹⁴⁰. Милютин называл комиссаров «юношами миссионерами»¹⁴¹, на них лежала задача непосредственного воздействия на крестьян. Польское образованное общество и оппозиционно настроенные к лагерю Милютиных российские чиновники видели в них проповедников нигилизма и социальной революции, для «милютинцев» же крестьянские комиссии стали главной кузницей кадров для ответственных должностей в Царстве Польском¹⁴².

Большой проблемой был поиск людей на новые должности. Поляков в крестьянские комиссии не брали. В марте 1864 г. Н.А. Милютин допускал возможность найма некоторых поляков, «когда дело пойдет на лад»¹⁴³, однако для польских чиновников ситуация так и не улучшилась. Впоследствии Милютин занял еще более непримиримую позицию к польскому чиновничеству и руководил процессом очищения варшавской бюрократии от поляков. Нехватка людей на этапе подготовки реформы ощущалась настолько остро, что в декабре 1863 – январе 1864 г. обсуждался вопрос о найме в комиссии людей из Пруссии. Представитель Милютина Е.А. Петерсон встретился в Берлине с рядом прусских министров и чиновников, заведовавших крестьянским вопросом в Великом княжестве Познанском. Через Бисмарка было получено разрешение короля Вильгельма I на набор владевших польским языком специалистов, в том числе чиновников, состоящих в действительной прусской службе. Петерсон сообщал о возможности набрать до 40 человек для комиссарских и столько же для письмоводительских должностей через доверенных агентов в

¹⁴⁰ Н.А. Милютин к жене. 28 марта / 9 апреля 1864 г. // там же. Л. 52 об.

¹⁴¹ Н.А. Милютин к жене. 14/26 апреля 1864 г. // там же. Л. 56 об.

¹⁴² Западные окраины. С. 190. См. также: *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 172.

¹⁴³ Н.А. Милютин Д.А. Милютину. 22 марта / 3 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 46 об.

Познани, Бромберге (совр. Быдгощ), Оппельне (Ополе), Кёнигсберге и Данциге¹⁴⁴.

От найма специалистов из Пруссии в итоге отказались. По распоряжению Александра II министр внутренних дел П.А. Валуев и министр государственных имуществ А.А. Зеленой затребовали информацию о лицах, знающих польский язык для предложения им должностей в крестьянских комиссиях¹⁴⁵. Накануне формирования комиссий в марте 1864 г. Н.А. Милютин обратился к своему брату, военному министру, с просьбой посодействовать найму будущих комиссаров из офицеров войск, расквартированных в Царстве. Д.А. Милютин распорядился набрать из войск гвардии и армии до 70 человек¹⁴⁶. К концу месяца было набрано 24 офицера и 44 человека из России, о которых Милютин писал, что они были набраны «преимущественно из изгнанных Валуевым мировыми посредников»¹⁴⁷. К концу 1864 г. комиссии были полностью укомплектованы: в штате 14 крестьянских комиссий числилось 136 членов, 59 из них были офицерами¹⁴⁸. С помощью военных была решена ключевая задача — сохранение исключительно русского состава «милютинских миссионеров». Накануне отъезда комиссий на подготовленные для них места Милютин с удовлетворением писал Самарину: «К счастью, они состоят из одних

¹⁴⁴ Е. Петерсон Н.А. Милютину. Берлин. 7 января 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 590а. Л. 110–111 об.; Журнал Комитета, Высочайше учрежденного для рассмотрения проектов об устройстве крестьян в Царстве Польском // Исследования в Царстве Польском. Т. 1. С. 32. Об обращении к прусским властям см. также: *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 104–105; *Głęboczi H.* Fatalna sprawa. S. 505.

¹⁴⁵ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 163; *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 168.

¹⁴⁶ Н.А. Милютин Д.А. Милютину. 22 марта / 3 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 46 об.; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 417.

¹⁴⁷ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. 23 марта / 4 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 50.

¹⁴⁸ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 167.

русских, что было делом первойшей, самой настоятельной необходимости»¹⁴⁹.

Из-за расширения реформаторской деятельности Учредительного комитета продолжала ощущаться острая нехватка компетентных людей из империи. Сопrotивление наместника, который осенью 1864 г. написал Александру II об отсутствии необходимости экстренной высылки чиновников из России, было преодолено Комитетом по делам Царства Польского. Напряженные отношения между наместником и чиновниками, призванными на службу «милютинцами», сохранялись и заметно осложняли жизнь тем комиссарам, которых власти подозревали в сочувствии левым идеям. Поиск людей в России увенчался программой финансовых и служебных привилегий для русских чиновников в Польше, введенной с намерением исключения поляков из бюрократического аппарата Царства Польского. Впрочем, как показывают исследования А. Хвальбы и Л.Е. Горизонтова, успехи российских властей в этом отношении в историографии XIX–XX столетий были сильно переоценены. Несмотря на постоянные усилия властей по привлечению в польские губернии чиновников православного исповедания, поляки продолжали составлять большинство сотрудников гражданской администрации и в начале XX в., когда количество русских чиновников в Привислинском крае достигло своего пика¹⁵⁰.

Характерной чертой кадровой политики «милютинцев» в период их руководства процессом реформ в Царстве Польском оставалось предпочтение, которое они отдавали политической лояльности кандидатов над их экспертизой. Для участия в разработке и проведении реформ старались приглашать наиболее компетентных специалистов из империи, однако обязательным условием была готовность следовать политической

¹⁴⁹ Н.А. Милютин Ю.С. Самарину. 3/15 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 53 об.

¹⁵⁰ *Chwalba A.* Op. cit. S. 235–236; *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 170–185.

линии «милютинцев». В сентябре 1864 г. Милютин писал Соловьеву о подборе кандидатов в Юридическую комиссию: «Нужно людей вполне сведущих по юридической части, но, однако, способных подчиниться политическое идее (sic!), которая должна господствовать над идеальными юридическими началами»¹⁵¹.

Именно политическими соображениями было обусловлено приглашение к работе в Царстве Польском украинофилов. Оно приобрело статус полуофициальной государственной политики после того, как в 1863 г. на фоне польского восстания было допущено участие украинофилов в административной деятельности в Юго-Западном крае, а также был издан Валуевский циркуляр, который запрещал издание простонародных книг на малорусском наречии и тем самым ограничивал пространство для деятельности украинофилов в империи¹⁵². В 1864 г. должности при Учредительном комитете получили сначала В.М. Белозерский, а затем его шурин П.А. Кулиш. Оба в 1846–1847 гг. были членами Кирилло-Мефодиевского общества, Белозерский в 1861–1862 гг. издавал украинофильский журнал «Основа», а Кулиш разработал вариант украинского правописания, известный как «кулишовка». Антипольскость этого поколения украинофилов была достаточно сильна, чтобы сделать привлекательным предложение о службе в милютинской администрации в Царстве Польском. «Приезжайте, и восторжествуем над презиравшим наши права панством!»¹⁵³, — писал Н.А. Костомарову, настойчиво приглашавший его на работу в Варшаву П.А. Кулиш.

Позиция властей в отношении украинофилов не была единой. Приглашение Белозерского и Кулиша было инициативой В.А. Черкасского. Н.А. Милютин относился к украинофилам более осторожно. Насчет предложения устроить Кулиша Милютин писал Я.А. Соловьеву: «Если он

¹⁵¹ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург. 22 сентября 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 87.

¹⁵² Миллер А.И. «Украинский вопрос». С. 131–134.

¹⁵³ Там же. С. 132

вполне сочувствует данному направлению (чего прежде он не выказал) и если он действительно человек рассудительный и способный к труду (в чем, конечно, я убедиться не мог), то почему же не принять его, впрочем, с известными предосторожностями»¹⁵⁴. Милютин был также недоволен сотрудничеством с Н.А. Костомаровым, который, хотя и остался в Петербурге, согласился публиковать заказные антипольские статьи в «Вестнике Европы»¹⁵⁵. И все же отношение к украинофилам в Варшаве главным образом определял В.А. Черкасский. Он привел подробную характеристику П.А. Кулиша после его назначения директором управления духовных дел в Комиссии внутренних и духовных дел в докладной записке, составленной для наместника. «Прежние его малороссийские тенденции, о коих, впрочем, следует заметить, что нигде не представляют они так мало опасности, как здесь, во враждебной малороссиянам Польше, и что притом для правительства даже весьма полезно было бы абсорбировать одного из главных деятелей малороссийских и тем значительно обессилить малороссийскую партию. К тому же нельзя не сказать, что, по-видимому, г-н Кулиш, посвятив себя ныне службе правительству, действует искренно и добросовестно»¹⁵⁶. Устройство всего двух видных представителей украинофильского движения постепенно формировало целую сеть патрон-клиентских отношений, что, как отметил в приведенной цитате В.А. Черкасский, давало имперским властям определенную степень контроля над украинофилами. О потере этих связей более всего сожалел П.А. Кулиш накануне своего увольнения из-за конфликта с Я.А. Соловьевым в 1867 г., когда писал: «Это [увольнение] мне было бы

¹⁵⁴ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург. 19 июля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 75.

¹⁵⁵ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. 16/28 марта 1864 г. // там же. Л. 182; П.А. Кулиш Н.А. Милютину. 13 (25) сентября 1865 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 573. Л. 1–1 об.

¹⁵⁶ Докладная записка наместнику гр. Бергу о составе духовного отделения. 8/20 июля 1865 г. ОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Д. 8. Л. 7.

больно не за себя одного, но и за тех, которые от меня могли бы получать всякого рода даяния»¹⁵⁷.

Увольнение Кулиша и Белозерского в 1867 г. было связано с перестановками во власти, которые вызвали болезнь и отход от дел Н.А. Милютина в декабре 1866 г. С последовавшим за этим отъездом Черкасского из Варшавы украинофилы потеряли своего главного покровителя. Я.А. Соловьев, однако, решил остаться на должности члена-заведующего делами Учредительного комитета и продолжил контроль за реализацией подготовленных Милютиным преобразований.

1 (13) января 1867 г. вступила в силу подготовленная Милютиным административная реформа, которая была нацелена на унификацию структуры управления Царством с имперским управлением и упразднила Государственный совет и Совет управления Царства Польского, которые утратили свое влияние уже с созданием Учредительного комитета в 1864 г., а также систему военно-полицейского управления. Упразднение временных и сохранявшихся с 1815 г. отдельных ведомств было продолжено в последующие годы. В 1867 г. была также упразднена Комиссия финансов, а заведование духовными делами было передано из Комиссии внутренних и духовных дел в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. В 1868 г. была упразднена сама Комиссия внутренних дел. В 1870 г. была упразднена Центральная комиссия по крестьянским делам, состав которой постепенно сокращался в предыдущие годы по мере осуществления реформы. Наконец в 1871 г. процесс подчинения управления Царства Польского имперским министерствам и канцелярии наместника был завершён с упразднением Учредительного комитета¹⁵⁸. Ф.Ф. Бергу удалось исполнить его давнее желание «отделаться от г-на Соловьева и от некоторых других гостей, присутствие которых в Варшаве не особенно

¹⁵⁷ Выписка из письма Кулиша из Варшавы, от 21 августа 1867 г., к П.Е. Чуйкевичу // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1770. Л. 1.

¹⁵⁸ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 134, 156, 159; *Западные окраины.* С. 192; *Osiecka M.* Op. cit. S. 171–174.

приятно»¹⁵⁹, и тем самым покончить с существованием структуры временных ведомств, созданных Н.А. Милютиным в 1864 г. для проведения крестьянской реформы. Однако в ситуации проведения масштабных преобразований в Царстве Польском, инспирированных и контролировавшихся в 1860-е – 1870-е гг. из Петербурга, Берг, хотя и сохранял высокий статус наместника¹⁶⁰, так и не смог сконцентрировать в своих руках той степени контроля над осуществлением власти на местах, которой обладали российские администраторы на южных и восточных окраинах империи¹⁶¹.

Выводы

На протяжении нескольких лет до начала восстания 1863–1864 гг. при рассмотрении вариантов крестьянской реформы в Царстве Польском Петербург пытался балансировать между стремлением сохранить лояльность шляхты и желанием провозгласить освобождение крестьян от имени российского императора, привязав тем самым крестьянские симпатии к фигуре монарха.

Программа крестьянской реформы, предложенная Земледельческим обществом, которое возглавлял А. Замойский, была отвергнута российскими властями главным образом из-за озвученных Замойским требований передать «Восточные кресы» бывшей Речи Посполитой в состав Царства Польского. В 1862–1863 гг. инициатива в поиске решения крестьянского вопроса была предоставлена А. Велёпольскому. Его

¹⁵⁹ *Валуев П.А.* Дневник. Т. II. С. 239–240.

¹⁶⁰ Должность наместника была упразднена после смерти Ф.Ф. Берга в 1874 г. Преемники последнего наместника управляли преобразованным в Привислинский край бывшим Царством Польским в должности генерал-губернаторов. См.: *Рольф М.* Указ. соч. С. 153–198.

¹⁶¹ Наиболее резкий контраст дает сравнение с фигурами первого кавказского наместника М.С. Воронцова и первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, который получил среди подчиненных и местных жителей прозвище «полупадишаха». См.: *Rhineland A.L.H. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar.* Montreal; Kingston; L.; Buffalo, 1990; *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. С. 272–308.

политика в крестьянском вопросе была направлена на воспитание как у польских крестьян, так и у представителей этнических меньшинств польской национальной идентичности, однако реализация всех задуманных им проектов была сорвана начавшимся в январе 1863 г. восстанием.

Таким образом, хотя российские чиновники периодически выражали опасения по поводу передачи инициативы в ходе подготовки крестьянской реформы в руки польской шляхты, вплоть до поручения разработки реформы Н.А. Милютину осенью 1863 г. власти в Петербурге не решались на проведение своей политики в отношении крестьян Царства Польского без оглядки на мнение польской аристократии.

Манифест Польского национального правительства 22 января 1863 г. провозгласил отмену крестьянских повинностей при условии, что вопрос о наделении землей будет решен после победы восстания. Несмотря на продолжительную агитацию в крестьянской среде, которую лагерь «красных» начал еще во время патриотических манифестаций 1861–1862 гг. — т.н. Моральной революции, повстанцам не удалось в достаточной степени привлечь крестьян на свою сторону.

Российские власти в свою очередь на протяжении первой половины 1863 г. оказались неспособны использовать крестьянские волнения в борьбе с восстанием. Привлечение крестьян к борьбе с восстанием произошло только после провозглашения крестьянской реформы 19 февраля 1864 г. Попытка формирования на основе крестьянской идентичности «другой польской нации», о чем писал Н.А. Милютин во всеподданнейшем докладе от 3 (15) июля 1864 г., стала главной политической задачей реформы. В основании новой политики, проводившейся под руководством Н.А. Милютина, лежало представление о крестьянской субъектности, которое было сформулировано в русском обществе в отношении русского крестьянства накануне крестьянской реформы 1861 г. и было распространено авторами реформы на польское крестьянство, как это

показывает записка об объезде сельских местностей Царства Польского, составленная Ю.Ф. Самариним в ноябре 1863 г.

Чтобы указать на еще одну важнейшую предпосылку новой политики «милютинцев» в крестьянском вопросе в Царстве Польском, обратимся еще раз к критическим замечаниям П.А. Валуева. По прочтении записки Ю.Ф. Самарина о поездке команды Милютин в Польшу он, отметив литературные достоинства текста, записал в своем дневнике: «Странно, что эти умные люди описывают свою поездку по Царству в тоне поездок по Египту или Бразилии и не замечают, какая в этом насмешка над правительством, полвека господствовавшим в Царстве, если ему подобные описания нужны, и над ними самими, если они не нужны»¹⁶². Помимо отмеченного ранее исследователями мотива «первооткрывательства»¹⁶³ (неприемлемого, с точки зрения Валуева, для правительства, управлявшего этой территорией по меньшей мере 30 лет) в рассуждениях Валуева бросается в глаза ориентализирующий дискурс, причем направленный скорее не на «смешных» крестьян, которых возили по Петербургу в линейках, а на чиновников, принимавших «смешные» решения, воображавших поездки по Египту и ведущих дела словно они находятся где-то в «полу-Европе». Эти замечания Валуева показывают высмеиваемую им претензию «Федотовых и Пахомовых» на *mission civilisatrice*, какой не заявляла всерьез ни одна другая русская властная группа в Польше и какую невозможно было представить в Западном крае или в великорусских губерниях. При всей схожести образов русского крестьянина и крестьянина-поляка как «благородного дикаря», первого предполагалось включить в свою нацию, а второго — цивилизовать и защитить от невежества «варваров» — шляхты и католического духовенства, рисуемых в ориенталистском ключе.

¹⁶² Валуев П.А. Дневник. Т. I. С. 256.

¹⁶³ Спасович В.Д. Указ. соч. С. 323, 328; Западные окраины. С. 187.

Можно заметить, что образность, используемая «милютинцами», в значительной степени повторяет изображение австрийских чиновников как агентов цивилизации, защищавших крестьян от произвола диких «сарматов» (то есть польской шляхты), которым обосновывалось присоединение Галиции к Австрии в правление Иосифа II¹⁶⁴. Схожесть ситуации объясняется тем, что чувство цивилизационного превосходства, которое и ранее присутствовало во взгляде, обращенном на Польшу из Вены или Берлина, в середине XIX в. появилось у националистически настроенной части русского общества и имперской бюрократии. Главной чертой нового взгляда из Петербурга в это время стал акцент на отсталости Польши, ее связи с темным феодальным прошлым Европы. В рамках этого дискурса ему противопоставлялось новое технократическое будущее Европы, с которым стала ассоциировать себя вступившая на путь реформ Россия¹⁶⁵. Вера в собственное превосходство обосновывала в глазах «милютинцев» радикальность готовящихся мер и амбициозность намерений по трансформации социальной и культурной идентичности огромной доли населения Царства Польского.

Решающее значение для процесса воплощения этой политической программы на практике имел личностный фактор. Борьба Н.А. Милютинина и Ф.Ф. Берга за контроль над проведением реформ в Царстве Польском определила новую структуру институтов власти в Варшаве. Отказ Милютинина от занятия любой формальной должности в Варшаве при условии предоставления ему императором широчайших полномочий для осуществления реформ в Царстве Польском освобождал его от

¹⁶⁴ См.: *Wolff L.* Op. cit. P. 13–62.

¹⁶⁵ *Долбилов М.Д.* Полонофобия и политика русификации. С. 159–165. В это время получает распространение похожий взгляд на немецкое дворянство в Прибалтике. См.: *Brüggemann K.* Als Land und Leute »russisch« werden sollten: Zum Verständnis des Phänomens der »Russifizierung« am Beispiel der Ostseeprovinzen des Zarenreichs // Kampf um Wort und Schrift: Russifizierung in Osteuropa im 19.–20. Jahrhundert / Hg. von Z. Gasimov. Göttingen, 2012. S. 34–40; *idem.* Representing Empire, Performing Nation? Russian Officials in the Baltic Provinces (Late Nineteenth / Early Twentieth Century) // *Ab Imperio.* 2014. № 3. С. 231–240.

необходимости отчитываться перед наместником. Фактически структура властных институтов была выстроена таким образом, что, находясь в Петербурге, Н.А. Милютин, обеспечивший себе большинство в Комитете по делам Царства Польского, в большинстве случаев мог принимать решения вопреки мнению сторонников наместника в варшавской бюрократии. Политика Милютина и его сторонников вызывала острую критику как в Варшаве, так и в Петербурге. Однако молчаливое одобрение Александра II, который предоставил Милютину все запрошенные им полномочия и утвердил состав Комитета по делам Царства Польского, который отличался по составу от Комитета министров, а затем утверждал все предложенные комитетом указы и постановления, обеспечило Милютину возможность проведения своей политики почти без оглядки на мнение его оппонентов в среде имперской бюрократии. Политику в крестьянском вопросе в Царстве Польском, проводившуюся под руководством Н.А. Милютина, учитывая количество влиятельных оппонентов, главными из которых были наместник Ф.Ф. Берг, министр внутренних дел П.А. Валуев и руководители III отделения В.А. Долгоруков и П.А. Шувалов, можно назвать политикой российского правительства лишь с известной долей условности. Фактически это была политика националистически настроенной части российской бюрократии, проводившаяся в союзе с группой славянофилов, которые разделяли их взгляды. Этот тезис хорошо иллюстрирует быстрая трансформация властных институтов в Варшаве после болезни и отхода от дел Н.А. Милютина, которая была направлена на восстановление контроля наместника над гражданской администрацией края.

Глава 2. Политика воспитания крестьянской лояльности посредством гминных институтов

§ 1. Образ лояльного крестьянина на страницах газеты «Русский инвалид»

Н.А. Милютин придавал большое значение публичному образу реформы. В июле 1864 г. он, указав на необходимость следить за польскими газетами, предложил члену-заведующему делами Учредительного комитета Я.А. Соловьеву создать газету в Варшаве, которая представляла бы позицию реформаторов. «Всего лучше разоблачать интриги этого рода [польских газет] в русской варшавской газете, откуда наши статьи распространятся очень скоро во всей России, а через Nord¹ и в Европе»². Усилиями Н.А. Милютина, Я.А. Соловьева, В.А. Черкасского и первого редактора Н.И. Павлищева для этой цели в октябре 1864 г. была создана газета «Варшавский дневник». Главной трибуной для «милютинцев» в Петербурге стала газета военного министерства «Русский инвалид». Военный министр Д.А. Милютин в своих воспоминаниях писал, что редакция газеты получала общее направление лично от него и главным образом выступала в защиту великих реформ, а также «восставала против сепаратистских стремлений некоторых из окраин России»³. В «Русском инвалиде» перепечатывались некоторые наиболее заметные статьи из «Варшавского дневника». При этом программные статьи по польскому вопросу и по крестьянской реформе публиковались в первую очередь на страницах «Русского инвалида».

¹ «Le Nord» — франкоязычная газета, издававшаяся с 1855 г. в Брюсселе, с 1863 г. в Париже, на деньги российского правительства для влияния на европейское (а отчасти и русское — газета распространялась и в России) общественное мнение. См.: Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 38.

² Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург. 19 июля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 75 об.

³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – начало 1873. С. 95. О «Русском инвалиде» как об органе «либеральных бюрократов» во время восстания 1863–1864 гг. см.: Głębocki H. Fatalna sprawa. S. 344–357.

В 260–263 номерах «Русского инвалида» за 1864 г. была напечатана статья «О ходе крестьянского дела»⁴. Ее текст составлен на основе июльского доклада Н.А. Милютин и последовавших записок о ходе крестьянского дела, которые Я.А. Соловьев, член-заведующий делами Учредительного комитета, присылал из Варшавы для представления Александру II и Комитету по делам Царства Польского. Из письма Н.А. Милютин к Я.А. Соловьеву⁵ известно, что текст написал сам Милютин вместе с приехавшим в Петербург в октябре 1864 г. председателем Радомской комиссии по крестьянским делам, Степаном Громекой⁶. В статье был сформулирован официальный публичный образ реформаторов и польских крестьян.

Публике была представлена картина идиллического единения царской власти и крестьянства: «Главный результат этих трудов [крестьянских комиссий] состоит в том, что три миллиона искренно верных царских подданных в Польше почувствовали себя на деле под покровом той милосердной и заботливой власти, от которой всегда чаяли себе спасения и защиты»⁷. Авторы вложили в уста старика из селения Кашов Радомского уезда слова о том, что крестьяне «не вполне заслужили» царских милостей (в данном случае речь шла о наделении безземельных крестьян участками из пустков, то есть заброшенных хозяйств, и возвращении земли, отнятой помещиком в нарушение указа 1846 г.), поскольку они «не были верны Царю так, как Он того заслуживает» и не смогли «помочь Ему, как следовало, когда бунтовали *поляки*»⁸ (курсив мой — В.К.). «Непольский»

⁴ Статья была перепечатана в виде отдельной брошюры, вышедшей 3 (15) декабря 1864 г. в приложении к газете. О ходе крестьянского дела в Царстве Польском. 1864.

⁵ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 20 октября / 1 ноября 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 92.

⁶ С.С. Громека (1823–1877) до приглашения Н.А. Милютин в Царство Польское служил в полицейских ведомствах, в 1859 г. оставил службу и занялся публицистикой. С назначения в Радомскую крестьянскую комиссию в 1864 г. не публиковался. Впоследствии продолжил карьеру в Польше, в 1867 г. назначен седлецким губернатором. О его политике в униатском вопросе в должности седлецкого губернатора см. пар. 3.3.

⁷ О ходе крестьянского дела. 1864. С. 26.

⁸ Там же. С. 20.

характер польского крестьянства подчеркнут сильнее, чем во внутриведомственных документах. Намерение способствовать формированию «другой» польской нации, выраженное Милютиным в докладе для Александра II, в публичной версии отчета скрыто, и о ее существовании говорится как о свершившемся факте: «И не только на словах, но на самом деле всеми чувствами своими народ очевидно причисляет себя к другой нации, а не к той, которая до сих пор называла себя Польшею»⁹.

Для обоснования передачи гминного управления в руки крестьян подчеркивается их политическая субъектность. Крестьяне изображены не только верными подданными, но справедливыми и рациональными членами общества. В описанной Милютиным ситуации конфликта крестьян с помещиком в Велюнском уезде появляется еще один персонаж: гминный войт, который «ни разу не забыл своего (только что обретенного! — *В.К.*) долга и, сдерживая свое личное чувство, содействовал комиссии водворить в толпе порядок и спокойствие»¹⁰. В статье приведена еще одна любопытная цитата, приписанная новоизбранному войту, который вступил в конфликт с помещиком в имении «Павловская воля» в Опатовском уезде Радомской губернии. На обвинение помещика во лжи крестьянин ответил: «Я присягал Царю служить верно и потому говорю правду, но что вы в ваших показаниях постоянно ошибаетесь, это я постараюсь сейчас доказать...»¹¹. Деятельность гминных войтов характеризовалась небывало «быстрой и точной исполнительностью в гминном управлении»¹². Случаи незаконных требований крестьян к помещикам объяснялись исключительно непониманием новых законов, причем в результате работы крестьянских комиссий уже к концу 1864 г. «в требованиях и заявлениях своих крестьяне в последнее время стали выражать полное уважение к праву помещиц»

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Там же. С. 4.

¹² Там же. С. 5.

собственности»; кроме того, утверждалось, что в Царстве Польском за все время работы комиссий не известно ни одного случая насилия или оскорбления, нанесенных помещику крестьянами¹³.

В донесениях, включенных в отчетные записки о ходе крестьянского дела, которые Я.А. Соловьев представлял Учредительному комитету, императору и Польскому комитету, в частности, весьма высоко оцениваются результаты работы гминных судов. Чиновник при Учредительном комитете, командированный в Августовскую губернию, отметил случаи обращения евреев, шляхты¹⁴ и ксендзов в гминные суды с жалобами и «скорые и беспристрастные» ответы по ним¹⁵. Народная справедливость неграмотных крестьян¹⁶ противопоставлена в дискурсе чиновников по крестьянскому делу «страсти к сутяжничеству», которую пытаются поддерживать в крестьянах польские адвокаты и судебные чиновники¹⁷. Однако несоответствие действительности этой идеализированной картины отношений царской власти и крестьян (в особенности новых войтов гмин) обнаруживается и на страницах «Русского инвалида». Милютин все же упоминает, что комиссии часто становятся свидетелями «самых неприятных сцен между крестьянами и помещиками». Также, вспомнив о галицийских событиях 1846 г., он объясняет успехи (как реальные, так и вымышленные) в построении отношений империи с польским крестьянством не «особенной мягкостью характера польских

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ В этом случае, вероятно, имеются в виду представители мелкопоместной и безземельной шляхты. Так, в жандармских отчетах о положении дел в Царстве Польском шляхта в социальном плане сближалась с официалистами (служащими помещиков), а для обозначения крупноземельной шляхты (*пол. ziemianie*) употреблялось только понятие «помещики».

¹⁵ О ходе крестьянского дела в Царстве Польском с 12 (24) сентября по 19 сентября (1 октября) 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490 Л. 36–36 об.

¹⁶ По состоянию на 29 августа (10 сентября) 1864 г. в 30 уездах Царства было избрано войтов: из крестьян — 1743, из шляхты — 108, из других классов — 137; грамотных из них было 904 и неграмотных — 1084 (О ходе кр-го дела с 22 августа (3 сентября) по 29 августа (10 сентября) 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 26 об.).

¹⁷ О ходе кр-го дела с 17 (29) октября по 24 октября (5 ноября) 1864 г. // там же. Л. 58.

крестьян или их развитостью», а исключительно действиями самих комиссий¹⁸.

Появление в тексте статьи ярких, вероятно, отредактированных цитат, приписываемых крестьянам, и других мест с явным искажением действительного положения дел на местах — следствие сознательной политики Милютина по конструированию образов крестьянской реформы для столичной публики. В письме Я.А. Соловьеву 20 октября (1 ноября) 1864 г. он писал о своем желании печатать отчеты о ходе крестьянского дела «как бы от своего имени» для того, чтобы «говорить о местных деятелях, не стесняясь, где нужно, похвалою». Там же он отверг предложение публиковать еженедельные записки в неизменном виде подобно тому, как публиковались отчеты Соловьева о ходе крестьянского дела в империи при проведении реформы 1861 г.¹⁹ Последнее, по его оценке, было возможно, поскольку организаторы крестьянской реформы в империи имели дело с *относительно сочувственной* публикой. В случае же преобразований в Царстве Польском Милютин видел в Петербурге и Москве значительную *польскую или полонофильскую* публику²⁰. По этой причине публикация отчета о первых месяцах работы крестьянских комиссий, о чем он задумывался с момента его написания в июле 1864 г.²¹, постоянно откладывалась. По настоянию Милютина, записки остались

¹⁸ О ходе крестьянского дела. 1864. С. 27.

¹⁹ Подготавливаемые в Земском отделе МВД отчеты публиковались в газете министерства «Северная почта» под заголовком «Известия о ходе крестьянского дела». См., например: Северная почта. 1863. 9 апреля. № 76. С. 301–302. Полные тексты докладов министра внутренних дел Александру II за 1861–1862 гг. изданы в: Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862 / Отв. ред. С.Н. Балк. М.; Л., 1950.

²⁰ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 20 октября / 1 ноября 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 92–93.

²¹ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 19 июля 1864 г. // там же. Л. 76.; Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 8/20 августа 1864 г. // там же. Л. 80.

внутриведомственным документом, а для публики должны были составляться *особые* ежемесячные отчеты²².

Отдельное внимание Милютин уделил тому, чтобы все агенты на местах транслировали в публичное пространство одну и ту же «правильную» картину событий. В сентябре 1864 г. он потребовал установить и удалить от должности одного из комиссаров Келецкой комиссии, который в анонимных статьях в петербургской газете «Голос» жаловался на «неумеренные и бестолковые притязания крестьян» и с сочувствием отзывался о кротости и растерянности польских помещиков²³. Комиссарам запрещались любые публичные проявления «злобы и пренебрежения к крестьянам» или «пристрастия к польским панам»²⁴. При этом ограничивать коммуникацию подчиненных Учредительному комитету чиновников с газетами Милютин не стремился. В отдельных случаях он прямо поощрял публикации частных корреспонденций в неподконтрольных правительству изданиях²⁵.

«Русский инвалид» не отвечал даже на самую осторожную критику в российской прессе, но иногда реагировал на выходявшие за границу польские публикации²⁶ или дискуссии в столицах европейских держав.

6 (18) июня 1865 г. газета отозвалась на речь депутата французского законодательного корпуса Ипполита Карно статьей, отрицавшей вполне

²² Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 20 октября / 1 ноября 1864 г. // там же. Л. 93 об.

²³ Голос. 1864. 8 (22) сентября. № 248. С. 2.

²⁴ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. 22 сентября 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 88.

²⁵ Во время подготовки закрытия католических монастырей в конце 1864 г. Милютин писал князю Черкасскому, что находит удобным помещением сведения о преступлениях, совершенных монахами во время восстания, в частные корреспонденции в «Голосе». От печатания официальных актов отказались «*par sentiment de dignité*» (*фр.* из чувства достоинства), а в «Русском инвалиде» их публикацию Милютин считал нежелательной из-за того, что их источник был бы «слишком известен» (Н.А. Милютин В.А. Черкасскому.

С.-Петербург, 30 ноября / 12 декабря 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 110 об. – 111).

²⁶ Русский инвалид. 1865. 21 февраля (5 марта). № 39. С. 2; 27 февраля (11 марта). № 44. С. 1–2; 23 сентября (7 октября). № 210. С. 2; 1 (13) октября. № 215. С. 2.

справедливое обвинение в «возбуждении одних каст против других» и «парализовании национальной войны войною общественной». Французский депутат также озвучил характерное для критиков крестьянской реформы мнение о создаваемой Учредительным комитетом системе власти в Польше как о «смеси автократии с коммунизмом». «Русский инвалид» отверг все обвинения. В риторике официальной пропаганды крестьянская реформа преподносилась исключительно как «возвышение массы польского народа, освобождаемой русским правительством от ее векового гнета»²⁷.

Еще больший резонанс в Петербурге вызвал выход в консервативной берлинской газете «*Neue Preußische Zeitung*» («*Kreuzzeitung*») в декабре 1864 г. двух статей о крестьянской реформе в Царстве Польском, критиковавших планы «милютинцев» наделить землей не подпадавших под законы 1846 г. безземельных крестьян как «социалистическую цель», реализуемую на условиях: «Можете больше не работать» (т.е. даром)²⁸. «Высочайшее и общее внимание», как писал Н.А. Милютин В.А. Черкасскому, обратило на себя очевидное происхождение текстов из «варшавских официальных сфер»²⁹. 10 (22) декабря в «Русском инвалиде» вышла написанная П.А. Кулишом статья с опровержением обвинений в социалистическом характере политики Учредительного комитета³⁰. Произведенные Черкасским по просьбе Милютина расспросы сузили круг подозреваемых до двух приближенных к наместнику графу Бергу крупных немецких помещиков: неких Рейхенберга и барона Трескау. Черкасский предположил, что статьи берлинской газеты могли иметь в виду «более отдаленные политические цели прусские, [...] которые состоят в

²⁷ Русский инвалид. 1865. 6 (18) июня. № 122. С. 1.

²⁸ Beilage zu № 284. der Neuen Preußischen (Kreuz-) Zeitung. 1864. 3. December. S. 1; Beilage zu № 292. der Neuen Preußischen (Kreuz-) Zeitung. 1864. 13. December. S. 1.

²⁹ Н.А. Милютин В.А. Черкасскому. С.-Петербург, 7/19 декабря 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 114 об.

³⁰ Русский инвалид. 1864. 10 (22) декабря. № 274. С. 1–2.

возбуждении немецких помещиков польских подобно тому, как Бисмарк это делает в Голштинии»³¹. Ситуация со статьями «Kreuzzeitung» проявила еще не получившую в это время широкое распространение подозрительность к прусской внешней политике. Только что завершившаяся война Пруссии и Австрии против Дании за Шлезвиг и Гольштейн и память о готовности Бисмарка аннексировать Царство Польское в случае победы польского восстания в 1863 г.³² вызывали опасения перед прусским экспансионизмом. Для исправления ситуации наместнику пришлось озаботиться публикацией в «Kreuzzeitung» переведенной статьи из «Варшавского дневника» с опровержением тезисов статей прусской газеты. Как Ф.Ф. Берг сообщил Александру II, «Kreuzzeitung» проявила лояльное отношение к России и опубликовала (*фр.* а *loyalement publié*) предварительно одобренный императором текст в номере от 13 января 1865 г.³³

План Милютину по поддержанию общественного интереса к ходу крестьянского дела в Польше не был вполне реализован. Добиться ежемесячного выхода отчетов не удалось. В декабре 1864 г. в «Русском инвалиде» под заголовком «Положение крестьянского вопроса в Царстве Польском» вышли две статьи, написанные П.А. Кулишом³⁴. В мае 1865 г. в газете был опубликован второй отчет. На протяжении 1865 и начала 1866 г. в «Русском инвалиде» помещались оригинальные и перепечатанные из «Варшавского дневника» статьи о крестьянском деле в Польше³⁵. В 1866 г.

³¹ В.А. Черкасский Н.А. Милютину. Варшава, 15/27 декабря 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Д. 2. Л. 264.

³² Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 136–145.

³³ F. Berg à Alexandre II. Varsovie, 4/16 janvier 1865 // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 263. Л. 25.

³⁴ Русский инвалид. 1864. 4 (16) декабря. № 269. С. 1–2; 10 (22) декабря. № 274. С. 1–2; П.А. Кулиш Н.А. Милютину. 30 декабря 1864 / 11 января 1865 // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 590б. Л. 128–128 об.

³⁵ В частности, довольно подробно освещались празднование первой годовщины реформы (см., например: Русский инвалид. 1865. 2 (14) марта. № 46. С. 1–2; 3 (15) марта. № 47. С. 1–2; 7 (19) марта. № 51. С. 1–2.), ход выкупной операции (см., например: Русский инвалид. 1865. 30 августа (11 сентября). № 190. С. 2–4; 1866. 26 января (7 февраля). № 24. С. 2.) и рекрутского набора в Царстве (см., например: Русский инвалид. 1865. 24 ноября (6 декабря). № 260. С. 2; 28 ноября (20 декабря). № 264. С. 1–2.).

публикация третьего и последнего отчета, основанного на отчетных записках за 1865 г., сильно задержалась. Милютин требовал поторопиться с созданием «общего хотя бы и краткого отчета» к 19 февраля для помещения в «Русский инвалид»³⁶. Последний отчет был издан только в июне 1866 г. и только отдельной брошюрой. Редакция «Русского инвалида» обещала познакомить своих читателей с его содержанием³⁷, однако обещания не сдержала, вскоре полностью переключившись на освящение начавшейся войны между Пруссией, Италией и Австрией. В 1866 г., на фоне покушения Каракозова, связанных с ним изменений во власти и войны в Германии, поддерживать общественный интерес к реформам в Царстве Польском стало значительно сложнее. Однако система образности, подчеркивающая субъектность польских крестьян и покровительственную роль русского правительства, которую «милютинцы» развивали в своих пропагандистских текстах, осталась основой репрезентации царской власти в Польше и после отхода от дел авторов крестьянской реформы.

§ 2. Дисциплинирование гминных учреждений

На практике выстраивание отношений царской власти с крестьянами должно было начаться с обучения и дисциплинирования гминных войтов (а также подчиненных им солтысов — глав сельских общин³⁸), так восхвалявшихся на страницах «Русского инвалида» и «Варшавского дневника» за природный ум и чувство справедливости. Недовольство крестьян тем, что их требования оставались неудовлетворенными, нередко приводило к конфликтам властей с гминными администрациями. Так, в октябре 1864 г. были арестованы солтысы в имении Пытовицы

³⁶ Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 28 января / 9 февраля 1866 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 176.

³⁷ Русский инвалид. 1866. 14 (26) июня. № 151. С. 2.

³⁸ Распространение гминной администрации на уровень сельских общин было новшеством гминной реформы 1864 г. Фактически сельские общества в Польше были смоделированы по образцу русского крестьянского общества, учрежденного реформой 19 февраля 1861 г. См.: [Przyborowski W.] *Z.L.S. Ostatnie chwile*. Т. II. S. 99–101; *Kaczkowski J. Op. cit.* S. 56–57; Западные окраины. С. 189.

Петрковского уезда Варшавской губернии (вместе с 3 другими «более виновными» крестьянами) — за отказ платить поземельный налог и угрозы повесить помещика³⁹, и в местечке Гройцах Варшавского уезда — за грубость в отношении комиссии⁴⁰, а в деревне Олесники Красноставского уезда Люблинской губернии войт гмины, которому комиссар приказал прекратить волнение крестьян, недовольных решением комиссии об огородной земле, и оштрафовать наиболее виновных, не подчинился и сам нагрубил комиссару. Крестьяне разошлись, завидев затребованный комиссаром из соседней деревни конвой. Виновным в результате дознания был объявлен гминный писарь, «который ложно толковал крестьянам смысл Высочайшего указа 19 февраля (2 марта), сочинял им нелепые просьбы и этим вводил крестьян в заблуждение». В итоге войт был оштрафован, а писарь удален⁴¹.

На протяжении всего времени работы Учредительного комитета отмечалось довольно большое количество конфликтов крестьян с представителями власти. Крестьяне часто выражали несогласие с решениями комиссий по ликвидационным операциям, если комиссары отказывались удовлетворять их претензии на собственность помещиков или пустки раздавались безземельным крестьянам, а не хозяевам, которые иногда пытались заявить на них свои претензии заранее. Другой частой причиной конфликтов были споры о пользовании сервитутами (право крестьян пользоваться помещичьими пастбищами и лесом).

В значительной степени эти конфликтные ситуации были заложены в крестьянской реформе изначально. Хотя милютинская политика поддержания розни между сословиями была предметом критики со стороны

³⁹ О ходе кр-го дела с 17 (29) октября по 24 октября (5 ноября) 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 58 об. – 59.

⁴⁰ О ходе кр-го дела с 24 октября (5 ноября) по 31 октября (12 ноября) 1864 г. // там же. Л. 62 – 62 об.

⁴¹ О ходе кр-го дела с 17 (29) октября по 24 октября (5 ноября) 1864 г. // там же. Л. 59 – 59 об.; С 7 (19) по 14 (26) ноября // там же. Л. 75 – 75 об.

партии наместника в Учредительном комитете⁴², эта политика не претерпела принципиальных изменений и после отхода Н.А. Милютин и князя В.А. Черкасского от управления Царством Польским в связи с болезнью Милютин в конце 1866 г. Проект обязательной отмены сервитутов в частных имениях⁴³, подготовленный в 1870 г. по поручению наместника Центральной комиссией по крестьянским делам, не был принят Учредительным комитетом, а рассмотрение вопроса было отложено на неопределенное время. В отличие от Франции, Саксонии и Пруссии, опыт которых в вопросе отмены сервитутов изучался при подготовке проекта⁴⁴, российские власти не могли пойти на ограничение привилегий считавшихся лояльными крестьян, несмотря на экономические соображения о вреде сохранения сервитутов для развития крупного сельского хозяйства. Из готовившихся в Центральной комиссии проектов в результате пятилетнего обсуждения в Варшаве и Петербурге в 1876 г. были приняты только постановления об обязательном разверстании чересполосных земель и разделе общих пастбищ (состоящих в совместном владении крестьян и помещика). В то время как конфликты о землевладении прекращались по мере завершения к концу 1860-х годов ликвидационной операции, конфликты из-за сервитутов продолжались еще долгие десятилетия. Отмена сервитутов так и не была осуществлена российскими властями, несмотря на периодически возобновлявшиеся дискуссии⁴⁵.

В течение 1864–1873 гг. по различным причинам было удалено от должности 16% избранных войтов и 5% лавников (присяжных гминных

⁴² Ф.Ф. Берг и все члены Учредительного комитета за исключением выступавших на стороне Н.А. Милютин В.А. Черкасского и Я.А. Соловьева выступали за более активное привлечение высших слоев польского общества к реформам в Царстве Польском. См.: *Кошелев А.И.* Указ. соч. С. 114; *Wiech S.* Op. cit. S. 267.

⁴³ На казенных землях сервитуты стали постепенно отменяться по распоряжению Учредительного комитета, данному крестьянским комиссиям 28 марта (9 апреля) 1869 г. См.: *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 305–306.

⁴⁴ Об обязательной отмене сервитутов // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 743. Л. 6–7.

⁴⁵ *Wiech S.* Op. cit. S. 265–267.

судов)⁴⁶. Однако в итоге конфликты с крестьянами не составляли особой проблемы для поддержания власти в Царстве и быстро решались арестом зачинщиков волнений или назначением экзекуции. На этот счет в августе 1866 г. высказался возглавлявший жандармское управление в Варшаве (стоит отметить, что отношения между жандармами и чиновниками крестьянских комиссий к 1865 г. были довольно напряженными) барон П.А. Фредерикс: «Не освоившись в новом для него положении и нередко увлекаясь нерасположением своим к помещикам, оно [крестьянство] сбивается иногда с указанного ему пути, но случаи эти, хотя и довольно частые, в большинстве устраняются без особенных затруднений и разительных беспорядков»⁴⁷.

Большую сложность представляла проблема выстраивания отношений новых войтов с жителями подчиненных им гмин. В донесении военного начальника Кальварийского уезда Августовской губернии было отмечено, что войты не везде пользуются уважением населения. Во многих местах крестьяне не считают себя обязанными повиноваться им, говоря, что «войт такой же, как и они, крестьянин, а не пан»⁴⁸. В августе 1864 г. Варшавская комиссия донесла, что новые войты действуют самостоятельно только там, где они находят «ближайшую нравственную поддержку» со стороны военно-полицейских начальников, «в противном случае неграмотный и трусливый крестьянин, сделавшись войтом, теряется и боится попасть в ответственность и ищет опоры в своем писаре или в первом попавшемся ему грамотном знакомом человеке»⁴⁹.

Проблема неграмотности крестьянских войтов осознавалась властями с самого начала. Тем не менее, милютинская программа в данном случае

⁴⁶ Костюшко И.И. Крестьянская реформа. С. 420.

⁴⁷ Донесение о настроении умов жителей Царства Польского. 19/30 августа 1866 // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 590. Л. 21.

⁴⁸ О ходе кр-го дела с 17 (29) октября по 24 октября (5 ноября) 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 57.

⁴⁹ О ходе кр-го дела с 31 июля (12 августа) по 8 (20) августа 1864 г. // там же. Л. 12.

подразумевала предпочтение лояльности, а не компетентности. В специальной инструкции для военных уездных начальников, изданной генерал-полицмейстером Ф.Ф. Треповым 25 апреля (7 мая) 1864 г. во время выборов в гминные управления, на этот счет содержалось однозначное указание: «Незнание грамоты ни в коем случае не может служить крестьянину препятствием к поступлению на должность войта, если, по другим требуемым законом условиям, по своим нравственным качествам и по своей преданности правительству, он окажется того достойным»⁵⁰. Как уже было отмечено выше, более половины избранных в 1864 г. войтов были неграмотными. Ситуация усугублялась тем, что при 20 % войтов не было писарей⁵¹. Неграмотным войтам, не имевшим при себе писарей, приходилось обращаться к писарям соседних гмин. До завершения раскладки гминных взносов в 1864 г. были отмечены случаи, когда один и тот же писарь работал в двух или трех гминных управлениях, следствием чего было неудовлетворительное ведение делопроизводства и содержание канцелярий⁵². Ситуация с гминными писарями усугублялась тем, что, при общей их нехватке, лояльность многих из уже работавших была под сомнением. Часто писарями устраивались бывшие войты⁵³, а при неграмотном войте-крестьянине это фактически означало сохранение старого порядка ведения дел. Сохранение крестьянского характера гминного самоуправления на протяжении 1860-х оставалось бóльшим приоритетом, чем грамотность войтов. К 1870 г. доля неграмотных войтов снизилась до 40 % с 54 % в 1864 г. В 1873 г. она составляла 34 %⁵⁴.

⁵⁰ Инструкция генерал-полицмейстера в царстве военным уездным начальникам // Постановления Учредительного комитета. Т. I. С. 372.

⁵¹ О ходе кр-го дела с 22 августа (3 сентября) по 29 августа (10 сентября) 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 26 об.; С 12 (24) сентября по 19 сентября (1 октября) // там же. Л. 38.

⁵² О ходе кр-го дела с 22 августа (3 сентября) по 29 августа (10 сентября) 1864 г. // там же. Л. 26 об. – 27.

⁵³ О ходе кр-го дела с 17 (29) октября по 24 октября (5 ноября) 1864 г. // там же. Л. 57 об.

⁵⁴ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 418–419.

Росту грамотности способствовало открытие новых народных училищ. 30 августа (11 сентября) 1864 г. был издан указ о начальных училищах, передававший их в ведение гминного самоуправления и позволивший гминам открывать новые училища⁵⁵. Финансирование училищ несколько облегчилось, поскольку в гминную раскладку в Царстве Польском были включены не только крестьянские дворы, но и поместья⁵⁶. За два года с издания указа число начальных училищ увеличилось в полтора раза, с 1067 до 1479⁵⁷. К 1869 г. их число превысило две тысячи⁵⁸.

При огромном количестве неграмотных войтов и в условиях острой нехватки писцов, в 1864 г. Учредительный комитет и крестьянские комиссии предприняли несколько экстренных мер, чтобы обеспечить жизнеспособность гминного управления. Гражданским чиновникам было предписано резко сократить документооборот с гминами⁵⁹. Малые гмины стали объединять в более крупные. Количество гмин было сокращено с 3115 до 2519 к февралю 1865 г., до 1476 к концу года и до 1329 в 1867 г. При этом количество слишком малых гмин (с населением менее тысячи человек) сократилось с ок. 2400 на момент объявления реформы до 54 в 1865 г. и 4 в 1867 г., а слишком крупных (с населением более 6000 человек) — с 47 до 36

⁵⁵ Dziennik Praw. Tom 62. 1864. S. 334–359.

⁵⁶ По замечанию М.Д. Долбилова, именно всесловный характер гмины отличал ее от русской волости — сословно-крестьянской единицы, не включавшую в себя помещичьи имения. Западные окраины. С. 188–189.

⁵⁷ О ходе кр-го дела с 17 (29) сентября по 24 сентября (6 октября) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 201.

⁵⁸ О ходе кр-го дела с 21 по 28 июня 1869 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1494. Л. 98 об.

⁵⁹ Впоследствии требования к делопроизводству в гминных канцеляриях были снова повышены. См.: О ходе кр-го дела с 30 июля (11 августа) по 6 (18) августа 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 165–166 об. К началу 1870-х гминное делопроизводство было уже значительно усложнено, в результате чего войты из крестьян были поставлены в еще большую зависимость от писарей: «Гминные книги заведены по общей установленной форме; число их следующее: две книги для гминных судебных решений; одна — для судебно-полицейских, другая книга для гражданских дел; книга для постановлений гминных сходов; денежная приходо-расходная книга; книга входящих и исходящих бумаг; книга для заявлений стражников; все они ведутся на русском языке» (Пояснительная записка к ведомостям, касающимся общественного гминного устройства в Горно-Кальварийском уезде за 1872 год // РГИА. Ф. 1291. Оп. 117. Д. 127. Л. 81).

в 1865 г. и 26 в 1867 г.⁶⁰ Также для приведения гминного управления в порядок Учредительный комитет 31 октября (12 ноября) 1864 г. постановил продавать крестьянам лес для строительства зданий гминных канцелярий (ранее гминные канцелярии часто располагались в помещичьей усадьбе) и школ за половину цены: при покупке леса до 150 рублей на канцелярии и до 100 рублей на школы⁶¹.

В результате большого количества отзывов о популярности новых гминных судов в крестьянской среде, поступавших на протяжении 1864 г., в июне 1865 г. Учредительный комитет предложил расширить их юрисдикцию. По изначальному проекту предполагалось распространить юрисдикцию гминного суда на иски стоимостью до 100 рублей вместо 30 по указу 1864 г. При этом в Августовской губернии, временно находившейся под управлением генерал-губернатора Северо-Западного края М.Н. Муравьева, эта мера уже была временно введена. По настоянию В.А. Арцимовича, бывшего в оппозиции к «Милютинской» партии, сумма была сокращена до 60 рублей, причем новое правило должно было быть применено и к Августовской губернии⁶². Однако Н.А. Милютину удалось провести в Петербурге проект в первоначальной редакции, в результате чего ведомство гминных судов по высочайшему указу 30 ноября (12 декабря) 1865 г. было доведено до пределов, установленных в империи для волостных судов⁶³.

Вообще успешность принятия суда как наиболее понятного крестьянам института гминного самоуправления в глазах крестьянских комиссий выражалась в случаях преодоления сословных границ. На протяжении первых двух лет существования нового гминного суда

⁶⁰ О ходе кр-го дела с 29 апреля по 6 мая 1867 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1492. Л. 68–69 об.

⁶¹ Постановления Учредительного комитета. Т. II. Ст. 193. Об отпуске лесных материалов на постройку школ и домов для гминных управлений. С. 461–467.

⁶² Постановления Учредительного комитета. Т. IV. Ст. 368. О расширении пределов ведомства гминных судов. С. 221–231.

⁶³ Dziennik Praw. Tom 63. 1865. S. 352–355.

помещики старательно его избегали, предпочитая обращаться напрямую к комиссарам и военным начальникам или подавать жалобы в общегражданские суды⁶⁴. Однако уже в 1866 г. председатели Бяльской и Олькушской комиссий доносили, что гминные суды «начинают приобретать доверие всех сословий»⁶⁵ и в них обращаются «не только одни крестьяне, но и священники, арендаторы имений и некоторые помещики»⁶⁶.

Образ крестьянского самоуправления как новой низовой и притом носящей всесословный характер опоры царской власти в Польше нашел наиболее яркое выражение в торжественном приеме в Варшаве войтов и лавников ближайших гмин Варшавской губернии, который был организован наместником и Варшавской комиссией в честь первой годовщины крестьянской реформы 21 февраля (5 марта) 1865 г. По этому поводу Соловьев с гордостью докладывал: «История Польши не представляет ни одного примера, чтобы *хлоп* сидел в присутствии высших государственных сановников и пил вместе с ними из заздравного кубка. Новые начала гражданственности, примененные к населению Польши, дают ей бытие новое, противоположное прошедшему и богатое надеждами в будущем»⁶⁷.

Фиксируемые в 1865 г. случаи уклонения помещиками от взаимодействия с гминными судами, по оценке Остроленкской и Люблинской комиссий, «значительно подрывали авторитет гминных управлений»⁶⁸. В том же 1866 г., когда стали появляться сведения об участии помещиков в гминном суде, председатель Келецкой комиссии

⁶⁴ О ходе кр-го дела с 10 (22) по 17 (29) июля 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 191 об.; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 444-445.

⁶⁵ О ходе кр-го дела с 15 (27) октября по 22 октября (5 ноября) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 215 об.

⁶⁶ О ходе кр-го дела с 27 августа (8 сентября) по 3 (15) сентября 1866 г. // там же. Л. 185 об.

⁶⁷ Угощение гминных войтов в Варшаве. 25 февраля / 9 марта 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 132–132 об.

⁶⁸ Постановления Учредительного комитета. Т. IV. Ст. 368. О расширении пределов ведомства гминных судов. С. 222.

после осмотра двух гмин в Опочинском уезде писал: «Солтысы и лавники вследствие недостаточного понимания ими своих обязанностей не пользуются должным уважением со стороны крестьян, которые поэтому нередко уклоняются от исполнения приказаний солтысов и постановлений гминных судов»⁶⁹. Участие помещиков было необходимо для поддержания авторитета новых учреждений в глазах самих крестьян.

По этой причине предпочтительной манерой поведения представителей гминного самоуправления в отношениях с помещиками комиссии считали подчеркнутую вежливость в общении и особое внимание к интересам помещика в суде, которые подразумевали требование взаимного к себе уважения. Именно такую линию поведения войтов восхвалял на страницах «Русского инвалида» Н.А. Милютин: «Нередко случалось, что крестьянин, облеченный в звание войта гмины, сразу входил в свою роль, бросал общую всем польским крестьянам привычку поминутно кланяться в ноги панам, с достоинством и некоторою важностью садился в присутствии членов комиссии на указанное ему место и, выслушивая показания бывшего своего помещика, делал свои возражения в защиту крестьян с тактом и вежливостью»⁷⁰. В 1865 г. в схожих формулировках председатель Люблинской комиссии с похвалой отзывался о поведении крестьян в отношении помещиков⁷¹, а при выяснении благонадежности оставленного в должности войта гмины Боксице Опатовского уезда помещика Ясинского комиссар и военный начальник уезда помимо благополучия, грамотности крестьян и их благожелательных отзывов о своем бывшем помещике обратили внимание, что крестьяне не кланяются в ноги⁷². Председатель Люблинской комиссии также с похвалой отозвался о

⁶⁹ О ходе кр-го дела с 26 ноября (8 декабря) по 3 (15) декабря 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 242 об.

⁷⁰ О ходе крестьянского дела. 1864. С. 4

⁷¹ О ходе кр-го дела с 16 (28) января по 23 января (4 февраля) 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 112 об.

⁷² О ходе кр-го дела с 1 (13) по 8 (20) мая 1865 г. // там же. Л. 163–164.

практике более строгого взыскания в судах с крестьян чем с помещиков по схожим делам. В пример им был приведен случай из гмины Татары, где помещик за потраву крестьянской земли был присужден к компенсации в пользу крестьян в сумме 5 копеек с головы скота, а крестьян в том же случае обязывал выплачивать в пользу помещика по 15 копеек с головы скота⁷³. В 1866 г. он также хвалил гминные суды за строгие приговоры в делах по нарушению прав собственности помещиков⁷⁴. Излишняя крестьянская инициатива в наступлении на права помещиков пресекалась с тем, чтобы возможность «всячески притеснять и оскорблять польских панов и шляхтичей», как выразился А.И. Кошелев⁷⁵, оставалась прерогативой «милютинцев» в Учредительном комитете и крестьянских комиссиях.

В конце 1865 г. после личного объезда отделов нескольких комиссий Я.А. Соловьев приказал комиссарам, несколько освободившихся к тому времени от дел по поземельному устройству, приступить совместно с военно-полицейским управлением к ревизии гмин⁷⁶. Регулярные проверки гминных администраций и судов показали, что новое гминное устройство создало большое пространство для коррупции⁷⁷. На протяжении 1866 г. из

⁷³ О ходе кр-го дела с 16 (28) января по 23 января (4 февраля) 1865 г. // там же. Л. 112–112 об.

⁷⁴ О ходе кр-го дела с 16 (28) апреля по 23 апреля (5 мая) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 91 об.

⁷⁵ Кошелев А.И. Указ. соч. С. 112.

⁷⁶ О ходе кр-го дела с 27 ноября (9 декабря) по 4 (16) декабря 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 276–277 об.

⁷⁷ Случаи незаконного назначения гминными судами произвольных наказаний были известны Учредительному комитету и до начала регулярных проверок в 1866 г. При обсуждении ситуации в гминных судах в конце 1865 г. упоминались следующие случаи, произошедшие в августе – сентябре 1864 г.: войт гмины Ренчае Станиславовского уезда прислал в варшавский тюремный замок крестьянку Софью Кельчик, осужденную гминным судом на два года тюрьмы за то, что «эта женщина самого дурного поведения, воровка, предающаяся распутству и чрезвычайному пьянству, так что нет ни одной статьи гминного устава, которой бы эта испорченная женщина не нарушила»; войт гмины Тлуц приговорил виновного в воровстве 400 рублей Войцеха Рембенчика к телесному наказанию и церковному покаянию и заявил, что «для него довольно и этого наказания, ибо кроме того ему порядочно досталось при производстве следствия»; войт гмины Вавер прислал под караулом к смотрителю варшавского тюремного замка Станислава Рембека для заключения в тюрьму без срока «за пьянство и за то, что он, Рембек, человек злой» (Постановления Учредительного комитета. Т. V. Ст. 526.

разных частей Царства стали поступать сведения об открывшихся случаях взяточничества⁷⁸, растраты общественных денег в гминных администрациях⁷⁹, превышения судами допустимых размеров штрафов⁸⁰ и назначения ими произвольных штрафов⁸¹ или телесных наказаний⁸².

Помимо прямых преступлений проверки обнаружили, что в большинстве гмин не исполняется требование об обязательном проведении гминных сходов⁸³. В ведении гминного схода помимо имущественных вопросов, касавшихся населения всей гмины, в частности, было открытие новых начальных училищ или управление действующими, а также поверка действий гминного управления. По донесению председателя

О признании приговоров гминных судов недействительными по делам судно-полицейским. С. 500). Однако выяснение общего положения дел в гминных судах и управлениях связано с началом регулярных их проверок в 1866 г.

⁷⁸ Красноречивое свидетельство о взяточничестве в гминных администрациях и судах содержится в донесении генерал-полицмейстеру и начальнику 3-го округа жандармов П.А. Фредериксу из Августовской губернии: «Некоторые [крестьяне] даже решаются заявлять, что при прежних гминных порядках было им легче, ибо тогда для побуждения к разбору своего дела довольно было принести к заступающему войта гмины курицу и десяток яиц, а теперь нужно давать деньги войту, двум лавникам и писарю, — и кто даст больше, тот и выигрывает» (Доклад о настроениях крестьян Августовской губернии от 2/14 января 1867 г. // ГА РФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 314. Л. 15). В 1872 г. комиссар Гостынского уезда Варшавской губернии считал деятельность гминных управлений и судов удовлетворительной в ситуации, когда «денежным штрафам и арестам в течение минувшего года из числа 12 войтов подвергалось только 4» (Отчет комиссара Гостынского уезда о гминных управлениях за 1872 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 117. Д. 127. Л. 17 об.). См. также: О ходе кр-го дела с 16 (21) июля по 23 июля (4 августа) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 156 об.; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 439–440.

⁷⁹ О ходе кр-го дела с 2 (14) по 9 (21) апреля 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 75; С 9 (21) по 16 (28) апреля // там же. Л. 87; С 11 (23) по 18 (30) июня // там же. Л. 138 об.; С 16 (28) июля по 23 июля (1 августа) // там же. Л. 156; С 20 августа (1 сентября) по 27 августа (8 сентября) // там же. Л. 183–183 об.; С 15 (27) октября по 22 октября (3 ноября) // там же. Л. 215 об.

⁸⁰ О ходе кр-го дела с 19 (31) марта по 26 марта (7 апреля) 1866 г. // там же. Л. 65 об.

⁸¹ О ходе кр-го дела с 17 (29) сентября по 24 сентября (6 октября) 1866 г. // там же. Л. 201 об.

⁸² Комиссии доносили, что телесные наказания, как правило, применялись применялась только против беднейших крестьян, что еще сильнее обостряло отношения в деревне (О ходе кр-го дела с 2 (14) по 9 (21) апреля 1866 г. // там же. Л. 76 об.; С 23 апреля (5 мая) по 30 апреля (12 мая) // там же. Л. 98; С 21 мая (2 июня) по 28 мая (9 июня) // там же. Л. 127 об.; С 27 августа (8 сентября) по 3 (15) сентября // там же. Л. 185 об. – 186).

⁸³ По закону о гминном устройстве 1864 г. гминные сходы были должны обязательно собираться четыре раза в год (*Dziennik praw.* Т. 62. 1864. S. 44–45).

Красноставской комиссии, крестьяне и гминные должностные лица плохо понимали различие между судами и сходами и часто записывали решения судов и сходов в одну книгу⁸⁴. При этом председатель Келецкой комиссии доносил, что одной из причин превышений полномочий гминными судами было то, что крестьяне часто смотрели на суд как на карательное учреждение⁸⁵. Другая распространенная причина непопулярности гминных сходов заключалась в том, что крестьяне обычно не ждали от них ничего кроме появления новых расходов: председатель Варшавской комиссии сообщал, что сходы, как правило, собираются только для назначения и распределения гминных сборов⁸⁶, а комиссар Келецкой комиссии сообщал, что в гмине Конск крестьяне говорили о сходе как о «таком собрании, на котором они обязаны каждый раз присуждать самих себя к денежным взносам на разные потребности»⁸⁷. При обозрении гминных управлений комиссары стали требовать от войтов организации сходов в положенное время. В отдельных случаях даже назначались штрафы за неявку на сход⁸⁸. В результате давления, оказанного на гминное управление, сходы стали собираться чаще, но крестьяне по-прежнему плохо понимали их назначение. Председатель Олькушской комиссии в конце 1866 г. сообщал, что гминные сходы хотя и собираются исправно в положенные сроки, но «существуют как формальность»⁸⁹.

В ноябре – декабре 1865 г. перед изданием для гминных судов инструкции по разбору судно-полицейских дел Я.А. Соловьев, В.А. Черкасский и генерал-полицмейстер Ф.Ф. Трепов высказывали сомнения в ее своевременности. Они объясняли их неграмотностью крестьян, а также

⁸⁴ О ходе кр-го дела с 2 (14) по 9 (21) апреля 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 75 об.

⁸⁵ О ходе кр-го дела с 23 апреля (5 мая) по 30 апреля (12 мая) 1866 г. // там же. Л. 97 об.

⁸⁶ О ходе кр-го дела с 14 (26) мая по 21 мая (3 июня) 1866 г. // там же. Л. 115 об.

⁸⁷ О ходе кр-го дела с 11 (23) по 18 (30) июня 1866 г. // там же. Л. 138 об. – 139.

⁸⁸ О ходе кр-го дела с 29 октября (10 ноября) по 5 (17) ноября 1866 г. // там же. Л. 225; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 430.

⁸⁹ О ходе кр-го дела с 29 октября (10 ноября) по 5 (17) ноября 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 224 об.

надеждой на то, что «гминные суды мало-помалу выработают сами практику, соответствующую народным понятиям», и опасением, что издание инструкции отнимет «тот малый запас самобытности, который постепенно вырабатывается из народной жизни»⁹⁰.

Позиция Учредительного комитета в вопросе крестьянского самоуправления все еще не была единой. Эта дискуссия была по своей сути продолжением споров в Редакционных комиссиях при подготовке реформы в империи, когда были выработаны два различных подхода к проблеме крестьянского самоуправления. Продвигаемая Ю.Ф. Самариним и поддержанная В.А. Черкасским «модель невмешательства», как ее определил И.А. Христофоров, предполагала отказ от создания волостного крестьянского самоуправления, в котором виделось излишнее бюрократическое вмешательство в жизнь крестьян, в пользу идеи их свободного и органического развития. В итоге возобладала позиция Н.А. Милютина — «модель опеки», развивавшая идеи реформы государственных крестьян П.Д. Киселева. Однако в отличие от строго иерархической киселевской модели волостного самоуправления, созданной с целью обеспечения контроля правительства за жизнью государственных крестьян, административные функции новой волости в 1861 г. были значительно расширены, а ее иерархический характер сглаживался учреждением института мировых посредников⁹¹. При этом в империи деятельность волостной юстиции была определена крайне скупой. В циркуляре министра внутренних дел П.А. Валуева от 31 октября 1861 г. было подчеркнуто, что волостные суды должны руководствоваться «в подробностях местными обычаями, хорошо известными крестьянам»⁹². В

⁹⁰ Постановления Учредительного комитета. Т. V. Ст. 523. Об инструкции гминным судам по делам судно-полицейским. С. 453.

⁹¹ Христофоров И.А. Судьба реформы. С. 151–155, 352.

⁹² Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX. в.). Воронеж, 2007. С. 47.

отношении волостного суда в империи была выбрана стратегия опоры на обычное право.

При разработке крестьянской реформы в Царстве Польском в конце 1863 г. необходимость создания органа крестьянского самоуправления уже не ставилась под сомнение. Прежде всего, в Польше уже существовал институт гмины. По задумке авторов реформы, орган патримониальной власти шляхты над крестьянством был превращен в орган крестьянского самоуправления⁹³. При этом в условиях продолжавшегося восстания о создании института мировых посредников в Польше не могло быть и речи. Как писал Н.А. Милютин в записке императору, в России создатели реформы могли полагаться на всеобщую поддержку всех слоев общества, в том числе на «ревностное содействие сильного и просвещенного меньшинства дворянства» и на «несомненную готовность всего вообще дворянства русского, не раз доказанную, приносить жертву, требуемую верховною властью, даже и тогда, когда настоятельная необходимость этой жертвы не вполне и всеми сознавалась». В Польше же они вынуждены осуществлять преобразования в условиях «общего против них заговора всех высших сословий»⁹⁴.

Введение в Царстве Польском мировых учреждений наряду с новым расширением ведомства гминных судов (в этот раз на иски с ущербом до 250 руб.) предполагалось в проекте преобразования судебной части, разработанном Правительственной комиссией юстиции и обсуждавшемся в Учредительном комитете в марте – апреле 1867 г. При этом введение мировых учреждений вовсе не означало обращения к посреднической роли шляхты не только в отношении крестьянской реформы вообще, но и в судебных делах, касающихся крестьян, в частности. Авторы проекта предложили принять «весьма умеренный ценз» с тем, чтобы «мировая

⁹³ Копия всеподданнейшей записки сенатора Милютина от 3 декабря 1863 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1607. Л. 23 об. – 24.

⁹⁴ Там же. Л. 26–26 об.

юстиция естественным образом перешла бы в руки к тем же поселянам, которые имеют уже свои гминные суды»⁹⁵. Обсуждение реформы, против ожиданий Соловьева⁹⁶, сильно затянулось в Петербурге. Доработанная в столице реформа вступила в силу только через пять лет после закрытия Учредительного комитета и отъезда Соловьева из Варшавы. Указ был опубликован 1 (13) июня 1875 г. и вступил в силу 1 (13) июля 1876 г.⁹⁷

В редакционных комиссиях Милютин выступал против любого участия дворянства в разработке крестьянской реформы. П.Д. Стремоухов передал в своих воспоминаниях разговор с ним, произошедший на одном из вечеров у Милютина во время работы комиссий: «Никогда, никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит и всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны. *Tout pour le peuple, — rien par le peuple* (*фр.* примерный перевод: “Все для народа, но без участия народа”))»⁹⁸. В Польше Милютин говорил о необходимости действовать *диктаториально* в отношении польского чиновничества, шляхты и католического духовенства при проведении крестьянской и монастырской реформ⁹⁹. То же ясное понимание диктаторского характера проведения реформы в жизнь демонстрировал Ю.Ф. Самарин. В мае 1864 г. лечившийся за границей после разработки крестьянской реформы Самарин ответил в письме И.А. Аксакову, который выражал ему свою радость по поводу того, что Самарин «не участвует в

⁹⁵ Постановления Учредительного комитета. Т. IX. Ст. 1089. О преобразовании судебной части в Царстве Польском. С. 618.

⁹⁶ Соловьев М. [Я.А. ?]. Судебная реформа в Привислянском крае // Русский вестник. 1868. Т. 74. Март. С. 263–264.

⁹⁷ См.: *Korobowicz A. Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1915. Lublin, 1995. S. 15–83.*

⁹⁸ Цит. по: *Кизеветтер А. Николай Алексеевич Милютин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 250–251.*

⁹⁹ Н.А. Милютин к жене. 25 октября / 6 ноября 1863 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 33; Н.А. Милютин В.А. Черкасскому. С.-Петербург, 8/20 августа 1864 г. // там же. Л. 77 об.

администрации [Царства Польского], рука в руку с диктатурой», следующим пассажем: «Я шел рука об руку с властью в польском деле, я участвовал в составлении *диктаторского* проекта о крестьянах и подписал его, я настаивал на *необходимости диктаторских средств* для приведения его в исполнение...»¹⁰⁰. Демократические взгляды Милютина и его соратников сочетались с абсолютистскими методами их реализации. Исключение любых посредников между чиновниками и крестьянами в процессе включения последних в общественную жизнь неизбежно подчиняло их диктату бюрократии и логике дисциплинирования в духе просвещенного абсолютизма Иосифа II¹⁰¹.

В декабре 1865 г. инструкция для гминных судов была издана вопреки протестам Черкасского, Соловьева и Трепова. Окончательно «модель опеки» и логика дисциплинирования возобладали по получении первых результатов объездов гмин председателями крестьянских комиссий. В марте 1866 г. Соловьев вследствие представлений комиссий о нехватке текстов законов в гминных управлениях распорядился о рассылке в гмины экземпляров «Дневника законов», где печатались все постановления властей по Царству Польскому¹⁰². В мае Соловьев и Черкасский договорились, что начатая Соловьевым работа по составлению сборника всех постановлений и распоряжений, относящихся до гминных управлений и гминных судов будет производиться «при взаимном их содействии и руководстве»¹⁰³. Работа над сборником продолжилась и после того, как в декабре 1866 г. князь Черкасский оставил должность главного директора

¹⁰⁰ Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 106.

¹⁰¹ О социальном дисциплинировании как об одном из оснований реформ Иосифа II в Австрии см.: *Oestreich G.* Op. cit. S. 345.

¹⁰² О ходе кр-го дела с 19 (31) марта по 26 марта (7) апреля 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 66–66 об.

¹⁰³ О ходе кр-го дела с 30 апреля (12 мая) по 7 (19) мая 1866 г. // Там же. Л. 105; С 14 (26) мая по 21 мая (3 июня) // там же. Л. 118 об. – 119. Н.А. Милютин по получении записки предлагал Соловьеву сосредоточиться на облегчении гминным властям пользования «Дневником законов» (Н.А. Милютин Я. А. Соловьеву. С.-Петербург, 3/15 мая 1866 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 202 об.).

комиссии внутренних и духовных дел и покинул Варшаву. Он был издан в сентябре 1868 г. Еще через два месяца в дополнение к нему по инициативе петроковского губернатора И.С. Каханова была издана краткая инструкция для гминных управлений, которая была разослана по другим губерниям¹⁰⁴. В июне 1866 г. комиссар 5-го участка Келецкой комиссии, разъяснив гминным войтам и лавникам изданную 30 декабря 1865 г. (11 января 1866 г.) инструкцию о разборе судно-полицейских дел и поприбывав на заседании гминного суда, сообщил, что инструкция, «по краткости и простоте своей, вполне достигает цели»¹⁰⁵. Однако как в этом, так и в других подобных случаях, встречающихся в отчетных записках, основным средством исправления нарушений в работе гминного суда и гминного управления оставалась личная коммуникация комиссаров и местных военных начальников с крестьянами¹⁰⁶.

Реформаторы не только заботились о том, чтобы крестьянские комиссии постоянно поддерживали личный контакт с органами гминного самоуправления и направляли их в нужном им ключе, но и старались по возможности исключить влияние на них других представителей власти. Осенью 1864 г. военный начальник Кальварийского уезда Августовской губернии жаловался, что крестьяне часто обращаются не в гминные, а в гражданские суды из-за вредного влияния адвокатов и судебных чиновников¹⁰⁷. В феврале 1866 г. Соловьев обратился к директору комиссии юстиции Теодору Восинскому с требованием исключить незаконное вмешательство чиновников общего судебного ведомства в органы гминного самоуправления после жалобы Красноставской комиссии на контрольного

¹⁰⁴ О ходе кр-го дела с 26 октября по 2 ноября 1868 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1493. Л. 131 об.; Инструкция войтам сельских гмин в Царстве Польском // РГИА. Ф. 1291. Оп. 117. Д. 127. Л. 106 – 16 об.

¹⁰⁵ О ходе кр-го дела с 11 (23) по 18 (30) июня 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 139 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 138–138 об.

¹⁰⁷ О ходе кр-го дела с 17 (29) октября по 24 октября (5 ноября) 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 58.

чиновника Томашевского судебного округа, взыскавшего штемпельную плату с Либунского гминного управления несмотря на то, что по закону все дела в гминах ведутся на простой бумаге¹⁰⁸. В мае того же года председатель Варшавской комиссии обнаружил при ревизии книг в гмине Любань Равского уезда, что некоторые решения суда были приняты по предложению участковых жандармов¹⁰⁹. Двумя месяцами позднее подобные случаи были замечены в Плоцкой губернии. Я.А. Соловьев отозвался о них как о «вредном вмешательстве, подрывающем в сельском населении доверие и уважение к гминным учреждениям» и «оскорбительном обхождении с гминными должностными лицами»¹¹⁰. По настоянию Соловьева и Черкасского начальник варшавских жандармов П.А. Фредерикс запретил вмешательство жандармов в дела гминного самоуправления. Во всех этих случаях наблюдается забота «милютинцев» о поддержании авторитета гминных учреждений в глазах самих крестьян. Стремление свести к минимуму контакты крестьян с местными чиновниками судебного ведомства связано еще и со страхом оставить крестьян «на произвол польского чиновничества»¹¹¹, безусловно враждебного империи, в глазах «милютинской партии». Комиссары по крестьянским делам и сотрудничавшие с ними местные военные начальники должны были оставаться для крестьян главными исполнителями царской воли в Польше.

В польской историографии встречаются попытки анализировать политику «партии Милютина» в Царстве Польском как действительную попытку осуществления крестьянской утопии, не удавшейся в империи в

¹⁰⁸ О ходе кр-го дела с 19 февраля (3 марта) по 26 февраля (10 марта) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 111 об.

¹⁰⁹ О ходе кр-го дела с 14 (26) мая по 21 мая (2 июня) 1866 г. // там же. Л. 116 об.; с 21 мая (2 июня) по 28 мая (9 июня) // там же. Л. 128 об.

¹¹⁰ О ходе кр-го дела с 23 июля (4 августа) по 30 июля (11 августа) 1866 г. // там же. Л. 161 об.

¹¹¹ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 10/22 октября 1866 // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 248 об.

1861 г.¹¹² Возникновение такого взгляда неудивительно, так как именно с этой точки зрения политику Учредительного комитета критиковали с самого его создания. В марте 1864 г. Милютин упомянул в письме жене из Варшавы, что поляки прозвали его «председателем хлопского жонда»¹¹³, причем, по его собственной оценке, это было нисколько не обидно¹¹⁴. Через полгода после своего увольнения из Варшавы, которое было вызвано назначением в мае 1866 г. Милютина на должность статс-секретаря по делам Царства Польского, А.И. Кошелев подал на имя Александра II записку о состоянии дел в Царстве Польском. В ней он раскритиковал «партию Милютина» за проводимую «в духе самого крайнего демократизма» политику опоры на одно крестьянство при пособии русских чиновников. По его мнению, это означало создание «бюро-охлократического устройства» в одной части империи, которое создавало революционную угрозу для всей России¹¹⁵. Н.В. Берг, работавший в то время в Варшаве корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей», вспоминал, как он выразил Милютину схожие опасения о риске превращения выученного реформаторами крестьянина в революционера. Милютин ответил журналисту, что, даже если его замечание справедливо, в тот момент реформаторы не могли действовать иначе¹¹⁶.

Однако донесения, присылаемые Соловьевым в Петербург, заставляют скорее согласиться с мнением И.И. Костюшко о несамостоятельности гминного управления и полной его зависимости от властей как при выборе должностных лиц, так и при решении ими дел¹¹⁷. Таким образом, в практическом отношении в критикуемом Кошелевым

¹¹² *Jedlicki J.* Op. cit. S. 222–223; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 470–521.

¹¹³ *Pol. chłopski rząd* — крестьянское правительство.

¹¹⁴ Н.А. Милютин к жене. 7/19 марта 1864, Варшава // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 43 об.

¹¹⁵ *Кошелев А.И.* Записка о делах Царства Польского, ноябрь 1866 г., с. Песочня, Рязанской губ. Сапожковского уезда // Записки. С. 330, 333.

¹¹⁶ *Berg M.* Op. cit. S. 80.

¹¹⁷ *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 425, 443.

«бюро-охлакратическом устройстве» «бюро-» явно преобладало над «охло-». Здесь представляет интерес дискуссия о возможности сравнения политики чиновников Милютинского круга с политикой опоры на класс мелких собственников, проводившейся режимом Наполеона III во Франции¹¹⁸. Хотя «милютинцы» действительно опирались на русских чиновников из среды разночинцев и старались ограничить участие шляхты в политической жизни Царства, они не предполагали пополнять бюрократический аппарат из крестьянской среды (ни в Польше, ни в России). Согласно идее А.Ф. Гильфердинга, поддержанной Н.А. Милютиным, одной из целей социальной политики в Царстве было сохранение сословного статуса крестьян в случае получения ими образования или общественной должности в гминном управлении¹¹⁹. Свободы спускались на крестьян по воле благодетельного монарха, а сами реформы осуществлялись руками его агентов из русских чиновников, чужих для польских крестьян. Несмотря на привнесение в эту схему элементов крестьянского самоуправления, в своей основе она опять же повторяет политику просвещенного абсолютизма Иосифа II.

§ 3. Гминные институты и крестьянские комиссии как система коммуникации власти и крестьян

Хотя Милютин провозглашал, что цель крестьянской реформы заключается в выдвигании на историческую сцену народа в качестве «нового неведомого в польской истории деятеля»¹²⁰, действительным двигателем политики Учредительного комитета представляется не практическое участие крестьян в управлении краем, а созданная реформаторами система образов и коммуникации. Свободы не просто

¹¹⁸ *Wereszycki H.* Historia polityczna Polski 1864–1918. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990. S. 52; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 491; Западные окраины. С. 198.

¹¹⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Положение и задача России. С. 351–357; Об устройстве учебной части. С. 16.

¹²⁰ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. Варшава, 29 марта / 11 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 49.

провозглашались от имени царя — они представлялись знаками особой заботы монарха о своих подданных из польских крестьян¹²¹. Дистанция между императором и крестьянами предельно сокращалась. С помощью записок, еженедельно представляемых Соловьевым на высочайшее рассмотрение, стало возможно общение крестьян с монархом с минимальным количеством посредников: от местного чиновника напрямую или через председателя местной комиссии к Соловьеву и от него к монарху, минуя все остальное варшавское чиновничество и даже наместника (хотя наместник участвовал в рассмотрении записок в Учредительном комитете в качестве его председателя, его нельзя назвать активным участником этой коммуникации). Внутреннее устройство Учредительного комитета и комиссий по крестьянским делам, безусловно, крестьянам известно не было. Для них особое внимание и близость монарха должны были олицетворять новые русские чиновники, дистанцировавшиеся от местной аристократии и чиновничества. Они должны были предстать носителями неискаженной монаршей воли. Личное знакомство крестьянских делегаций с Александром II в Санкт-Петербурге на устроенных специально для них торжественных приемах в апреле и мае 1864 г. также было значимым в смысле уменьшения дистанции с идеализируемой фигурой монарха.

Тон коммуникации крестьян с монархом, по задумке авторов реформы, должно было задавать чувство благодарности за дарованные им права и свободы. В этом случае можно говорить о регуляции эмоциональных режимов, по аналогии с ситуацией, описанной Е.М. Болтуновой в отношениях Александра I и Николая I с польской шляхтой в 1815–1830 гг.¹²² Как и в случае разыгрыванием «сценария любви» освобождаемого русского народа к монарху в 1861 г., о котором пишет

¹²¹ Проект объявления крестьянам Царства Польского // РГИА. Ф. 1270. Д. 1607. Л. 130–144 об.

¹²² Болтунова Е. Указ. соч. С. 226–227, 231.

Р. Уортман¹²³, от польских крестьян ожидалось выражения преданности и благодарности царю.

В 1865 г. в центре внимания Учредительного комитета в качестве своего рода проверки крестьянской лояльности оказалось два события: празднование первой годовщины реформы и первый после подавления восстания рекрутский набор в Царстве.

Накануне первой годовщины реформы из нескольких гмин поступили обращения с просьбой заказать для них портреты Александра II. Наместник Ф.Ф. Берг разрешил разослать во все гминные управления портреты императора в золоченых рамках и за стеклом в дар, «как благоговейное напоминание о Высочайших милостях, дарованных указами 19 февраля (2 марта)»¹²⁴. В воскресенье 21 февраля (4 марта) 1865 г. по инициативе Соловьева Берг принял в Варшаве выборных представителей соседних гмин. После богослужения в католическом соборе, на котором присутствовали члены Варшавской комиссии, был устроен обед, во время которого наместник принимал благодарственные адреса и поздравления с днем восшествия на престол Александра II. Крестьянские комиссии организовали торжества с угощением войтов в 19 городах и нескольких местечках по всему Царству¹²⁵. Несколько дней после 19 февраля крестьяне повсеместно собирались на торжественные молебны за императора. Во многих местах крестьяне объявляли этот день праздничным на гминных сходах, за свои деньги устанавливали кресты и памятники в память освобождения от барщины, строили часовни в честь св. Александра,

¹²³ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2.: От Александра II до Николая II. М., 2004. С. 108–112.

¹²⁴ О ходе кр-го дела с 26 декабря 1864 (7 января) по 2 (14) января 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 98 об.

¹²⁵ Помимо Варшавы празднества были организованы в Бяле, Плоцке, Замостье, Кельцах, Пётркове, Сувалках, Пултуске, Радоме, Сандомире, Опочне, Кальварии, Красноставе, Стопнице, Велюне, Опатове, Янове, Грубешове, Ленчице, Мехове и в местечках Ленчицкого и Меховского уездов (О ходе кр-го дела с 20 февраля (4 марта) по 27 февраля (11 марта) 1865 г. // там же. Л. 135 об.; С 27 февраля (11 марта) по 6 (18) марта // там же. Л. 139 об.).

заказывали для костелов иконы и хоругви с его изображением, а также открывали народные училища. Крестьяне села Блотницы Радомского уезда основали новый поселок и назвали его «Царской Волей¹²⁶» (пол. Wola Cesarska)¹²⁷. Еще в нескольких местах Царства коммеморации реформы прошли весной и летом 1865 г.

Празднование и открытие новых памятников в честь реформы уже без специальной организации властей повторилось во многих местах в 1866 г. Появились и новые способы коммеморации: крестьяне гмины Лазиска Опатовского уезда в честь празднования реформы собрали денег на восстановление деревенской церкви, построенной в 1600 г. и просили о назначении им для этой цели дополнительного пособия¹²⁸, а войты 26 гмин Бяльского и 44 гмин Пётрковского уезда решили собирать добровольные складки на учреждение стипендии для обучения одного из крестьянских сыновей в Пётрковской гимназии и назвать стипендию и стипендиата Александровскими¹²⁹. Неудавшееся покушение Каракозова добавило еще один повод для чествования фигуры монарха. Во многих местах прошли торжественные молебны, были поданы крестьянские адреса, в гмине Пентковицы Опатовского уезда крестьяне при участии помещиков поставили памятник в «благодарение Богу за счастливое сохранение драгоценной жизни» императора¹³⁰, а в нескольких местах Бяльского и Радзинского уездов крестьяне даже постановили ежегодно праздновать день покушения 4 (16) апреля, назвав его «днем спасения»¹³¹.

В некоторых случаях манифестация крестьянской лояльности осуществлялась через действия символически враждебные к памяти

¹²⁶ Волями в Польше до крестьянской реформы назывались выселки, устраиваемые помещиками на неосвоенных землях.

¹²⁷ О ходе кр-го дела с 6 (18) по 13 (25) марта 1865 г. // там же. Л. 143 об.; О ходе крестьянского дела в Царстве Польском. 1865. С. 4–5.

¹²⁸ О ходе кр-го дела с 26 февраля (10 марта) по 5 (17) марта 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 47 об.

¹²⁹ О ходе кр-го дела с 5 (17) по 12 (24) марта 1866 г. // там же. Л. 53.

¹³⁰ О ходе кр-го дела с 7 (19) по 14 (26) мая 1866 г. // там же. Л. 107.

¹³¹ О ходе кр-го дела с 14 (26) мая по 21 мая (3 июня) 1866 г. // там же. Л. 113.

минувшего восстания. Во время празднования в 1865 г. годовщины реформы в городе Опочне крестьяне освятили в костеле заранее заготовленный чугунный крест и установили его на место дубового креста, поставленного во время патриотических манифестаций в 1861 г. «Повстанческий» крест был вырыт из земли и сожжен. В доставленном Соловьеву донесении было сказано, что «крестьяне обнаружили при этом особенное удовольствие», а также отмечалось, что кресты, поставленные во время демонстраций, заменяются крестьянами своими крестами и в других местах¹³². Известно, что войты Бяльского и Радзинского уездов в 1865 г. и крестьяне нескольких гмин Сандомирского уезда в 1866 г. собирали деньги для раздачи нижним чинам, раненым во время восстания¹³³.

Крестьянские комиссии вообще фиксировали некоторое изменение отношения крестьян к солдатам и семьям, забранных в рекруты. В газетных текстах чиновников Учредительного комитета были приведены слова войта греко-католической Сидорской гмины Бяльского уезда Данилюка, произнесенные во время празднования первой годовщины реформы: «Было недавно время, когда мы должны были послужить Царю. Не послужили так, как следовало и как хотели, потому что не было силы в народе, неволею была загнетена наша сила. А теперь мы сильны [...] Скоро нам придется выполнить повинность самую тяжелую — конскрипцию, — и вот, исправно исполняя эту повинность, мы докажем, что достойны милостей Царских»¹³⁴. Еще осенью 1864 г. председатель Келецкой комиссии сообщал, что во всем ее отделе (Келецкий, Опочинский и Стопницкий уезды) встречались случаи, когда крестьяне при раздаче пусток отдавали предпочтение отставным

¹³² О ходе кр-го дела с 27 февраля (11 марта) по 6 (18) марта 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 1406 об.

¹³³ О ходе кр-го дела с 20 февраля (4 марта) по 27 февраля (11 марта) 1865 г. // там же. Л. 136; С 5 (17) по 12 (24) марта 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 54.

¹³⁴ Русский инвалид. 1865. 7 (19) марта. № 51. С. 1–2; О ходе крестьянского дела. 1865. С. 5.

солдатам и женам солдат, находящихся на службе¹³⁵. Впрочем, последнее могло быть воспроизведением практики приоритетного наделения земель отставных солдат и их семей крестьянскими комиссиями, которые сообщали, что среди безземельных солдат есть и защитники Севастополя (судя по карандашным пометкам на подлиннике, это обстоятельство привлекло особое внимание Александра II)¹³⁶.

Пристальное внимание российских властей в Царстве Польском к рекрутскому набору в 1865 г. объяснялось еще и тем, что они знали о столь же живом интересе польской эмиграции к этому вопросу. Схваченный эмиссар из Парижа Михаил Сератовский (настоящее имя — Владислав Рудницкий, бывший поручик Киевской инженерной команды) на допросе показал, что эмиграция видела в рекрутском наборе «средство к соединению всех сословий» и надеялась, что «при сильном действии высшего сословия и городских жителей, сельское население единственно из желания сохранить себя от набора может соединиться с ними и противопоставить правительству сопротивление»¹³⁷.

Однако власти остались довольны результатами набора: по оценке конскрипционных комиссий, к метанию жеребьев не явилось менее 1,5 % общего числа призванных конскриптов¹³⁸. Сообщения о ходе набора сопровождались комментариями о «совершенном спокойствии народа» и «бодром и веселом виде» конскриптов из христиан¹³⁹. Сообщалось, что в некоторых местах они входили в города, где заседали конскрипционные

¹³⁵ О ходе кр-го дела с 10 (22) по 17 (29) октября 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 52 об.; О ходе крестьянского дела. 1865. С. 5.

¹³⁶ О ходе кр-го дела с 10 (22) по 17 (29) октября 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 53 об. – 54; С 7 (19) по 14 (26) ноября // там же. Л. 72.

¹³⁷ Копия доклада Ф.Ф. Бергу № 1863 20 марта / 1 апреля 1865 года в Варшаве // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 264. Л. 15.

¹³⁸ О ходе кр-го дела с 6 (18) по 13 (25) ноября 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 252.

¹³⁹ Там же. Л. 252; О ходе кр-го дела с 21 августа (2 сентября) по 28 августа (9 сентября) 1865 г. // там же. Л. 211.

комиссии, в сопровождении солтысов и войтов «с музыкой и песнями»¹⁴⁰. «В противоположность городским управлениям» отмечалась исполнительность и активная помощь в деле конскрипции гминных войтов¹⁴¹, которые получили к тому дополнительную мотивацию: по новому правилу, принятому Учредительным комитетом накануне рекрутского набора, в случае исправного отправления должности на протяжении шести лет, войтам было предложено освободить от повинности одного из сыновей, родственников или воспитанников¹⁴². Большинство бежавших составляли евреи, которые изначально воспринимались «милютинцами» как враждебный элемент¹⁴³. Они же единственные осмелились выразить открытый протест¹⁴⁴ против рекрутского набора: в ноябре 1865 г. комиссары донесли, что в городе Хмельники Стопницкого уезда еврейское население выразило печаль по поступившим в рекруты закрытием лавок, которые были немедленно открыты по распоряжению местного военно-уездного начальника¹⁴⁵.

¹⁴⁰ О ходе кр-го дела с 18 (30) сентября по 25 сентября (7 октября) 1865 г. // там же. Л. 229; Отчет генерал-полицмейстера в Царстве Польском за 1865 год // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1533. Л. 129 об.

¹⁴¹ О ходе кр-го дела с 4 (16) по 11 (23) сентября 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 220; С 11 (23) по 18 (30) сентября // там же. Л. 225. Донесения повторились во время следующего рекрутского набора в 1866 г.: С 13 (25) августа по 20 августа (1 сентября) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 176–176 об.

¹⁴² Постановления Учредительного комитета. Т. III. Экстренный журнал. Ст. 26. По предмету пересмотра положения о рекрутской повинности в Царстве Польском. С. 119–120; Проект измененной и дополненной главы II-й положения о рекрутской повинности // Там же. С. 130.

¹⁴³ См. гл. 3.

¹⁴⁴ Среди рекрутов из христиан отмечались случаи членовредительства и распространения слухов о возможных основаниях для освобождения от повинности. Так, в донесениях упоминается, что в одних местах безземельные крестьяне надеялись освободиться от повинности, составляя купчие на земельные участки крестьян-хозяев, а в других родители устраивали большое количество свадеб для своих детей «в самом раннем возрасте», поскольку ранее семейные рекруты преимущественно освобождались от рекрутской повинности (О ходе кр-го дела с 25 сентября (7 октября) по 2 (14) октября 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 232–232 об.; С 30 октября (11 ноября) по 6 (18) ноября // там же. Л. 248 об. – 249).

¹⁴⁵ О ходе кр-го дела с 13 (25) ноября по 20 ноября (2 декабря) 1865 г. // там же. Л. 258–258 об.

В донесениях, присылаемых Соловьевым из Варшавы, мотивация изменения крестьянского отношения к рекрутской повинности выглядит несколько прозаичнее, чем было представлено столичной публике на страницах «Русского инвалида». В январе 1865 г. председатель люблинской комиссии передавал слова крестьян о грядущем наборе: «Пусть будет набор. Нынче срок службы короткий и солдат не бьют. Нужно служить императору: он такой милостивый»¹⁴⁶. Мотив благодарности яснее звучит в приведенных в одной из записок за 1865 г. словах конскрипта, сказавшего, что крестьяне «сами видят, что государству нужны солдаты, потому что без них паны, быть может, не отдали бы им земли». Однако в том же документе особо выделен эффект сытого вида солдат на крестьян, живущих в наиболее бедных местностях Царства, которые высказывали мнение, что «лучше служить Государю, нежели ходить на заработки»¹⁴⁷.

Как представляется, изменение отношения крестьян к рекрутской повинности было связано преимущественно с ожиданиями улучшения солдатского быта от продолжающейся военной реформы и особых распоряжений властей в Царстве. Так, после завершения набора Соловьев, в ответ на поступавшие жалобы, распорядился комиссиям разъяснять гминным войтам их обязанности по обеспечению семей и имущества забранных в рекруты от притязаний и произвола родственников¹⁴⁸. В ноябре комиссары сообщали, что особое разрешение оставлять часть рекрутов в войсках, расположенных в Царстве, «произвело в населении весьма благоприятное впечатление»¹⁴⁹. В этом же смысле на крестьян воздействовали участковые жандармы, которым было поручено

¹⁴⁶ О ходе кр-го дела с 16 (28) января по 23 января (4 февраля) 1865 г. // там же. Л. 110 об.

¹⁴⁷ О ходе кр-го дела с 28 августа (9 сентября) по 4 (16) сентября 1865 г. // там же. Л. 217 об. – 218.

¹⁴⁸ О ходе кр-го дела с 6 (18) по 13 (25) ноября 1865 г. // там же. Л. 252–252 об.

¹⁴⁹ О ходе кр-го дела с 20 ноября (2 декабря) по 27 ноября (9 декабря) 1865 г. // там же. Л. 262–262 об.

рассказывать «о добром быте солдат, о сделанных для них облегчениях в службе и о постоянном отеческом попечении об них Отца Государя»¹⁵⁰.

Практика приоритетной раздачи земли отставным солдатам получила развитие в 1866 г., когда для этой цели были выделены участки из подушных (конфискованных у закрытых монастырей) имений¹⁵¹. Безусловно, это имело сильный пропагандистский эффект. Председатель Ломжинской комиссии сообщил летом 1868 г., что отставные солдаты, наделенные землей из помонастырского имения Зелечево-Паненьска, в качестве выражения благодарности монарху дали селению новое название — «Царская Ласка». Впрочем, в скором будущем эта мера, задумывавшаяся как «доказательство заботливости правительства» о забранных в рекруты крестьянах, имела негативные последствия. Создавались ожидания, реализовать которые по мере израсходования запасов конфискованной земли становилось все труднее. В жандармском отчете по Царству Польскому за 1869 г. отмечено, что возвращающиеся из отставки и бессрочного отпуска нижние чины, не получив обещанной земли, «громко ропщут» на то, что власти их обманывают. «Ропот этот они иногда доводят до того, что дерзают оскорбительно отзываться о Священной Особе Государя Императора», — пишет начальник Варшавского жандармского округа П.А. Фредерикс¹⁵².

При всех практических сложностях, которые возникали при взаимодействии комиссаров с крестьянами, уникальная ситуация, сложившаяся в Царстве Польском в результате подавления восстания 1863–1864 гг., позволила выстроить своеобразную модель символической коммуникации между русским царем и польским крестьянством. Ничего подобного представить в России было нельзя из-за необходимости

¹⁵⁰ Отчет генерал-полицмейстера за 1865 год // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1533. Л. 129 об.

¹⁵¹ О ходе кр-го дела с 15 (27) октября по 22 октября (3 ноября) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 217–217 об.

¹⁵² Обзор Царства Польского в политическом отношении за 1869 год // ГА РФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 314. Л. 31 об.

заботиться об интересах дворянства. Политика, направленная на исключение влияния польской шляхты на крестьян, не подразумевала возможности создания в польских губерниях института мировых посредников. Их функцию возложили на себя русские чиновники. На волне энтузиазма, вызванного наделением большей части крестьян землей, они получили на недолгое время возможность напрямую моделировать выражения крестьянской благодарности царю. То, что созданные в рамках этой системы коммуникации, способы выражения верноподданнических чувств имели длительные последствия, хорошо показывают многочисленные примеры возведения памятников Александру II и другим российским царям в последующие десятилетия¹⁵³, а также стихийные выражения крестьянских чувств к русским солдатам и казакам, направлявшимся на фронт в 1914 г.¹⁵⁴

Система коммуникации польских гмин с идеализируемой фигурой императора, созданная Николаем Миллютиным и Яковом Соловьевым в 1864 г., не прекратила свое существование сразу после перехода власти в Учредительном комитете к более консервативной «партии» наместника Ф.Ф. Берга после инсульта Миллютина и отставки Черкасского в конце 1866 г. Соловьев оставался в должности председателя Центральной комиссии по крестьянским делам и члена-заведующего делами Учредительного комитета до его закрытия в 1871 г. Зимой 1867–1868 гг. от лица Александра II, представляемого польским крестьянам в образе одаривающего их отеческой заботой монарха, была произведена раздача денежных пособий пострадавшим от разлива Вислы летом 1867 г. Эта акция снова

¹⁵³ *Sokol K., Sosna A. Stulecie w kamieniu i metalu: Rosyjskie pomniki w Polsce w latach 1815–1915. Moskwa, 2005.* Главным символом крестьянской лояльности властями считался памятник Александру II, возведенный в Ченстохове возле наиболее почитавшегося в Польше Ясногорского монастыря. По свидетельству В.И. Гурко, этот «первый по времени из сооруженных во всей империи» памятник Александру II был оплачен исключительно из крестьянских пожертвований в 80 тыс. рублей и торжественно освящен 17 апреля 1889 г. «в присутствии представителей от всех крестьян края» ([Гурко В.И.] В.Р. Указ. соч. С. 79).

¹⁵⁴ *Leszczyński A. Op. cit. S. 448.*

сопровождалась эмоциональными выражениями крестьянской благодарности¹⁵⁵, однако после завершения раздачи пособий к началу весны 1868 г. поток сообщений об актах символической коммуникации крестьян с императором практически прекращается.

В 1868–1871 гг. Учредительный комитет и комиссии сосредоточили все свои усилия исключительно на практических сторонах крестьянского дела: обустройстве опеки, учреждении ссудо-сберегательных касс, создании точных планов крестьянских земель и т.д. Роспуск Учредительного комитета в марте 1871 г. позволил наместнику Ф.Ф. Бергу уничтожить существовавший у него под боком параллельный центр власти. Это поставило крест на символической коммуникации крестьян с монархом, поскольку теперь отчеты из Привислинского края направлялись не напрямую на высочайшее рассмотрение, а в Министерство внутренних дел.

В итоге преобразование комиссий по крестьянским делам, сопутствовавшее роспуску Учредительного комитета, свелось преимущественно к их переподчинению МВД и губернаторам. Центральная комиссия была распущена. Вместо нее в составе МВД была учреждена Временная комиссия по крестьянским делам губерний Царства Польского из председателя и двух членов, назначаемых министром внутренних дел. Перед состоявшимся 18 (30) ноября 1870 г. заседанием Комитета по делам Царства Польского начальник С.Е.И.В. канцелярии по делам Царства Польского Д.Н. Набоков¹⁵⁶ и министр внутренних дел А.Е. Тимашев¹⁵⁷ еще раз подчеркнули невозможность введения в Царстве мировых съездов. Вместо губернских комиссий были созданы губернские по крестьянским делам присутствия под председательством губернаторов, в состав которых

¹⁵⁵ О ходе кр-го дела с 2 по 9 декабря 1867 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1492. Л. 191–191 об.; С 23 по 30 декабря // там же. Л. 206 об.; С 24 февраля по 2 марта 1868 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1493. Л. 31–31 об.

¹⁵⁶ О преобразовании крестьянских учреждений в Царстве Польском, С.Е.И.В. канцелярия по делам Царства Польского. 28 мая 1870 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 563. Л. 45.

¹⁵⁷ МВД. Земский отдел. 6 июня 1870 г. // там же. Л. 50.

входили вице-губернатор, непреременный член и уездные комиссары. В каждом уезде оставался один комиссар. При этом пожелание Министерства финансов назначать «по мере возможности» одного комиссара в два и более смежных уезда было проигнорировано¹⁵⁸. Вплоть до введения в действие судебной реформы (т.е. до 1876 г.) в руках комиссаров по-прежнему была сосредоточена как административная, так и судебная власть. Функционирование гминного крестьянского самоуправления зачастую по-прежнему обеспечивалось «частыми сменами, перемещениями из одного гминного управления в другое»¹⁵⁹ подозреваемых в нелояльности писарей и «частыми личными обращениями с советами к комиссару и уездному начальнику» войтов, «частыми посещениями гминных управлений, просмотром гминных решений комиссаром и отменой последних особым губернским присутствием по крестьянским делам»¹⁶⁰.

Общее изменение отношения властей к образу крестьянства как основы власти империи в Польше хорошо прослеживается в жандармских отчетах о положении края. В августе 1866 г. Фредерикс, хотя и не симпатизировавший «милютинцам», но находившийся под некоторым впечатлением от их трудов, в определенной степени признает в крестьянах практическую опору власти: «Единственным более других преданным правительству классом остается одно крестьянство. Благодарное за оказанные ему милости, оно старается идти стязею, указанною правительством, и *иногда даже содействует*, насколько это возможно при его положении и понятиях, к *успешному приведению правительственных мер в исполнение*»¹⁶¹. В обзоре за 1867 г. Фредерикс, хотя и называет

¹⁵⁸ Отзыв товарища министра финансов по делу о преобразовании крестьянских учреждений в губерниях Царства Польского // там же. Л. 65 об.

¹⁵⁹ Отчет комиссара Гостынского уезда о гминных управлениях за 1872 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 117. Д. 127. Л. 17 об.

¹⁶⁰ Пояснительная записка к ведомостям, касающимся общественного гминного устройства в Горно-Кальварийском уезде за 1872 год. // там же. Л. 24–24 об.

¹⁶¹ О настроении умов жителей Царства. 19/30 августа 1866 // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 590. Л. 20 об. – 21.

крестьян «единственной силой в Царстве Польском, откровенно преданной своему Государю», но уже не видит в них самостоятельную политическую силу, а инициативу в направлении умов крестьян предлагает целиком отдать в ведение Министерства народного просвещения: «Ему [крестьянству] не достает того, чем только может поддерживаться в простолюдине его духовная жизнь — это воспитателей и руководителей в нравственном и религиозном отношении. [...] *Единственное* средство сберечь верноподданническое чувство крестьян от тлетворного влияния римско-католической пропаганды ксендзов заключается в выборе соответствующих своему назначению учителей в народных школах и в непосредственном участии самого правительства в управлении этим делом»¹⁶² (курсив мой — *В.К.*). Несмотря на периодически возникающие эксцессы, представление о крестьянах как о лояльной группе сохранилось в умах российской бюрократии в Царстве Польском, обращаемом в Привислинский край¹⁶³.

Патетический образ реформы и польского крестьянина, создававшийся Н.А. Милютиним для столичной публики на страницах «Русского инвалида», пропал со страниц столичных газет в конце 1868 г., когда Д.А. Милютин под давлением шефа III отделения П.А. Шувалова и министра внутренних дел А.Е. Тимашева был вынужден закрыть общественно-политический раздел «Русского инвалида»¹⁶⁴. В то же время, когда консервативная газета «Весть»¹⁶⁵, пользовавшаяся поддержкой Валуева, Тимашева и Шувалова, выступила с критикой результатов крестьянской реформы¹⁶⁶, Фредерикс на страницах ежегодного отчета встал

¹⁶² Обзор Царства Польского в политическом отношении. 20 октября 1867 г. // ГА РФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 314. Л. 13.

¹⁶³ *Wiech S.* Op. cit. S. 256–291; *Рольф М.* Указ. соч. С. 145–146.

¹⁶⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – начало 1873. С. 94–101.

¹⁶⁵ О «Вести» как о печатном органе т.н. «аристократической оппозиции» в правление Александра II см.: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 155–234.

¹⁶⁶ Судя по всему, П.А. Фредерикс имел в виду статью, которая вышла на первой полосе «Вести» 12 (24) апреля 1868 г. Этот текст был критическим ответом на публикацию в «Русском вестнике» статьи «Судебная реформа в Привислянском крае», подписанной «М. Соловьев. Варшава. Января 23-го 1868 г.» (вероятно, написанной Я.А. Соловьевым).

на защиту авторов реформы. Варшавские жандармы, соглашаясь с тезисами об отсталости польских крестьян и их несамостоятельности в суждениях, считали успех реформы в привитии польскому крестьянству лояльности неоспоримым: «В практическом отношении благотельные результаты нового гминного управления неопенимы именно потому, что крестьянское сословие ныне вполне освободилось от влияния враждебной правительству пропаганды помещиков»¹⁶⁷.

Разочарование русских чиновников в 1905–1907 гг., вызванное обнаружившейся восприимчивостью польских крестьян к лозунгам польского национализма, о котором пишет С. Вех¹⁶⁸, показывает, насколько представление русских чиновников в Привислинском крае о польском крестьянине как о лояльном субъекте и податливом материале для воспитания верноподданнических чувств пережило авторов реформы.

Выводы.

Авторы крестьянской реформы сознательно конструировали в подконтрольной им прессе приукрашенные образы сознательных, верных и благодарных императору за освобождение и наделение землей крестьян. Эти образы были необходимы прежде всего для обоснования передачи крестьянам контроля над гминной администрацией и судами. Н.А. Милютин приложил большие усилия, чтобы местная бюрократия в Царстве Польском транслировала в столичное общественное пространство информацию о ситуации на местах исключительно в соответствии с официальными образами реформы, которые были сформулированы им и его ближайшими соратниками. Милютин пытался добиться регулярной

«Весть» прямо обвиняла авторов реформы в действии «в отмщение польскому меньшинству (т.е. шляхте — *В.К.*)» и принесении его прав в жертву «несправедливым выгодам когда-то притесняемого им большинства» (Весть. 1868. 12 апреля. № 42. С. 1; Соловьев М. [Я.А. ?]. Указ. соч.).

¹⁶⁷ Обзор Царства Польского в политическом отношении за 1868 год // ГА РФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 314. Л. 24–24 об.

¹⁶⁸ *Wiech S.* Op. cit. S. 290–291.

публикации сведений о ходе крестьянской реформы в Царстве Польском с целью поддержания интереса столичной публики. Однако в 1866 г., на фоне покушения Д.В. Каракозова на Александра II и войны между Австрией, Пруссией и Италией, «Русский инвалид», главный орган «милютинцев» в Петербурге, прекратил регулярное освещение хода реформы. Образы реформаторов и польских крестьян, культивируемые «милютинцами» в 1864-1866 гг., закрепились в представлениях российской бюрократии в Царстве Польском о характере взаимоотношений власти с крестьянством и сохраняли свою актуальность до самого конца российского правления в крае. При этом они пережили определенную трансформацию в конце 1860-х гг. После отхода Н.А. Милютина от дел в конце 1866 г. российские власти перестали акцентировать субъектность польских крестьян, но сохранили представление об их лояльности.

Практическое взаимодействие российских чиновников с переданными в руки крестьян гминными институтами было выстроено по модели дисциплинирования. В то время как в столичные газеты чиновники крестьянских комиссий старались сообщать радужную картину эффективного взаимодействия бюрократии и крестьян, изображаемых в виде сознательных членов общества, на деле реформаторы не питали особых иллюзий о положении дел в гминах. Оперативная реакция на периодически возникавшие случаи крестьянских волнений и неповиновения местным властям была постоянной заботой комиссаров по крестьянским делам и местных военных начальников. Постоянные проверки гминных администраций и судов, начатые в 1866 г., показали, что масштабы коррупции в институтах крестьянского самоуправления превосходили ожидания реформаторов. Учредительный комитет и крестьянские комиссии усилили контроль над крестьянским самоуправлением, но это не изменило принципиальным образом характер взаимодействия между чиновниками и гминами. Регулярные ревизии, увольнения, судебное преследование и перемещения должностных лиц в

гминах с места на место оставались главным средством контроля российской бюрократии на местах и после упразднения Учредительного комитета в 1871 г.

Практические меры, направленные на воспитание политической лояльности польских крестьян российской монархии, не ограничивались контролем над институтами гминного самоуправления. С момента провозглашения от имени Александра II крестьянской реформы 19 февраля 1864 г. местные власти выстроили систему достаточно эффективной символической коммуникации благодарных за освобождение крестьян с монархом. Любое выделение средств чиновниками на нужды крестьян, будь то финансирование строительства школы, раздача пособий после разлива Вислы или подаренный в новую гминную школу портрет Александра II, представлялось как акт особой заботы и внимания императора к крестьянам Царства Польского за то, что они сохранили верность во время восстания 1863-1864 гг. Власти поощряли крестьян выражать благодарность в самых разных формах. Крестьяне проводили торжественные молебны, провозглашали на гминных сходах день 19 февраля праздничным, на свои средства воздвигали памятники и часовни, открывали школы, покупали в костелы хоругви и иконы и выражали свою лояльность другими способами. Первые после подавления восстания рекрутские наборы 1865 и 1866 гг. в рамках этой системы символической коммуникации воспринимались властями в качестве проверки крестьянской лояльности и в целом показали эффективность созданного властями дискурса монаршей заботы и крестьянской благодарности. Система символической коммуникации просуществовала до начала 1868 г., после чего поток сообщений о выражениях крестьянской лояльности прекратился. Однако, как и в случае с системой образности, описанная система коммуникации сохранила влияние на репрезентацию российской власти в Царстве Польском, что ярко демонстрируют многочисленные случаи установки памятников российским

царям польскими крестьянами в последующие десятилетия, а также случаи выражения крестьянской лояльности в начале Первой мировой войны.

Глава 3. Политика идентичности в отношении крестьян в Царстве Польском

§ 1. Проект формирования «другой польской нации»: между деполонизацией и реславизацией

Тезис Н.А. Милютина о формировании в крестьянском обществе «другой» польской нации с иной политической верой, представленный во всеподданнейшем докладе от 3 (15) июля 1864 г., был заимствован им из программной статьи славянофила А.Ф. Гильфердинга «Положение и задача России в Царстве Польском», опубликованной в «Русском инвалиде» в декабре 1863 г. Гильфердинг сформулировал в ней идею о существовании глубинного мировоззренческого и политического раскола в польском обществе, скрывавшегося за сословными границами¹: «Это не два отдельных класса в одном народе; нет, польский крестьянин, пашущий землю, и поляк, отрешившийся от простоты земледельческого быта, принадлежат к двум особым мирам, к двум отдельным политическим сферам»².

Дальнейшее развитие (и радикализация) тезиса о двух польских нациях происходит в текстах П.А. Кулиша. В статье, вышедшей в «Русском инвалиде» вслед за первым отчетом «О ходе крестьянского дела» (где, как было упомянуто выше, также звучал тезис о двух нациях), Кулиш попытался объяснить причины раскола в польском обществе «различием племенного происхождения» шляхты и польского народа. Он опирался на мнение М.П. Погодина о примеси у польской шляхты кельтской крови³, причем оба автора в данном случае отсылали к сарматской концепции⁴.

¹ Ср. осмысление крестьян как «иномира» или «иной нации» у Ю.Ф. Самарина в процессе подготовки крестьянской реформы 1861 г. в империи: *Христофоров И.А. Судьба реформы*. С. 114.

² *Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России*. С. 350.

³ *Głębocki H. Fatalna sprawa*. S. 421; *Глембоцкий Х.* Указ. соч. С. 150.

⁴ Сарматский миф — представление о неславянском происхождении шляхты популярное в Речи Посполитой XVI–XVII вв. — в конце XVIII–XIX вв. стал главным символом варварства и отсталости традиционных польских элит как для польских, так и

Польская шляхта описана Кулишом как «каста», «уродливое явление», не имеющее аналогов в Европе, а ее отношения с крестьянами — как «чувство озлобления, которое возбуждается только национальными антипатиями»⁵. Рассуждения об искусственности исторической польской национальной идентичности (в противовес естественности идентичности русской) Кулиш продолжил в своих исторических трудах в 1865–1866 гг. Он связал возникновение польской исторической и культурной традиции с предательством славянства польской аристократией еще в X в. князем Мешко I (Мечиславом) и заключением союза с немцами при сохранении власти над населявшими Польшу славянскими племенами. Сохранение же славянского характера крестьянского населения Польши и в XIX в., по мнению Кулиша, доказывало употребление крестьянами региональных аутоэтнонимов: «мазуры», «куявяне», «краковяки» и т.д.⁶

Замечание Х. Глембоцкого о том, что логика «последнего раздела Польши» по сословным границам вела к поиску возможностей дальнейшего дробления польского народа уже в этнографическом смысле с целью дискредитации даже узко этнической формы польской национальной общности⁷, справедливо в отношении некоторых славянофилов и украинофилов. Такую эволюцию прошли взгляды А.Ф. Гильфердинга. В 1863 г. он писал о крестьянах и примыкающих к шляхте классах как о разных сторонах одной польской нации⁸. В статье 1865 г., посвященной введению финского языка в делопроизводство, суды и образование в Финляндии, он уже последовательно различает поляков и мазуров (или мазовшан — жителей Мазовии, региона на северо-востоке Польши).

иностранных критиков разделенной шляхетской республики. См.: *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 18–19; *Wolff L.* Op. cit. P. 13–62.

⁵ Русский инвалид. 1864. 4 (16) декабря. № 269. С. 1.

⁶ Рукопись П.А. Кулиша «Русь и Польша» // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 565. Л. 33; [Кулиш П.А.] Древняя Русь в Царстве Польском // Холмский греко-униатский месяцеслов на 1866 год. Варшава, 1866. С. 86–87.

⁷ Глембоцкий Х. Указ. соч. С. 151.

⁸ Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России. С. 350.

Последних он сближает с финно-уграми, балтами и восточными славянами, указывая на особую близость их к русским. Характерно, что при этом Гильфердинг не различает мазуров Мазовии и отличавшихся от них в лингвистическом отношении польских крестьян из Восточной Пруссии и Западной Галиции, среди которых был также распространен аутоэтноним «мазуры»⁹. В рассмотренной выше записке Ю.Ф. Самарина о поездке по сельским местностям Царства Польского в октябре 1863 г. также уже присутствовали рассуждения об этнографическом делении польских крестьян.

Известно, что Н.А. Милютин и В.А. Черкасский высоко оценили Холмский месяцеслов (календарь) за 1866 г.¹⁰, изданный по инициативе П.А. Кулиша с его статьей о Древней Руси в Царстве Польском, а рукопись Кулиша «Русь и Польша» Милютин представил Александру II, сообщив затем в Варшаву о благосклонном отзыве императора¹¹.

Этнографические аргументы, однако, остались элементом славянофильского дискурса и не стали частью понятийного аппарата русских чиновников в Польше. В корпусе писем Н.А. Милютина к жене, В.А. Черкасскому, Ю.Ф. Самарину и Я.А. Соловьеву, написанных с начала его работы в Царстве Польском в октябре 1863 г. до его болезни в ноябре 1866 г. региональные самоназвания польских крестьян встречаются один раз: в письме жене, написанном после совместного с Ю.Ф. Самариным, В.А. Черкасским и В.А. Арцимовичем объезда сельских местностей, Милютин упоминает «мазуров» и «кракусов»¹². В корпусе отчетных записок Я.А. Соловьева, отправляемых наместником на высочайшее рассмотрение с

⁹ Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // Собрание сочинений. Т. II. С. 396–402.

¹⁰ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. 16/28 марта 1866 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 182; Материалы для биографии П.А. Кулиша // Киевская старина. 1897. Май. С. 350; *Нахлік Є.* Указ. соч. С. 22–23.

¹¹ Материалы для биографии П.А. Кулиша. С. 350.

¹² Н.А. Милютин к жене. 25 октября / 7 ноября 1863 // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 182.

июля 1864 г. по февраль 1871 г. местный аутоэтноним также использован один раз. В записке «О ходе крестьянского дела с 1 по 8 июля 1867 года» приведено донесение председателя Сувалкской комиссии о слабых успехах в введении русского языка в преподавание в местах, населенных немцами и мазурами, причем местный аутоэтноним используется в этом донесении вместе с этнонимом «поляки»¹³. Никаких планов проведения политики различия этнографических групп польских крестьян в Царстве Польском не прослеживается. На практике усилия реформаторов милютинского круга по трансформации польской национальной идентичности посредством реформ в системе образования были сосредоточены вокруг категорий класса, нации, цивилизованности / отсталости. «Новая польская нация», конструируемая «милютинцами» путем выстраивания культурных и социальных барьеров, в основе своей должна была стать классом, определенным этнически, что хорошо вписывается в предложенную Э. Геллнером модель «нации-класса» или «класса-нации»¹⁴. Последовательное применение такой стратегии на практике исключало возможность формирования новых субэтносов из этнографической массы польского крестьянства.

Разработкой реформы системы образования в Царстве Польском занимался А.Ф. Гильфердинг под руководством Н.А. Милютин¹⁵. В конце 1863 г. в своей программной статье «Положение и задача России в Царстве Польском» он уже выразил мнение, что польский вопрос не может быть решен *политическими* мерами, но должен быть упразднен *социальными* средствами: обеспечением независимого от высших слоев общества

¹³ О ходе кр-го дела с 1 по 8 июля 1867 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1492. Л. 103–103 об.

¹⁴ Геллнер Э. Указ. соч. С. 252.

¹⁵ Глембоцкий Х. Указ. соч. С. 146; Щебальский П.К. Указ. соч. С. 76; Корнаухова (Нигалатий) М.Е. Реформа системы образования в Царстве Польском в 1864–1867 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 99. См. также письмо Н.А. Милютин председателю Комитета по делам Царства Польского П.П. Гагарину с просьбой разрешить А.Ф. Гильфердингу лично представлять проект в комитете: Н.А. Милютин П.П. Гагарину. 11/23 июня 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–1 об.

развития крестьянства и через систему образования¹⁶. В представленном проекте реформы Гильфердинг и Милютин предложили признать неудачной попытку использования образования в Царстве Польском как средства обеспечения лояльности после 1831 г. Вместо этого, по их мнению, следовало отказаться от попыток «приспособить преподавание наук в Польше к каким-либо *положительным* политическим целям» и «силой вводить русский элемент между поляками», сосредоточившись на доступности образования для более широких слоев населения и исключая возможность использования системы образования для польской политической пропаганды как в польских, так и в специально вводимых школах для непольского населения Царства¹⁷.

В основе нового курса лежало сформировавшееся к 60-м годам XIX в. в среде славянофилов и либеральных бюрократов чувство цивилизационного превосходства над польской аристократией, чей ранее не подвергавшийся сомнению европейский и рыцарский характер приобрел негативную коннотацию отсталости¹⁸. Гильфердинг распространил негативный стереотип об отсталости шляхты на все так называемые «обывательские» (*пол. obywatel* — гражданин) классы польского общества, к которым он наряду со шляхтой относил духовенство и горожан¹⁹. Образованные слои польского общества как носители враждебного славянству латинского мировоззрения и умирающей исторической традиции Речи Посполитой были, по мнению Гильфердинга, безнадежно потеряны для России и славянского мира, а потому их было необходимо не перевоспитывать, а изолировать от всех еще не включенных в польский

¹⁶ Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России. С. 360.

¹⁷ Копия со всеподданнейшей докладной записки статс-секретаря Милютина от 22 мая 1864 года, с представлением проектов по учебной части в Царстве Польском // Исследования в Царстве Польском. Т. 4. С. 2–3; Общая объяснительная записка // там же. С. 14–19.

¹⁸ Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации. С. 155–165.

¹⁹ Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России. С. 351–358; Общая объяснительная записка // Исследования в Царстве Польском. Т. 4. С. 8–17.

национальный проект групп населения в Польше. В этом отношении реформа образования Гильфердинга и Милютина представляет собой переворачивание образовательной реформы А. Велёпольского, которая была нацелена на консолидацию польской нации²⁰. Гильфердинг и Милютин путем поддержки возможных альтернатив попытались дезинтегрировать польский национальный проект.

Проекты Гильфердинга и Милютина, реализованные в виде т.н. Югенгеймских указов Александра II от 30 августа (11 сентября) 1864 г., предполагали вести эту работу в двух направлениях: учреждением «национальных» начальных и средних школ в местностях с преобладающим непольским населением, где преподавание должно было вестись на языке преобладающей этнической группы, и переподчинением начальных школ для польских крестьян новым гминным управлениям.

Авторы реформы стремились не допустить полонизации значительной массы непольского населения Царства — греко-католиков (униатов в терминологии XIX в.), официально считавшихся русскими, а также немцев, литовцев и евреев. Вкупе эти группы составляли почти треть населения Царства Польского²¹. Однако в действительности, как впоследствии указывал Д.А. Толстой, все внимание реформаторов милютинского круга было обращено на первые три группы, составлявшие уже только 1/6 часть населения Царства²². Евреи, самое крупное этническое меньшинство в Царстве Польском, не получили своих светских школ. Только в 1867 г., после увольнения Милютина и Черкасского, усилиями Д.А. Толстого для них были учреждены так называемые «смешанные

²⁰ О реформе образования А. Велёпольского 1862 г. см. в: *Sempolowska S. Reforma szkolna 1862 roku: Organizacja szkolnictwa elementarnego. Warszawa, 1915; Нугалатий М.Е.* Указ. соч. С. 52–78.

²¹ Из 4,800 тыс. жителей Царства Польского в 1864 г. насчитывалось 230 тыс. греко-католиков, 300 тыс. немцев, 270 тыс. литовцев и 650 тыс. евреев — всего 1,450 тыс. человек (Копия со всеподданнейшей докладной записки // Исследования в Царстве Польском. Т. IV. С. 2).

²² Отчет об осмотре учебных заведений Варшавского округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 198. Д. 25. Л. 5 об.

гимназии и прогимназии» с преподаванием на русском, что стало шагом к переводу всей системы образования в Царстве на русский язык.

Н.А. Милютин выразил свое видение симпатий евреев Царства Польского уже на приеме в Царском Селе 31 августа (12 сентября) 1863 г., где царь предложил ему назначение в Польшу: «Какие же я найду другие более надежные элементы? Жиды? Русское правительство никогда не показывало им столько снисхождения, чтоб ожидать особенной преданности...»²³ В разговоре с Александром II Милютин поставил евреев в один ряд с шляхтой и польскими чиновниками. То же определение нелояльных российской власти групп населения было позднее приведено им в письме к жене из первой поездки в Польшу: «Один только низший класс здешнего населения мог нас поистине тешить и радовать. Все же остальное: шляхта, духовенство, жиды, до того нам враждебны, до того избалованы и деморализованы, что с настоящим поколением едва ли можно что-нибудь сделать»²⁴. О степени пренебрежения «милютинцев» симпатиями евреев Царства Польского говорит отсутствие какой-либо реакции на публикации о еврейском вопросе М.Н. Каткова, которого Милютин, Соловьев и Черкасский считали своим союзником²⁵. В 1866 г. «Московские ведомости» Каткова выступили с призывом привлечь евреев на сторону властей в противовес польскому и немецкому влиянию. «Евреи везде, где только признают их права, действуют в интересах политического единства страны»²⁶, — писал в марте 1866 г. Катков. Невнимание «милютинцев» к проблеме образования для евреев, на мой взгляд, объясняется не только распространенными в их среде антисемитскими настроениями, но и

²³ Записки М.А. Милютиной // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1144. Л. 13.

²⁴ Н.А. Милютин к жене. 25 октября / 7 ноября 1863 // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 30 об.

²⁵ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 28 декабря 1864 г. / 9 января 1865 г. // там же. Л. 119 об.

²⁶ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 173. О позиции М.Н. Каткова в еврейском вопросе см. также: *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 57–58.

направленностью славянофильских симпатий исключительно на крестьян, которые считались укорененными в земле и сохранявшими народное начало. Гильфердинг и Милютин не видели возможности оторвать живших в городах и местечках евреев от польских «обывательских классов», которые провели эмансипацию евреев под руководством А. Велёпольского в 1862 г. и обеспечили их симпатии накануне восстания 1863–1864 гг. Политика «милютинцев» в отношении евреев Царства Польского была сведена к игнорированию: эмансипация евреев не была отменена вместе с другими реформами Велёпольского, но никаких шагов к обеспечению их лояльности сделано не было.

Более всего пространства для относительно самостоятельного развития было предоставлено немцам. Они уже имели развитую автономную систему образования (религиозные начальные училища — контораты) до реформы А. Велёпольского 1862 г. и получили по указам 1864 г. Главное немецкое евангелическое училище в Варшаве с мужским и женским отделениями, соответствующими мужской семиклассной и женской шестиклассной гимназиям²⁷. Литовцы в 1866 г. в дополнение к начальным училищам получили возможность изучать литовский язык в учительских семинариях и гимназиях в Мариамполе и Сувалках. Тогда же для них были учреждены специальные стипендии для обучения в университетах империи²⁸. Униаты же считались русскими, «испорченными» польским влиянием, в которых нужно было возродить русское начало. Поэтому в гимназиях и учительских семинариях, учреждаемых для униатов, преподавание велось на литературном русском языке. Преподавание в народных школах также велось на русском, но язык местных униатов официально считался говором русского языка, а для

²⁷ Корнаухова (Нигалатий) М.Е. Указ. соч. С. 107.

²⁸ Сталюнас Д. Указ. соч. С. 160–173.

устройства школ активно привлекались учителя-русины и учебные пособия из Галиции²⁹.

Выполненный в славянофильском духе проект деполонизации образования оказался уязвим для польской критики с точки зрения «спора славян». В.А. Черкасскому пришлось доказывать чешскому общественному мнению³⁰, что политика новых русских чиновников на берегах Вислы — это не гонение на польский язык, а согласная с «девизом народной равноправности» защита малорусов и литовцев от ополячивания, а немцев и евреев — от «насильственного навязывания польского языка»³¹. Во внутренней бюрократической переписке Черкасский, ответственный по должности директора комиссии внутренних и духовных дел за униатский вопрос, преподносил начатую им уже в 1864 г. политику вытеснения польского языка из мест смешанного проживания русинов и поляков как восстановление исторической справедливости: в январе 1865 г. он обосновывал необходимость передачи униатам, в соответствии с соотношением населения в Царстве, двух или трех из 37 польских средних учебных заведений, чтобы исправить ситуацию, вызванную изменой дворянского сословия «русского в Царстве Польском края» своей вере и своему племени³².

²⁹ Капитанова О.С. Указ. соч. С. 197; Корнаухова (Нигалатий) М.Е. Указ. соч. С. 105–107.

³⁰ В середине XIX в. при посредстве настоятеля русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевского были налажены постоянные контакты российских властей, а также панславистски настроенных русских ученых и общественных деятелей с представителями чешского национального движения. Многочисленные письма чешских «будителей» к Раевскому приведены в: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского, 40–80 годы XIX века / Отв. ред. С.А. Никитин. М., 1975. Во время Польского восстания 1863–1864 гг. для русских славянофилов довольно чувствительным ударом стала занятая частью чешских активистов пропольская позиция (см.: Чешская нация на заключительном этапе формирования / Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1989. С. 96–98; Котов В.В. Идея славянской взаимности в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х гг. (на примере сокольского движения) // Русин. 2022. №69. С. 239.). Именно против нее в данном случае выступил В.А. Черкасский.

³¹ Опровержение статьи в газете «Narod» о насильственном введении Черкасским русского языка в Царстве Польском // ОР РГБ. Ф. 327. К. 39. Д. 4. Л. 3–9.

³² Отзыв В.А. Черкасского на имя главного директора народного просвещения Ф.Ф. Витте. 1 января 1865 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Д. 2. Л. 1 об. – 3 об.

Похожим образом наместнику Ф.Ф. Бергу пришлось доказывать в письме Александру II несправедливость критики в его адрес на страницах газеты «Dziennik Poznański» («Познанский дневник») по поводу его речи, которую Берг произнес на немецком языке в Лодзи³³ в честь открытия участка железной дороги. Главным образом обвинения в его адрес сводились к тезису о предательстве Россией славянства:

«Что прежде всего бросается в глаза в описании церемонии открытия Лодзинской железнодорожной ветки, так это то, как наместник государя, *заявляющего о себе как о славянском правителе*, в польской стране выражается перед населением на немецком языке вместо того, чтобы пользоваться языком этой страны. Если мы затем рассмотрим речь Наместника, мы снова поразимся, услышав, как он по воле и от имени своего соотечественника и государя рекомендует промышленникам города Лодзи сохранить *intact* (*англ.* в неприкосновенности) свой немецкий характер, который должен отличать их от остального населения и благотворно сказаться на их дальнейшей судьбе [...] Русские слишком слабы, чтобы добиться русификации Польши и Литвы, а *отдавая их на растерзание немцам, имеют ли русские право* и могут ли они иметь наглость *называться славянами и претендовать на материальное и моральное господство над славянами?*»³⁴ (курсив мой — В.К.).

Предметом беспокойства наместника была лишь возможная реакция русской прессы³⁵. Политика активной поддержки немецкого элемента, проводимая в Царстве Бергом и окружавшими его чиновниками немецкого происхождения, названными в статье газеты «Dziennik Poznański» «тевтонскими рыцарями, вернувшимися к жизни в русских шинелях»³⁶, в

³³ В 1860-е годы большинство населения этого фабричного города составляли немцы: из 40 тыс. жителей около 35 тыс. были немцами лютеранами по вероисповеданию (Опровержение статьи в газете «Narod» // ОР РГБ. Ф. 327. К. 39. Д. 4. Л. 4 об.).

³⁴ F. Berg à Alexandre II. Varsovie, 23 novembre / 5 décembre 1865 // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 265. Л. 531 об. – 533.

³⁵ Там же. Л. 530 об.

³⁶ Там же. Л. 535

действительности не вызывала никаких нареканий у «милютинцев», которые заботились прежде всего о подрыве польского национального проекта. Так, в декабре 1864 г. В.А. Черкасский, нападая на немецких чиновников из окружения Берга за публикацию статьи с критикой крестьянской реформы в берлинской «Kreuzzeitung», выражал вместе с тем в письме Н.А. Милютину поддержку политики противопоставления интересов немцев и поляков³⁷. Наместник, в свою очередь, поддерживал политику Черкасского в отношении униатов (а также католической церкви). Главным предметом споров между двумя «партиями» чиновников в Варшаве был крестьянский вопрос³⁸.

Для польских крестьян важнейшим результатом указов 30 августа 1864 г. стала передача контроля над народными училищами в руки нового гминного управления. Главная задача образовательной реформы в отношении крестьян — добиться того, чтобы образование не отрывало крестьянина от народа и не вводило его «в круг шляхетских стремлений»³⁹. По мысли Гильфердинга, крестьянин, получая образование, должен был не примыкать к «обывательским» классам и тем самым включаться в польский национальный проект, опирающийся на историческую традицию Речи Посполитой, а сохранять свою крестьянскую идентичность с прививаемой российской властью в Польше иерархией политической лояльности⁴⁰. Система опеки над школами со стороны шляхты и духовенства, введенная А. Велёпольским в 1862 г., была упразднена и школы перешли в ведение гминных или сельских (в случае учреждения школы для отдельного селения) сходов. Контроль как над светскими, так и над начальными

³⁷ В.А. Черкасский Н.А. Милютину. Варшава, 15/27 декабря 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Д. 2. Л. 264.

³⁸ F. Berg à Alexandre II. Varsovie, 26 mars / 7 avril 1865 // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 264. Л. 39 об. – 40 об.

³⁹ Общая объяснительная записка // Исследования в Царстве Польском. Т. 4. С. 16

⁴⁰ Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России. С. 350–358; Общая объяснительная записка // Исследования в Царстве Польском. Т. 4. С. 16–17.

духовными училищами во всем Царстве был поручен новым русским чиновникам — начальникам учебных дирекций⁴¹.

С той же целью отрыва крестьян от католического духовенства с самого начала деятельности Учредительного комитета постепенно упразднялись все обязательные сборы с крестьян в пользу костелов и монастырей. В мае 1864 г. Учредительный комитет решил приостановить обязательные сборы с крестьян на содержание церковных зданий⁴². В июле того же года это решение было подтверждено⁴³, что, вероятно, было воспринято военными начальниками и председателями крестьянских комиссий как распоряжение к отмене обязательного сбора десятины в пользу духовенства. В июле 1864 г. военный начальник Августовской губернии распорядился уведомить подчиненных о запрете помощи католическому духовенству в сборе десятины⁴⁴. В октябре того же года председатели Келецкой и Плоцкой комиссий сообщали о «самом благоприятном впечатлении», которое произвело признание десятины необязательной на крестьян в их участках. В ответ на отказ крестьян от взноса десятины 4 (16) октября во всех костелах Плоцка было зачитано послание епископа с призывом к исполнению этой обязанности⁴⁵. В сентябре 1865 г. августовский военный начальник требовал интервенции от епископа К. Лубеньского из-за отказов некоторых ксендзов в исповеди и оказании услуг, находившихся в ведении духовных учреждений, крестьянам, которые не платили десятину. Окончательно необязательность выплат в пользу духовенства была зафиксирована в указе от 14 (16) декабря

⁴¹ Исключение составили немецкие евангелическо-аугсбургские и реформатские кантораты, которые были оставлены в ведении соответствующих консисторий, «под общим лишь надзором учебных дирекций» (*Нугалатий М.Е.* Указ. соч. С. 95).

⁴² Постановления Учредительного комитета. Т. I. Ст. 39. По вопросу об обязательных сборах с крестьян на содержание церковных зданий. С. 184–186.

⁴³ Постановления Учредительного комитета. Т. II. Ст. 104. Об обязательных сборах с крестьян на починки и постройки церковных зданий. С. 28–29.

⁴⁴ *Jemielity W.* Dziesięciny kościelne w Królestwie Polskim // *Prawo Kanoniczne: kwartalnik prawnohistoryczny.* 1997. 3–4 (40). S. 259.

⁴⁵ О ходе кр-го дела с 10 (22) по 17 (29) октября 1864 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 54 об. – 55.

1865 г. о римско-католическом духовенстве, которое лишалось имущества (во владении каждого прихода оставалось по 6 моргов земли) и традиционных способов поступления средств, взамен которых были учреждены государственные пенсии для духовенства⁴⁶.

Все рассмотренные выше меры, нацеленные на противопоставление интересов польских крестьян интересам шляхты и духовенства, выстраивались как социальные барьеры. Культурным барьером между крестьянами, основой «другой польской нации» Милютина и Гильфердинга, и «обывательскими» классами, по аналогии с «национальными» школами для непольского населения, должен был стать проект перевода польской письменности на кириллицу. Кириллический алфавит для польского языка был разработан в 1864–1865 гг. А.Ф. Гильфердингом совместно со Станиславом Микуцким, выходцем из Литвы, славянофилом и специалистом по литовскому языку, занимавшим тогда должность помощника секретаря Главной библиотеки в Варшаве⁴⁷. Микуцкий и Гильфердинг разделяли мнение о возможности сближения славянских народов на основе общей азбуки и орфографии⁴⁸. Продвижением проекта — от поиска поддержки в бюрократических кругах до помощи в печати и распространении книг — занимался Н.А. Милютин.

⁴⁶ *Jemielity W.* Op. cit. S. 258–261.

⁴⁷ В письме к В.А. Черкасскому Н.А. Милютин, говоря об издании первого польского букваря русскими буквами, назвал Гильфердинга «главным руководителем», а Микуцкого — «исполнителем» проекта (Н.А. Милютин В.А. Черкасскому. Петербург, 22 октября / 3 ноября 1865 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 159 об.). О совместной работе с Микуцким над изданием книг русскими буквами для польских народных школ Гильфердинг писал в описании проекта общеславянской азбуки в 1871 г. (*Гильфердинг А.Ф.* Общеславянская азбука. С. 3). См. также: [*Kraushar A.*] *Alkar.* Op. cit. S. 19–21; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 450–451; *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 139–141; *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 34–44; *Сталюнас Д.* Указ. соч. С. 155–158.

⁴⁸ См.: *Гильфердинг А.Ф.* Общеславянская азбука. Также см. письмо Микуцкого настоятелю русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому, выполнявшего роль посредника в сношениях российских властей с представителями славянских национальных движений в Австрии и на Балканах, о работах над применением русской азбуки к польскому, чешскому и словенскому «наречиям» как о движении к сближению славян: С. Микуцкий М.Ф. Раевскому. Варшава, 6 апреля 1867 г. // *Зарубежные славяне и Россия.* С. 294

Проект Гильфердинга и Микуцкого был не первой попыткой перевода польского языка на кириллическую графику. По указанию Николая I такие проекты дважды рассматривались в специальных комитетах в 1844 и 1852 гг. Причем если проект 1852 г. создавался для облегчения русским изучения польского языка, то проект 1844 г. был нацелен на перевод всей польской письменности на кириллическую графику. Однако тогда комитет, собранный под руководством министра народного просвещения С.С. Уварова и наместника в Царстве И.Ф. Паскевича, остановился перед «непреодолимыми затруднениями», которые были связаны с недостаточностью русского алфавита для передачи польских звуков и нежелательностью изобретения нового алфавита для народа, уже имеющего давнюю письменную традицию⁴⁹.

В отличие от николаевских времен, к 1864 г. российская бюрократия имела уже довольно большой опыт языковой политики на окраинах. Одним из главных импульсов для реформ графики и орфографии на западных окраинах послужил опыт проведения такой политики в Галиции. Польская латиница использовалась для записи народного языка поляками и полонофильски настроенными представителями формирующейся русинской интеллигенции уже в 1830–1840-х гг. Во время революции 1848 г. в «азбучной войне» одержали верх сторонники кириллицы. Они пользовались поддержкой властей, поскольку Вена видела в них союзников в борьбе с польским национализмом.

В середине 1850-х гг. политическая конъюнктура изменилась. На фоне ухудшения отношений с Российской империей после Крымской войны в среде австрийской бюрократии получили широкое распространение опасения перед русофильскими симпатиями русин в Галиции. В 1858–1859 гг. наместник Галиции поляк граф Агенор Голуховский и чиновник австрийского Министерства просвещения чех Йозеф Иречек предприняли

⁴⁹ Успенский Б.А. Указ. соч. С. 133–136.

попытку перевода русинского языка на латиницу «сверху». Проект Иречека брал за основу чешскую, а не польскую латиницу, однако, несмотря на попытку избежать национальных коннотаций, был единогласно отвергнут русинскими национальными активистами. Сакральное отношение к кириллице как к национальному и религиозному символу было выработано в их среде уже во время первых споров об алфавите 1830–1840-х гг. Действия австрийских властей в итоге ограничились печатанием постановлений и объявлений властей и публикацией речей русинских депутатов в протоколах заседаний сейма латиницей на русинском языке. В отношении кириллицы же, для отдаления местного правописания от литературного русского языка, был принят декрет о введении приближенной к разговорной речи фонетической — вместо традиционной этимологической — орфографии⁵⁰.

Как отмечает А.И. Миллер, попытка наступления на кириллицу в Галиции повлияла на решение российских властей о запрете использования латиницы для русского языка, частью которого официально считались белорусское и малорусское наречия. Автор этой инициативы киевский отдельный цензор О.М. Новицкий, ознакомившись с проектом перевода украинского языка на латиницу, в письме попечителю Киевского учебного округа Н.И. Пирогову объяснял необходимость запрета в том числе и тем, что «в Галиции [...] тамошнее польское население сознательно и упорно стремится к тому, чтобы между коренным русским населением вместо кирилловского алфавита ввести в употребление исключительно польский алфавит с целью подавления, литературным влиянием, русской народности и постепенного преобразования ее в народность польскую, каковые

⁵⁰ Миллер А.И., Остапчук О.А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5. С. 25–48; Вендланд А.В. Русофіли Галичини. Українськи консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915. Львів, 2015. С. 111–127.

тенденции тем же путем могут распространиться на наши Западные губернии»⁵¹.

В ходе подготовки и после начала восстания в 1862–1863 гг. польскими активистами были изданы латиницей на белорусском языке букварь и ряд обращений от имени повстанческого правительства к белорусским крестьянам. Российские власти в 1861–1863 гг. организовали в качестве меры контрпропаганды издание брошюр для крестьян на белорусском языке, напечатанных кириллицей⁵². Политика использования кириллицы на западных окраинах после начала Польского восстания 1863–1864 гг. вообще носила характер своего рода контрнаступления на территорию врага. Сформулировавшие ее основные принципы славянофилы, как и русинские активисты в Галиции, видели в кириллице прежде всего этноконфессиональный символ. Они подчеркивали связь кириллицы с православием и православия со славянским началом. Эта связь, в их представлении, сохранялась в народной культуре даже тех славянских народов, которые перешли в католичество. Так, А.Ф. Гильфердинг вслед за польским славянофилом Александром Вацлавом Мацеевским придерживался мнения об изначальной укорененности православия в средневековой Польше⁵³.

Связь кириллицы и православия в умах имперской бюрократии хорошо видна на примере разработки письменности на основе кириллического алфавита для народов Поволжья и Степного края Н.И. Ильминским. Кириллические алфавиты для неписьменных языков создавались им с целью проведения миссионерской деятельности и подрыва

⁵¹ *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Указ. соч. С. 34; *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 123.

⁵² *Токть С.* Латиница или кириллица: Проблема выбора алфавита в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 300. При этом обращения к украинским крестьянам публиковались либо кириллическим шрифтом, либо по-польски, что говорит о признании польскими активистами победы кириллицы в «азбучной войне» для украинского языка. См.: *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Указ. соч. С. 35–36.

⁵³ *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 450.

влияния татарского мусульманского духовенства, в котором, как и в поляках на западных окраинах, видели здесь главного конкурента в борьбе за культурную лояльность малых народов. Основные принципы новой политики были изложены Ильминским в 1858 г. в докладной записке Синоду о мерах к предотвращению возвращения татар кряшенов в ислам, составленной совместно с его коллегой из Казанской духовной академии Г.С. Саблуковым⁵⁴. Однако наряду с представлением о тесной связи между кириллическим алфавитом и православием среди пореформенного русского чиновничества прослеживается и тенденция к восприятию кириллического алфавита как средства обеспечения цивилизационной лояльности окраинных народов имперскому центру, что не всегда было связано со стремлением их ассимилировать или обратить в православие⁵⁵. В 1860–1861 гг. при разработке русского самоучителя казахского языка Ильминский использовал арабский алфавит, что вызвало острую критику оренбургского востоковеда В.В. Григорьева. Григорьев оказал большое влияние на Ильминского и впоследствии он применял для записи тюркских и финно-угорских языков исключительно кириллический алфавит (даже если — как в Казахской степи⁵⁶ — православное миссионерство не предполагалось)⁵⁷.

Д. Сталюнас указывает на влияние, которое языковая политика в Поволжье и Степном крае, вероятно, оказала на формулирование политики в отношении литовского языка. Первые предложения перевести литовскую письменность на кириллицу были выдвинуты работавшими в Казани литовцами: Андреем Онуфриевичем Угянским (*лит.* Andrius Ugiānskis) в

⁵⁴ См.: Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 80–81.

⁵⁵ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 138.

⁵⁶ Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М., 2020. С. 206–256.

⁵⁷ Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal; Kingston; L.; Ithaca, 2001. P. 38–39; Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 398–399.

1859 г. и Иваном Васильевичем Юшкевичем (*лит.* Jonas Juška) в начале 1864 г.⁵⁸ С.П. Микуцкий и А.Ф. Гильфердинг также занимались проектами перевода на кириллическую графику литовского и латышского языков одновременно с таким же проектом для польского языка. Их проекты были поддержаны виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьевым и получили дальнейшее развитие. Весной 1864 г. Муравьев ответил согласием на предложение Н.А. Милютинина напечатать на литовском языке в русской графике указы 19 февраля 1864 г. для литовского населения Августовской губернии Царства Польского, временно подчиненной виленскому генерал-губернатору. На основе проекта Микуцкого в Вильне был издан литовский букварь в кириллической графике. 5 июня 1864 г. Муравьев запретил печать литовских букварей в латинской графике. А в начале 1865 г. уже была запрещена печать любых литовских книг латиницей.

Развитием новой орфографии и подготовкой книг на кириллице занимался целый ряд литовских активистов (Л. Ивинскис, Т. Жилинскис, А. Петкевич (*лит.* Petkevičius), Й. Кречинскис). Проект поначалу пользовался поддержкой епископа Жемайтии Мотеюса Валанчюса, однако уже в 1867–1870 гг. им была организована контрабанда литовских изданий в традиционной латинской графике из Восточной Пруссии. Главной причиной такой перемены отношения Валанчюса, а за ним и большей части литовской интеллигенции к кириллице литовский исследователь Г. Субачюс считает принятие властями за основу литовской кириллической письменности проекта Йонаса Кречинскиса, который сближал литовскую орфографию с русской в ущерб удобству для письма⁵⁹.

Как показывает исследование Д. Сталюнаса, фактически российские власти в Северо-Западном крае по инициативе славянофильски

⁵⁸ Сталюнас Д. Указ. соч. С. 167–169.

⁵⁹ Subačius G. Development of the Cyrillic Orthography for Lithuanian in 1864–1904 // Lituanius. 2005. Vol. 51. No. 2. P. 31–43.

настроенных чиновников среднего звена перешли от стратегии аккультурации к стратегии ассимиляции литовцев, что вызвало сопротивление литовской интеллигенции и обрекло проект перевода литовского языка на кириллицу на неудачу. При этом на территории Царства Польского такого перехода не произошло. Там кириллица для литовцев по-прежнему воспринималась властями как средство деполонизации литовцев и не вызывала такого же неприятия среди местного населения⁶⁰.

Проект кириллизации латышского языка изначально имел значительно более скромный масштаб. В июне – июле 1864 г. Милютин договорился с Муравьевым о применении разработанной Гильфердингом русской графики для латышского языка и издания букваря под руководством бывшего воспитанника Рижской православной семинарии Н.И. Соколова⁶¹. Латышский букварь был издан в конце 1865 г. и распространялся исключительно в Латгалии, некогда входившей в состав Речи Посполитой и бывшей в это время частью Витебской губернии в Северо-Западном крае. Как и в случае с литовским языком, проект латышской кириллицы был поддержан русофильски настроенной частью латышской интеллигенции. Каспар Безбардис писал об особенной близости к русскому языку латгальского диалекта, что отличало его от диалектов, распространенных в Курляндии и Лифляндии, где кириллический алфавит введен не был⁶².

Проект русской графики для польского языка подобного интереса у наместника в Царстве Ф.Ф. Берга не вызвал. Милютину удалось сдвинуть

⁶⁰ *Сталюнас Д.* Указ. соч. С. 161–198.

⁶¹ Переписка по делам Царства Польского // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 587. Л. 47–50, 55–57 об. В особенности: Н.А. Милютин М.Н. Муравьеву. Без даты (получено адресатом 12/24 июня 1864 г.) // там же. Л. 47–47 об.

⁶² *Lazda P.* The Phenomenon of Russophilism in the Development of Latvian Nationalism in the 19th Century // National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century / Ed. by Aleksander Loit. Uppsala. P. 130; *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 126, 131.

дело с мертвой точки только в январе 1865 г., когда он смог добиться от Александра II указания наместнику вступить с ним в личное соглашение по поводу издания книг для простонародного чтения⁶³. В конце января Н.А. Милютин обратился к Я.А. Соловьеву с призывом «принять к сердцу дело о русской азбуке» и «довершить то, что Муравьев сделал для литвинов и латышей»⁶⁴. Тогда же было обращено внимание на опыт предыдущих проектов перевода польской письменности на кириллицу: 13 (25) января 1865 г. министр статс-секретарь по делам Царства Польского В.П. Платонов по приказу Александра II обратился в Министерство народного просвещения с просьбой предоставить сведения о результатах совещания комитета С.С. Уварова и И.Ф. Паскевича 1844 г.⁶⁵ Вероятнее всего, в ответ на этот запрос и была составлена секретная записка об итогах деятельности комитетов 1844 и 1852 гг., опубликованная Б.А. Успенским в 2004 г.⁶⁶

В июле 1865 г. Милютин и Берг договорились о порядке действий в отношении книг для простонародья. «Если не противодействовать энергически этой [польской] вредной пропаганде, то трудно будет упрочить в крестьянском сословии те здравые понятия и нравственные убеждения, которые должны составить самую надежную охрану против политических смут», — говорится в записке, подготовленной в результате этого соглашения. Предполагалось «независимо от обыкновенной цензуры» установить «особенный надзор за простонародными книгами», а также в секретном порядке найти среди польских писателей «людей даровитых, которые займутся этим делом в духе и направлении правительства». Для издания книг для народа была предусмотрена возможность выделять деньги

⁶³ О порядке исполнения высочайших повелений относительно простонародных изданий. 13/25 июля 1865 года. Варшава // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 159. Л. 2 об. – 3.

⁶⁴ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. 23 января / 4 февраля 1865 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 125.

⁶⁵ По отношению министра статс-секретаря Царства Польского о доставлении ему копии со всеподданнейшей записки о замене польской азбуки русскою // РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 184.

⁶⁶ Приложение. «О предположениях заменить в польском языке латинский алфавит русскою азбукою» // Историко-филологические очерки. С. 156–173.

с разрешения наместника с соблюдением «особого порядка для секретных расходов установленного». В помощь Я.А. Соловьеву, который, как член-заведующий Учредительного комитета, должен был перед запросом денег представлять доклады наместнику, получил назначение П.А. Кулиш, который фактически и вел дело издания простонорядных книг в Варшаве⁶⁷. В 1866–1867 гг. им были составлены три отчетные записки, в которых были обобщены результаты работ по изданию книг для крестьянского чтения.

В записке, составленной в июле 1865 г. в результате соглашения Милютина с Бергом, было сказано, что в Санкт-Петербурге был уже подготовлен букварь, печатанный русскими буквами⁶⁸. В действительности издание было опубликовано только в конце года. В октябре 1865 г. Н.А. Милютин жаловался В.А. Черкасскому, что из-за отъезда А.Ф. Гильфердинга за границу по болезни жены и сына печатание букваря «было очень вяло». Милютин просил Черкасского поручить редактуру приведенных в учебнике религиозных текстов кому-нибудь из варшавских чиновников, поскольку С.П. Микуцкий, по его выражению, был «не очень силен по этой части»⁶⁹. После получения правок, которые Черкасский доверил своему помощнику и переводчику с польского языка Ф.Д. Каширину⁷⁰, букварь был напечатан в Петербурге под заглавием «Элементаръ⁷¹ для дзеци вейскихъ» (*пол.* Букварь для сельских детей). В начале 1866 г. тираж в количестве 10 тыс. экз. был отправлен в Варшаву для

⁶⁷ О порядке исполнения высочайших повелений // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 159. Л. 1 об. – 4 об. О попытках издания П.А. Кулишом таких книг на украинском языке в Петербурге и запрете издания религиозных, учебных и предназначенных для народного чтения книг на малороссийском наречии в 1863 г. см.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос». С. 76–125.

⁶⁸ О порядке исполнения высочайших повелений // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

⁶⁹ Н.А. Милютин В.А. Черкасскому. С.-Петербург, 22 октября / 3 ноября 1865 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 159 об. – 160.

⁷⁰ В.А. Черкасский Н.А. Милютину. Варшава, 31 октября / 12 ноября 1865 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Д. 1. Л. 207.

⁷¹ В изобретенной С.П. Микуцким и А.Ф. Гильфердингом графике польское сочетание *rz* передавалось с помощью кириллической буквы *р* с диакритическим знаком (гачеком) по аналогии с чешским написанием *ř*.

продажи в книжной лавке петербургского купца О. Кожанцева — издание книги было замаскировано под частную инициативу⁷². По получении от Я.А. Соловьева сообщения об успешной продаже первого тиража учебника Н.А. Милютин поручил дальнейшую печать книг проводить в Варшаве⁷³ и предложил выслать новые шрифты из Петербурга⁷⁴. В Варшаве было предпринято второе издание букваря таким же тиражом, за которым последовало издание целой серии польских книг в русской графике: учебников грамматики польского языка (1200 экз.), истории Ветхого и Нового Завета (1000 экз.), арифметики для начальных училищ (1000 экз.) и хрестоматии для крестьянского чтения (1000 экз.). После успешного распространения пробных тиражей книги были переизданы по 10 тыс. экземпляров каждая, а тираж учебника по арифметике в процессе печатания увеличили до 15 тыс. В декабре 1866 г. была издана пропись в новой графике тиражом в 5 тыс. экземпляров, из которых 4850 были приобретены для народных училищ⁷⁵.

Корреспондент русофильского издания из Галиции «Золота грамота» в 1866 г. сообщал, что тираж второго издания букваря также был доведен до 15 тыс. экз. и был раскуплен, после чего отправилось в печать третье издание. Популярность книг в новой графике среди польского простонародья он (в соответствии с мыслью, заложенной в проект его авторами) объяснял тем, что крестьяне оценили возможность понимания русского письменного слова, которую открывало перед их детьми изучение «славянско-польской азбуки». Свое рассуждение автор статьи снабдил

⁷² Успенский Б.А. Указ. соч. С. 151. В записке П.А. Кулиша от 28 января (9 февраля) 1867 г. назван Кожанчиковым (О распространении книг для народного чтения в Царстве Польском по 1 (13) января 1867 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 268. Л. 102.).

⁷³ В Петербурге в 1866 г. был издан учебник польской грамматики. Остальные издания печатались в Варшаве (*Студинский К.* Указ. соч. С. 246).

⁷⁴ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 23 марта 1866 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 187–187 об.

⁷⁵ О распространении книг по 1 (13) января 1867 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 268. Л. 102–104. См. также письма Я.А. Соловьева об издании книг А.Ф. Гильфердингу и управляющему делами Комитета по делам Царства Польского С.М. Жуковскому и экземпляры прописей в: РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 68. Л. 29–29 об., 32–32 об., 35–90 об.

словами неназванных крестьян: «Малец научисе насего писма, то псецыта и цесарске писмо, а паньске писмо до ницэго»⁷⁶. Популярности книг в новой графике должна была способствовать и низкая цена книг для народного чтения, публиковавшихся по инициативе властей. К сожалению, в записках, составленных Кулишом, приведены сведения о цене лишь нескольких брошюр и книжек на русском языке (от 2 до 12 коп.) и на польском языке в традиционной латинской графике (от 10 до 18 коп.), которые были изданы еще до появления на прилавках книг, печатанных кириллицей⁷⁷. Мне не удалось обнаружить сведений о масштабе применения новых книг в образовании и о распространении основных тиражей книг, помимо букваря. Вместе с тем сам факт успешного распространения довольно большого тиража букваря (в записках Кулиша есть указание на то, что бесплатно роздана была часть тиража нравоучительной и религиозной, но не учебной, литературы для крестьян⁷⁸) свидетельствует о некотором интересе к проекту со стороны польского простонародья. Тиражи в 10–15 тыс. экз., хотя и нельзя назвать рекордными, были для XIX в. весьма внушительными. Для сравнения тираж дешевого издания сочинений А.С. Пушкина, напечатанного А.С. Сувориным сразу после завершения срока авторского права в 1887 г., составлял 15 тыс. экз., а А.Ф. Смирдин еще при жизни И.А. Крылова (1769–1844) издал его басни тиражом в 44 тыс. экз.⁷⁹ Сопоставимый пример с изданием учебной литературы для крестьян представляет попытка харьковских украинофилов распространить 6 тыс. экз. украинского букваря авторства Т.Г. Шевченко в 1861 г. Они направили буквари митрополиту Киевскому Арсению, но он отказался принять книги

⁷⁶ Пер.: «Если ребенок научится нашему письму, то прочитает и царское письмо, а панское письмо ни к чему» (*Студинський К.* Указ. соч. С. 247).

⁷⁷ О распространении книг для народного чтения в Царстве Польском // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 260 об. – 261 об.

⁷⁸ О распространении книг по 1 (13) января 1867 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 268. Л. 100 об.

⁷⁹ Книга в России. Ч. II: Русская книга девятнадцатого века / Под ред. В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова. М., 2008. С. 467–468.

по рекомендации властей. В качестве ответной меры со стороны властей после издания Валуевского циркуляра по инициативе А.И. Корфа обсуждался вопрос об издании дешевых русских букварей для малорусских крестьян тиражом в 10 тыс. экз. в качестве первого шага⁸⁰. Повторенное М. Стрихарской-Бжезиной предположение К. Студинского, что польские книги в кириллической графике раскупались патриотически настроенными поляками, «наверное, для того, чтобы топить ими печи», нельзя признать убедительным объяснением их успешного распространения⁸¹.

Н.А. Милютин с самого начала был озабочен распространением нового букваря за пределами Царства Польского. Он обратился к виленскому генерал-губернатору К.П. Кауфману с предложением использовать его в Северо-Западном крае⁸². Д. Сталюнас приводит мнение Кауфмана о возможности использования новых учебников в местах проживания поляков в Гродненской губернии, однако обнаружить следы использования книг в школах Виленского учебного округа исследователю не удалось⁸³. Тогда же Милютин поручил Я.А. Соловьеву подумать о способах отправки учебников в Галицию⁸⁴. В феврале 1866 г. П.А. Кулиш обратился к Я.Ф. Головацкому, одному из идейных лидеров русофильского движения в Галиции, с предложением заняться распространением учебников. Летом Головацкий получил через М.Ф. Раевского, настоятеля русской посольской церкви в Вене, 100 экземпляров букваря и передал их в книжную лавку во Львове, где они «и продавались помалу»⁸⁵. Проект вызвал некоторый интерес в русофильских кругах. Корреспондент русофильского издания «Золота грамота» из Варшавы рассуждал о

⁸⁰ Миллер А.И. «Украинский вопрос». С. 66–68, 135.

⁸¹ Студинський К. Указ. соч. С. 247; *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 44.

⁸² Успенский Б.А. Указ. соч. С. 151.

⁸³ Сталюнас Д. Указ. соч. С. 158.

⁸⁴ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 25 января / 6 февраля 1866 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 175.

⁸⁵ Студинський К. Слідами Куліша. С. 249, 252–253. Ср.: *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 43–44.

возможности применения нового «славяно-польского правописания» при передаче польских цитат в русофильских изданиях в ответ на печатание поляками речей русинских депутатов в Львовском сейме в латинской графике⁸⁶.

Планы по распространению польских книг для крестьян в русской графике как в Царстве Польском, так и за его пределами внезапно сворачиваются после болезни Н.А. Милютина в 1867 г. М. Стрыхарска-Бжезина приводит данные о переиздании «Хрестоматии» и «Истории Ветхого и Нового Завета» в 1867 г. и букваря в 1869 г., но новые издания с начала 1867 г. не выходили⁸⁷. В августе 1866 г. Милютин писал Соловьеву о планах издания русскими буквами польского молитвенника⁸⁸. Издать его после отхода Милютина и Черкасского от дел в Царстве так и не удалось. В 1868 г. С. Микуцкий пытался договориться об издании молитвенников в Северо-Западном крае, однако его предложение не было поддержано виленскими властями⁸⁹. Ф.Ф. Бергом и Я.А. Соловьевым, вероятно, под влиянием министра народного просвещения Д.А. Толстого, не позднее августа 1867 г. (а скорее всего уже в начале года) было принято решение о сворачивании операции по изданию польских книг кириллицей. Вот как это решение обосновано в третьей и последней записке о распространении книг для народного чтения от 3 (15) августа 1867 г.:

«Соединенные с этими изданиями надежды русского патриотизма могут осуществиться лишь в более или менее отдаленном будущем. Ближайших побуждений к новым предприятиям в том же роде покамест не представляется, а между тем успехи, сделанные русскими деятелями по предмету распространения отечественного языка в Польском крае, как посредством административных операций, так и посредством начальных

⁸⁶ Студиньский К. Слідами Куліша. С. 247.

⁸⁷ *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 37.

⁸⁸ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. Царское Село, 15/27 августа 1866 // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 236–236 об.

⁸⁹ Сталюнас Д. Указ. соч. С. 158.

училищ, указывают на необходимость усилить обращение в народе возможно большего количества приспособленных к его понятиям и потребностям книг на языке русском»⁹⁰.

М. Стрыхарска-Бжезина, рассуждая о целях издания польских учебников в кириллической графике, приводит цитату из статьи, опубликованной в 1866 г. в польскоязычном издании российских властей в Варшаве «*Dziennik Warszawski*» о неизбежности постепенного вымирания, по мере ассимиляции, польского языка на территории российского государства, подобно тому, как это происходит в Пруссии. Размышления автора статьи наводят исследовательницу к алармистскому выводу, что учебники в русской графике служили своего рода подготовкой почвы для некоего «русского языкового тоталитаризма»⁹¹. В то же время наличие радикальных ассимиляторских взглядов на этот проект в наиболее жестко националистически настроенной части бюрократии и русского общества бесспорно — именно эта тенденция, как показывает исследование Д. Сталюнаса, возобладала в ходе перевода литовской письменности на кириллицу в Северо-Западном крае⁹².

Прусская политика в Великом княжестве Познанском действительно служила образцом деполонизации окраин в русской публицистике⁹³. Однако на практике российские власти не имели и тени тех возможностей для русификации Царства Польского, которыми пользовались прусские власти для германизации западной части Польши. Прусские власти с конца XVIII по начало XX вв. неоднократно обращались к поддержке немецкой крестьянской колонизации на бывших землях Речи Посполитой. Несмотря на то, что прусские власти отказывались от такой политики в периоды поиска компромисса с польской шляхтой, доля немецкого населения в

⁹⁰ О распространении книг для народного чтения в Царстве Польском // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 294 об. – 295.

⁹¹ *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 35–36.

⁹² *Сталюнас Д.* Указ. соч. С. 188–198.

⁹³ Западные окраины. С. 293–294.

княжестве в силу благоприятной экономической и демографической ситуации в Германии выросла с 30,8 % в 1825 г. до 33,6 % в 1849 г. и достигла 35,1 % в 1871 г.⁹⁴ Прусская *Polenpolitik* была в значительной степени направлена на демографическую оккупацию польских земель, а не на ассимиляцию польского населения. Единственным заметным исключением была постепенная ассимиляция польскоязычных мазуров Восточной Пруссии. Однако последовательное уклонение мазуров от участия в польском национальном проекте было в значительной степени обусловлено их конфессиональной и культурной близостью немцам — переселение мазуров в Восточную Пруссию происходило одновременно с немецкой колонизацией края, они перешли в лютеранство вместе с немецким населением края еще в XVI в., а жизнь под властью немецких правителей на протяжении многих веков привела к формированию у них устойчивой лояльности Пруссии⁹⁵.

Российские власти в XVIII – первой половине XIX в. имели опыт политики демографической оккупации в Поволжье, Новороссии и на Кубани⁹⁶. Подобных планов в отношении Польши не существовало. В 1860-е гг. усилия по переселенческой колонизации были главным образом направлены на освоение Северо-Восточного берега Черного моря. Имперские власти в это время поощряли мухаджирство (переселение в Османскую империю) мусульман Северного Кавказа, главным образом черкесских народов, и организовывали переселение на освобождавшиеся пространства христианского населения (в том числе христиан, которые мигрировали из Османской империи). В марте 1866 г. было издано «Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным»,

⁹⁴ Hagen W.W. Op. cit. P. 98, 133.

⁹⁵ Blanke R. “Polish-Speaking Germans?” Language and National Identity Among the Masurians // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27, No. 3. P. 429–453; Berger S. Building the Nation Among Visions of German Empire // Nationalizing Empires. P. 274–275.

⁹⁶ Miller A. The Romanov Empire and the Russian Nation // Nationalizing Empires. P. 348–352.

регулировавшее зоны расселения казаков и гражданского населения, а также правительственные меры по поддержке переселенцев⁹⁷.

Сведения об усилиях властей по колонизации Северо-Западного Кавказа доходили до крестьян Царства Польского. Об этом свидетельствует серия прошений о переселении в «Черкесскую губернию», поданных безземельными крестьянами Сувалкской губернии в конце 1867 г. Проведенное расследование показало, что источниками слухов были рассказы некоего бессрочноотпускного солдата Рунка о том, что правительство выдает деньги на путевые расходы и обзаведение хозяйством переселенцам, направлявшимся на Амур — другую осваиваемую в этот период окраину империи, в сочетании с распространением опубликованной выписки из положения о льготах для поселявшихся в городах Черноморского округа. После арестов подозревавшихся в распространении слухов о раздаче земли в империи и внушении о «настоящем положении дела» движение к переселению было прекращено⁹⁸. Судя по донесениям, поступавшим в Учредительный комитет, жесткую реакцию властей в этом случае вызвало не само желание к переселению, а слухи о выплатах переселенцам.

§ 2. Переход к политике административной русификации образования и управления

Российские чиновники в Варшаве прямо называли кампанию по изданию книг для простонародного чтения «операцией». Подводя ее итог, П.А. Кулиш написал в последней отчетной записке, что она была «охраняема от противодействия со стороны местной интеллигенции

⁹⁷ Объяснительная записка к проекту положения о заселении и управлении Северо-Восточного берега Черного моря. б.м., б.г. О мухаджирстве и русской колонизации Северо-Западного Кавказа см.: Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007. С. 155–183; Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 2017. С. 528–553.

⁹⁸ О ходе крестьянского дела в Царстве Польском с 9 по 16 декабря 1867 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1492. Л. 194–195 об.; С 16 по 23 декабря 1867 г. // там же. Л. 200–201 об.

бдительностью установленной при Учредительном комитете особой цензуры по рассмотрению книг и периодических изданий на польском языке, предназначенных для классов малообразованных»⁹⁹. Примером пристального внимания цензуры Учредительного комитета к вопросу воспитания в польском крестьянстве культурной лояльности к империи служит факт запрета публикации в календарях статей исторического содержания из-за вредного влияния на умы крестьян, которое могло оказать усвоение «шляхетской» версии истории отношений между Польшей и Россией¹⁰⁰. Польские крестьяне должны были знакомиться с историей только из издаваемых властями источников.

Главными составляющими этой операции были маскировка прямого участия властей в подготовке и издании книг, тайный подбор польских авторов для книг, и прямой цензурный контроль за изданиями для народа со стороны Учредительного комитета помимо цензурного ведомства. Кроме издания книг польским кириллическим алфавитом в ее рамках были предприняты усилия по изданию и распространению нравоучительных книг и религиозных текстов в традиционной (латинской) польской графике и на русском языке (а также литовских книг в кириллической графике). Проект перевода польской письменности на кириллицу развивался как эксперимент — т.е. по мере получения реакции от населения и чиновников на местах. В то же время задачу привития крестьянам лояльности и необходимых для участия в гражданской жизни моральных качеств предполагалось решать изданием польских книг в традиционной графике. Для униатов и изучающих русский язык вне зависимости от происхождения в меньших тиражах (однако значительно бóльших в пересчете на долю населения) была организована печать книг на русском языке. Исходя из приведенных выше данных, заимствованных из доклада Н.А. Милютина, в Царстве Польском

⁹⁹ О распространении книг // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 297 об.

¹⁰⁰ О распространении книг по 1 (13) января 1867 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 268. Л. 107–107 об.

проживало ок. 3,350 тыс. поляков и ок. 230 тыс. униатов. Всего по 1 (13) января 1867 г. было распространено 40622 экземпляров книг на польском языке (из них 23422 в традиционной латинской графике и 17200 в кириллической), 8122 экземпляра на русском и 360 экземпляров на литовском¹⁰¹.

Порядок распространения книг описан в первой записке о распространении книг для народного чтения от 3 (21) марта 1866 г.: «При рассылке [...] книг принято было за правило, чтобы часть русских книг посылать и в те местности, где народонаселение исключительно польское, как для небольшого числа русских, живущих между поляками, так и для сих последних, преимущественно же для учеников начальных училищ, выучившихся по-русски; польские же книги распределены таким образом, чтобы оне служили только населению исключительно польскому, а не распространялись бы, при смешанном населении, между русскими жителями, которым польский язык доступен вследствие постоянного общения с поляками»¹⁰². Чиновники Учредительного комитета решили вообще не отправлять польские книги в самые восточные Люблинскую и Августовскую губернии.

Значило ли это, что Учредительный комитет стремился к обрусению польских крестьян в местах смешанного проживания? А.Ф. Гильфердинг еще в 1864 г. говорил об упущенной после подавления Польского восстания 1830–1831 гг. возможности «подчинить своему влиянию, а в некоторых краях Польши (например, в Люблинской губернии) даже совершенно обрусить» низший слой народа¹⁰³. Практических мер, нацеленных на ассимиляцию крестьян католического исповедания, практически нигде не было предпринято¹⁰⁴. Основные усилия властей были сосредоточены в это

¹⁰¹ Там же. Л. 106 об.

¹⁰² О распространении книг // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 268 об. – 269.

¹⁰³ Об устройстве учебной части. С. 5.

¹⁰⁴ Исключением были распоряжения по Августовской губернии, учебные заведения которой находились в ведении Ломжинской учебной дирекции. См. пар. 3.3.

время на борьбе с польским национальным проектом за русификацию греко-униатского населения¹⁰⁵. В 1860-е гг. российские власти не пошли на выделение мест компактного проживания униатов в отдельную административную единицу¹⁰⁶, что сделало бы их преобладающей группой населения (Холмская губерния была создана только в 1912 г.). То есть здесь уже на стадии рассылки книг задачей развития польской крестьянской лояльности пожертвовали ради охранения русского характера униатов.

Хотя польские крестьяне и считались лояльной группой населения, конструируемая чиновниками милютинского круга на основе крестьянской идентичности польская нация довольно рано стала приобретать четкие границы только с одной стороны. Принимались последовательные меры для недопущения ассимиляции в польской, даже крестьянской, среде представителей других этнических групп, польские крестьяне же такой защиты своей идентичности в зонах смешанного проживания не получали.

В царских указах о реформе образования в Царстве Польском от 30 августа 1864 г. содержалось положение о назначении в школы, учреждаемые для греко-униатов, исключительно русских учителей греко-униатского исповедания и подотчетности их Холмской греко-униатской епархии¹⁰⁷. В сентябре 1865 г. Учредительный комитет ввел для лютеранских пасторов должность блюстителя в немецких евангелических начальных училищах, чтобы вывести и их из-под подчинения гминных войтов и солтысов из польских крестьян католического исповедания¹⁰⁸.

28 декабря 1864 (9 января 1865) г. Я.А. Соловьев и генерал-полицмейстер Ф.Ф. Трепов, вероятно под влиянием занявшегося униатским

¹⁰⁵ *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 93–122; *Weeks T.R.* The “End” of the Uniate Church. P. 28–40.

¹⁰⁶ *Groniowski K.* Walka Milutina z Bergiem. S. 893–895.

¹⁰⁷ *Корнаухова (Нугалатий) М.Е.* Указ. соч. С. 104.

¹⁰⁸ Постановления Учредительного комитета. Т. V. Ст. 440. О блюстительности в евангелических начальных училищах. С. 25–31. Ср.: *Корнаухова (Нугалатий) М.Е.* Указ. соч. С. 104.

вопросом В.А. Черкасского¹⁰⁹, издали циркуляр о переводе делопроизводства в гминных управлениях и судах в местностях с греко-униатским населением на русский язык¹¹⁰. Долгое время инициатива не получала развития из-за сложностей с поиском знающих русский язык писарей, однако первые действия Бяльской комиссии в этом направлении в начале 1866 г. были поддержаны Н.А. Милютиним, который интересовался возможностью распространения русского языка в прочих униатских гминах Люблинской и Августовской губерний¹¹¹. Распоряжение изначально распространялась на участки Бяльской, Красноставской, Люблинской и Седлецкой комиссий (т.е. на уезды восточных губерний Царства Польского, граничащие с юго-западными губерниями империи). В мае 1866 г. Я.А. Соловьев распространил распоряжение на участки Сувалкской и Ломжинской комиссий (уезды, граничащие с Северо-Западным краем), где присутствовало белорусское и литовское население. От четырех комиссий, уже занимавшихся исполнением распоряжения, Соловьев затребовал информацию о том, что препятствует введению русского языка «во всех других гминах»¹¹². Председатели Бяльской и Ломжинской в ответном отзыве предложили «для окончательного укрепления русского языка в гминах с русским народонаселением» вести все сношения гмин с местными властями на русском языке¹¹³. В июле того же года В.А. Черкасский ввел русский язык в сношениях между уездными и гминными управлениями в

¹⁰⁹ В отзыве на имя директора комиссии народного просвещения Ф.Ф. Витте от 1 января 1865 г. В.А. Черкасский сформулировал идею «ограждения русско-униатского края от посягательства на него полонизма и католицизма» посредством создания русских средних школ для униатов (Отзыв В.А. Черкасского на имя Ф.Ф. Витте // ОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Д. 2. Л. 3).

¹¹⁰ О ходе кр-го дела с 16 (28) января по 23 января (4 февраля) 1865 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 114 об. – 115; С 12 (24) по 19 (31) марта 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 58 об. – 59.

¹¹¹ Н.А. Милютин Я.А. Соловьеву. С.-Петербург, 3/15 мая 1866 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 202.

¹¹² О ходе кр-го дела с 30 апреля (12 мая) по 7 (19) мая 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 103 об. – 104 об.

¹¹³ О ходе кр-го дела с 14 (26) мая по 21 мая (3 июня) 1866 г. // там же. Л. 118.

трех уездах Люблинской губернии: в Бяльском уезде переписка с уездными властями по военной части стала вестись на русском языке, в Седлецком и Радзинском на русский была переведена вся переписка¹¹⁴. Через несколько месяцев поступили донесения председателей Седлецкой и Сувалкской комиссий о возможности введения русского делопроизводства во все гмины в уездах с униатским населением¹¹⁵ и стали появляться сведения о случаях русификации делопроизводства в местностях с чисто польским населением¹¹⁶. Решение об официальном введении в гминах русского делопроизводства в местностях с русским и литовским населением по всему Царству было принято Учредительным комитетом в марте 1867 г. по инициативе Р.И. Брауншвейга, преемника В.А. Черкасского на посту директора комиссии внутренних и духовных дел¹¹⁷.

Председатель Келецкой комиссии в 1867 г. указывал на успехи в преподавании русского языка в гминах, официальная переписка с которыми стала вестись на русском языке¹¹⁸. Проблема недостаточной распространенности и низкого качества преподавания русского языка в крестьянских начальных училищах озаботила Учредительный комитет еще в 1866 г.¹¹⁹ Весьма скромные успехи в распространении русского языка посредством устроенных по национальному принципу школ стали одним из главных аргументов в пользу демонтажа системы образования А.Ф. Гильфердинга и Н.А. Милютина. Так был обоснован процесс

¹¹⁴ О ходе кр-го дела с 23 июля (4 августа) по 30 июля (11 августа) 1866 г. // там же. Л. 160–160 об.

¹¹⁵ О ходе кр-го дела с 27 августа (8 сентября) по 3 (15) сентября 1866 г. // там же. Л. 187–187 об.; С 3 (15) по 10 (22) сентября // там же. Л. 190 об. – 191.

¹¹⁶ О ходе кр-го дела с 29 октября (10 ноября) по 5 (17) ноября 1866 г. // там же. Л. 224 об.; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 437.

¹¹⁷ Постановления Учредительного комитета. Т. IX. Ст. 1003. О введении русского языка в делопроизводство гмин с русским населением. С. 344–351.

¹¹⁸ О ходе кр-го дела с 1 по 8 июля 1867 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1492. Л. 102 об.

¹¹⁹ О ходе кр-го дела с 21 мая (2 июня) по 28 мая (9 июня) 1866 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1491. Л. 124–125 об.; С 5 (17) по 12 (24) ноября // там же. Л. 228 об. – 229.

преобразования немецких канторатов в обычные начальные училища¹²⁰. Таким же образом Д.А. Толстой в 1868 г. обосновывал необходимость административной русификации образования и уничтожения деления средних школ по народностям отсутствием успехов во включении выпускников учебных заведений Царства в общеимперское культурное пространство¹²¹. Неудивительно, что именно учебное ведомство примерно в одно время с отказом от печати польских книг для крестьян первым перевело всю официальную переписку на русский язык. Попечитель Варшавского учебного округа Ф.Ф. Витте в июле 1867 г., получив от Я.А. Соловьева сообщение об использовании одной из учебных дирекций польского языка при сообщении с гминными управлениями, приказал начальникам учебных дирекций всю переписку вести исключительно на русском языке¹²². Затем последовал постепенный, не отразившийся в официальных постановлениях Учредительного комитета и завершившийся не позднее начала 1870 г. процесс русификации делопроизводства¹²³.

Переход к русификаторской политике в зонах смешанного проживания русинов-униатов и поляков-католиков во время деятельности Н.А. Милютина в должности статс-секретаря по делам Царства Польского оценивался в российской дореволюционной историографии как измена изначальному замыслу реформы. А.А. Корнилов писал, что увлечение В.А. Черкасского униатским вопросом привело его к повторению политики М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае, а сам Н.А. Милютин и его ближайшие сотрудники отошли от изначальной идеи включения крестьянства в общественную жизнь, занявшись борьбой с полонизмом,

¹²⁰ О ходе кр-го дела с 16 по 23 сентября 1867 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1492. Л. 150–151.

¹²¹ Отчет об осмотре учебных заведений Варшавского округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 198. Д. 25. Л. 5 – 5 об.

¹²² О ходе кр-го дела с 15 по 22 июля 1867 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1492. Л. 110–110 об.

¹²³ См.: *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа. С. 438.

которая привела их к идее русификации Польши¹²⁴. Того же мнения придерживается Х. Глембоцкий, полагая, что утопический проект реславизации Польши оказался слишком сложным для исполнения и постепенно Милютин, Черкасский и другие его авторы отказались от него в пользу унификации и русификации¹²⁵. П.К. Щебальский писал о конфликте Милютина-теоретика и Милютина-практика. Первый, по его мнению, рассуждал о создании современной, нешляхетской польской нации и провозгласил принцип национальностей, а второй, поучаствовав вместе с Черкасским в открытии забытой части русского народа, обнаружил о ней особую заботливость, исходя из того, что о польской национальности в ее этнографических границах заботиться было излишне¹²⁶.

В наибольшей степени справедливыми эти замечания представляются в отношении В.А. Черкасского, целиком посвятившего себя с начала 1865 г. униатскому вопросу, и Я.А. Соловьева, который в вопросах языковой политики довольно быстро перешел к методам административной русификации. Н.А. Милютин поддержал начинания Черкасского и Соловьева в униатском деле¹²⁷, но вместе с тем до конца своей деятельности по направлению политики в Царстве Польском, прерванной инсультом в конце 1866 г., продолжал активно заниматься продвижением положительного образа польского крестьянина на страницах «Русского инвалида» и оставался единственным двигателем проекта перевода польской письменности на кириллицу. П.К. Щебальский, который сам был

¹²⁴ Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения. С. 447, 450–451.

¹²⁵ *Głębocki H. Fatalna sprawa.* S. 506–507.

¹²⁶ Щебальский П.К. Указ. соч. С. 94–95, 98.

¹²⁷ Помимо уже цитированного выше письма Я.А. Соловьеву от 3/15 мая 1866 г., в котором Милютин писал, что его очень порадовало известие о введении русского делопроизводства в гмины Бяльского уезда, и предлагал распространить русское делопроизводство на остальные униатские гмины Люблинской и Августовской губерний, он выразил поддержку политики Черкасского по учреждению русских школ для униатов в письмах к В.А. Черкасскому от 6/18 сентября и 9/21 ноября 1866 г. В них Милютин сообщил Черкасскому, что добился признания русского языка за главный официальный язык в Царстве Польском по словесному объяснению в Комитете по делам Царства Польского (РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1145. Л. 202, 239 об., 250).

одним из виднейших идеологов русского национализма в Варшаве¹²⁸, верно отметил, что обнаружение «русских» в Царстве Польском фактически привело к возникновению новой, более привлекательной (даже для Милютина), националистической идейной основы политики в Польше. Однако, изначальный «утопический» проект не был оставлен Милютиным. Новая националистическая политика «защиты русских», проводимая Черкасским, Соловьевым и Кулишом, сосуществовала с экспериментальной политикой «воспитания поляков» Милютина и Гильфердинга вплоть до отхода Милютина от дел. Польский проект развивался там, где он не соприкасался с теми, кого считали русскими.

Быстрое развитие административной русификации в местностях со смешанным населением вместе с сопротивлением наместника Ф.Ф. Берга излишне смелым проектам Милютина подтолкнули власти к отказу от славянофильского проекта. То, насколько резко с ним порывают в 1867 г., показывает судьба рассмотренной выше операции по тайному изданию книг. В 1866 г. успели издать тиражом в 1000 экземпляров перевод на польский язык (в традиционной латинской графике) сочинения Ю.Ф. Самарина с обличением ордена иезуитов. На протяжении 1866 г. готовилось издание на польском языке цензурированной, сокращенной и дописанной П.А. Кулишом¹²⁹ «Истории Польши» И. Лелевеля, как произведения, описывающего постепенный упадок Речи Посполитой и ложность прежнего исторического пути Польши¹³⁰. В 1867 г. было решено издать эту и все другие готовящиеся к печати книги (за исключением издания Нового Завета) только на русском языке¹³¹. По сути, это решение знаменовало отказ от попыток влиять на польских крестьян в культурном и идеологическом отношении.

¹²⁸ См.: *Котов А.Э.* Указ. соч. С. 186–204.

¹²⁹ Повествование было доведено им от Третьего раздела Польши 1795 г. до 1860-х годов.

¹³⁰ О распространении книг по 1 (13) января 1867 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 268. Л. 106.

¹³¹ О распространении книг // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1490. Л. 295–297.

Идеологическое обоснование нового курса в наиболее полном виде было сформулировано министром народного просвещения Д.А. Толстым в 1868 г. после предпринятого им объезда учебных заведений Царства Польского. Толстой отбросил все славянофильские симпатии милютинцев к крестьянам:

«Тут одно крестьянское сословие, хотя и чуждое нам по языку и вере, не враждебно к России, так как оно еще не проникнулось сепаратистическими мечтаниями, будучи предано почти *исключительно материальным интересам*»¹³² (курсив мой — В.К.).

Признавая симпатии крестьян к проведенной крестьянскую реформу властям, Толстой, тем не менее, считал выстроенные Учредительным комитетом институты крестьянского самоуправления и привитое крестьянам чувство благодарности за наделение землей недостаточными барьерами между сословиями, а функцию культурного барьера видел исключительно в русификации школ и подборе учителей, способных преподавать крестьянским детям русский язык:

«Чувство благодарности не есть качество масс, и в политическом отношении рассчитывать на него нельзя, потому что оно проходит и забывается. [...] В настоящее время польский крестьянин получил от правительства все, что он мог разумно ожидать, и вместе с тем освободился из зависимости от помещика, часто весьма для него тяжелой. Причины недовольствия между двумя сословиями, происходившие от столкновения материальных расчетов, исчезли; но это именно и послужит к постепенному их сближению. [...] Чуждые России по своему происхождению и языку и не знающие нашего, они еще более сближаются, посредством языка преподавания, с польскими помещиками и ксендзами, то есть именно с теми сословиями, которые совершенно основательно предполагалось вовсе удалить от народной школы. Поэтому главными предметами заботливости

¹³² Отчет об осмотре учебных заведений // РГИА. Ф. 733. Оп. 198. Д. 25. Л. 24 об.

Министерства народного просвещения [...] должны быть в настоящее время, по моему мнению, приготовление учителей и поставление русского языка, этой единственной моральной связи Польского края с Россией, в подобающее ему положение»¹³³.

Курс на тотальную русификацию образования вызвал сопротивление Ф.Ф. Берга. Наместник, бывший главным политическим оппонентом Милютин во время его управления гражданской администрацией Царства Польского, тем не менее выступил в начале 1869 г. в поддержку сохранения статуса польского языка, что было фундаментальным принципом милютинской языковой политики. Берг проиграл бюрократическую борьбу Толстому¹³⁴, и с 1869 г. власти стали проводить последовательную русификацию образования в Царстве Польском. Преемственность политики в вопросах языка и этничности на этой беспокойной западной окраине империи была в очередной раз нарушена.

Толстым было также радикально переосмыслено отношение к немцам и евреям в Царстве. Немцы, по мнению министра, в Польше «по большей части давно ополячились» и их возрождение «в чистые немцы» работает «гораздо более в пользу соседней Пруссии, чем России»¹³⁵. Существенное изменение отношения к немцам в России произошло уже в 1866 г. в результате победы Пруссии в войне против Австрии. С этого момента уроки бисмарковского объединения Германии и связанные с ним угрозы для Российской империи стали предметом постоянного обсуждения имперских чиновников и русской националистической прессы¹³⁶. В записке, поданной императору после своего увольнения из Варшавы в ноябре 1866 г., А.И. Кошелев критиковал милютинскую политику опоры на крестьянство, но вместе с тем отметил: «Еще менее мы имеем право основывать наши

¹³³ Там же. Л. 26–27 об.

¹³⁴ *Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg. S. 283.*

¹³⁵ Отчет об осмотре учебных заведений // РГИА. Ф. 733. Оп. 198. Д. 25. Л. 29 об.

¹³⁶ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 171–172; *Miller A.* Op. cit. P. 328–329.

надежды на немцах-землевладельцах, опирающихся на Пруссию, и в особенности после событий нынешнего года»¹³⁷. Действительное изменение отношения чиновников к немцам в крае, который находился под управлением наместника немца, защищавшего интересы немецких землевладельцев и промышленников¹³⁸, произошло в 1868 г. в результате личного объезда Царства Польского Толстым.

В еврейях министр напротив увидел потенциальную новую лояльную группу: «Они не питают никакой систематической вражды против России, понимают оказанные им милости и вовсе не склонны пристать к польской оппозиции». Добиться того, чтобы евреи не примыкали к польскому национальному движению и сделались «русскими, а не немецко-польскими евреями», Толстой предполагал принуждением их к учебе в русских учебных заведениях¹³⁹. Фактически Толстой взял на вооружение идеи привлечения евреев на сторону властей в противовес культурному влиянию поляков и немцев, высказанные в 1866 г. М.Н. Катковым на страницах «Московских ведомостей».

Д.А. Толстой последовательно добивался исполнения своей программы возвращения политических целей в образование. Часть польских средних учебных заведений были преобразованы в русские гимназии и прогимназии для униатов и литовцев¹⁴⁰ еще в 1866 г. по инициативе В.А. Черкасского. В 1867 г. по инициативе Д.А. Толстого для еврейского населения, ранее обучавшегося в польских гимназиях, были введены смешанные гимназии с преподаванием на русском языке¹⁴¹. В 1868

¹³⁷ Кошелев А.И. Указ. соч. С. 330.

¹³⁸ *Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg. S. 281*

¹³⁹ Отчет об осмотре учебных заведений // РГИА. Ф. 733. Оп. 198. Д. 25. Л. 37–39.

¹⁴⁰ В Сувалкской мужской и женской и Мариампольской классической гимназиях было введено обучение литовскому языку для желающих.

¹⁴¹ В империи еврейские начальные школы с преподаванием на русском языке были введены в рамках реформ С.С. Уварова в 1844 г. Обучение в этих школах открывало для еврейских юношей дорогу к поступлению в гимназии и высшие учебные заведения, что привело к возникновению первого поколения русско-еврейской интеллигенции в 1850–1860-е гг. (*Stanislawski M. Tsar Nicholas and the Jews: The Transformation of Jewish Society*

г. на русский язык было переведено преподавание ряда предметов во всех средних учебных заведениях, а в 1869 г. деление средних школ по народностям было уничтожено. В 1869 г. варшавская Главная школа была преобразована в русский Варшавский университет. С 1871/72 учебного года преподавание во всех средних учебных заведениях было переведено на русский язык. Наконец в 1871 г. было принято решение об обязательном преподавании русского языка в начальных училищах, которое постепенно реализовывалось по мере нахождения учителей. В итоге эта тенденция привела к переводу всего начального образования в Царстве на русский язык, осуществленному в 1879 г. попечителем Варшавского учебного округа А.Л. Апухтиным¹⁴².

Заявляя о себе как о главной силе, которая должна обеспечивать лояльность населения Царства Польского и добиваться его аккультурации¹⁴³, чиновники Министерства народного просвещения покусились на священную корову милютинских реформ — гминные институты. В феврале 1869 г. Д.А. Толстой внес в Комитет по делам Царства Польского проект об отмене права гминного схода избирать учителей начальных училищ. Предложение было обосновано донесениями начальников двух учебных дирекций о результатах осмотра учебных заведений в 1868 г. Начальник Келецкой дирекции писал о подозрениях в нелояльности учителей в новых школах: гминные сходы избирали в учителя молодых людей из мелкой шляхты, которые не всегда обладали достаточными способностями (в особенности по части преподавания русского языка), и пытались, устроившись в крестьянские школы,

in Russia. 1825–1855. Philadelphia, 1983. P. 82–122; *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 160–162).

¹⁴² См., в частности: *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 44–48; *Нугалатий М.Е.* Указ. соч. С. 135–181; *Рольф М.* Указ. соч. С. 151–153, 394–403.

¹⁴³ Впоследствии А.Л. Апухтин заявит, что цель русификации начального образования заключается в том, чтобы «польских детей няньки баюкали русскими песнями». Цит. по: *Рольф М.* Указ. соч. С. 152.

уклониться от рекрутской повинности¹⁴⁴. Начальник Плоцкой учебной дирекции предлагал дать директорам комиссий право назначать учителей помимо мнения гминных сходов, потому что только так можно обеспечить преподавание русского языка. Он аргументировал такую потребность хорошо известной крестьянским комиссиям проблемой слабого участия крестьян в гминных сходах, указывая на то, что решения о выборе учителей зачастую принимаются одними войтами и/или писарями порой даже без необходимого сбора гминного схода¹⁴⁵. Предложение Толстого не нашло поддержки в Комитете по делам Царства Польского, настроенном в пользу сохранения институтов, которые были созданы в результате миллютинских преобразований. Оно три года без рассмотрения пролежало в комитете и было отозвано министром народного просвещения в 1872 г.¹⁴⁶ Однако к тому времени чиновники ведомства получили значительно больше возможностей для контроля над учителями в гминных школах с введением русского языка как обязательного предмета.

С утратой его составляющей в культурном поле проект «другой польской нации» был в 1867 г. похоронен. Однако создававшиеся для него институты гминного самоуправления продолжали служить социальным барьером между классами польского общества. В последние два года работы Учредительного комитета была осуществлена городская реформа — последняя масштабная трансформация гминных институтов в направлении, заданном Н.А. Миллютиным в середине 1860-х.

В 1866 г. Н.А. Миллютин и Учредительный комитет, занимаясь ликвидацией вотчинных прав в городах¹⁴⁷, заинтересовались вопросом о

¹⁴⁴ Выписка из отчетной записки начальника Келецкой учебной дирекции об осмотре учебных заведений в 1868 году // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 567. Л. 3–6.

¹⁴⁵ Выписка из отчетной записки начальника Плоцкой учебной дирекции об осмотре учебных заведений в 1868 году // там же. Л. 7 об.

¹⁴⁶ С.М. Жуковский Д.А. Толстому. 23 марта 1872 г. // там же. Л. 9.

¹⁴⁷ Из 452 городов в Царстве Польском до издания указа от 28 октября (9 ноября) 1866 г. 231 город был в частной собственности и 7 принадлежали разным институтам (*Kołodziejczyk R. Op. cit. S. 38*).

мещанах-рольниках (т.е. горожанах-земледельцах, составлявших значительную часть населения малых городов и местечек в Польше), на которых предполагалось распространить положения указа 19 февраля 1864 г. о наделении землей в рамках ликвидационной операции. Вопрос определения мещан-рольников и отделения их от остальных горожан вызвал жаркие споры в Учредительном комитете. Я.А. Соловьев и член Учредительного комитета генерал-лейтенант В.И. Заболоцкий остались при особом мнении, что «до последнего времени [...] черта, отделяющая их от других городских жителей, казалась ясною»¹⁴⁸. Однако в итоге Комитет по делам Царства Польского распространил действие указов 19 февраля на всех жителей городов и местечек, где ликвидировались вотчинные отношения¹⁴⁹.

Работавший на протяжении 1867 и 1868 гг. специальный комитет по преобразованию городского управления и хозяйства подготовил проект уменьшения числа городов в Царстве Польском. Комитет предложил обратить в селения 329 из 452 городов в Царстве, подпадающих под три выбранных критерия: население менее 3000 тыс. чел.; доля земледельческого населения не менее 50% всех владельцев недвижимости в городе; сумма городских доходов менее 1,500 руб. После уточнения критериев Учредительный комитет довел число упраздняемых городов до 336¹⁵⁰.

Проект был представлен как логическое завершение начатого Н.А. Милютиным процесса распространения на мещан-рольников действия указов 19 февраля: он должен был заменить городские институты гминными с небольшими изменениями¹⁵¹. При этом отделение мещан-

¹⁴⁸ Особое мнение членов учредительного комитета генерал-лейтенанта Заболоцкого и действительного статского советника Соловьева // Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. Т. VI. Варшава, 1866. С. 447.

¹⁴⁹ *Kołodziejczyk R.* Op. cit. S. 39.

¹⁵⁰ Ibid. S. 40.

¹⁵¹ Главными изменениями были допуск к участию в гминных институтах вечных арендаторов и представителей других сословий.

рольников от прочих горожан, которые должны были быть подчинены этой считавшейся более лояльной категории городского населения, обеспечивалось сохранением имущественного ценза. По положениям 19 февраля 1864 г. к участию в гминных сходах допускались землевладельцы, имеющие в собственности не менее 3 моргов земли, а к выбору на должности войтов, солтысов и лавников — не менее 6 моргов. Предложение комитета по преобразованию городского управления заменить в упраздняемых городах этот ценз на общий ценз по землевладению было отвергнуто по настоянию Я.А. Соловьева¹⁵².

Включение в охват гминных институтов мещан-рольников преподносилось авторами реформы как дело справедливости в отношении группы населения, которую Милютин считал частью крестьянской польской нации¹⁵³. Но в то же время реформа явно противоречила идее Гильфердинга о необходимости отрыва крестьян от «обывательских классов», включая в крестьянские институты большое количество не считавшихся лояльными польских горожан-обывателей и евреев. Учитывая, что в качестве главного преимущества нового устройства для горожан преподносилось удешевление администрации и снижение связанных с ее содержанием сборов, большинство ликвидируемых городов должны были быть включены в существующие сельские гмины. Этот факт делал тесное взаимодействие крестьян с горожанами неизбежным.

Некоторые из российских чиновников в Польше вполне сознавали эти риски. Ломжинский губернатор В.Д. Менкин указывал, что «было бы полезно при соединении прежних городских поселений с сельскими гминами наблюсти, чтобы крестьянское население не составляло в соединенных с прежними городскими гминах меньшинства»¹⁵⁴.

¹⁵² Постановления Учредительного комитета. Т. XV. Ст. 2477. Об уменьшении числа городов в Царстве Польском. С. 324–327.

¹⁵³ Журнал комитета по преобразованию городского управления и хозяйства по вопросу об уменьшении числа городов // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 579. Л. 42 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 38 об.

Р.И. Брауншвейг при обсуждении проекта в Учредительном комитете указал на то, что обращение городов в селения и связанные с ним опасения перевода мещан в крестьянское сословие могут вызвать у мещан сильный протест из-за свойственного им чувства «мнимого сословного превосходства перед крестьянами». Брауншвейг предложил решить эту проблему переименованием городов не в селения, а в посады или местечки и отметил необходимость сохранения официального различия лояльных крестьян, «самого надежного консервативного элемента», и неблагонадежных бывших горожан. Другой проблемой, по его мнению, могло стать введение гминного суда, где дела решаются по совести и личным воззрениям судей, вместо городских судов, разбиравших дела по Кодексу Наполеона, особенно из-за склонности евреев к сутяжничеству¹⁵⁵. В итоге для бывших городов было принято наименование посадов, а по вопросу организации судов Комитет по делам Царства Польского все-таки постановил ввести в посадах гминные суды вместо общегражданских¹⁵⁶.

Указы 19 февраля 1864 г. полностью исключали участие евреев, как «лиц нехристианского исповедания», в гминных институтах¹⁵⁷. Уже в августе 1864 г. Учредительному комитету пришлось сделать исключение из этого правила после обращения военного начальника Плоцкого уезда по вопросу проведения гминных выборов в гмине Кухары, населенной евреями-землевладельцами и безземельными польскими крестьянами. Учредительный комитет постановил избрать в войты еврея и держаться этого правила и в других случаях, если землевладельцами в гмине являются только евреи¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Особое мнение члена учредительного комитета сенатора Брауншвейга // Постановления Учредительного комитета. Т. XV. С. 347, 350.

¹⁵⁶ Выписка из высочайше утвержденного 1-го июня 1869 г. журнала Комитета по делам Царства Польского об уменьшении числа городов в губерниях Царства // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 579. Л. 153.

¹⁵⁷ Dziennik Praw. Tom 62. Warszawa, 1864. S. 70–71.

¹⁵⁸ Постановления Учредительного комитета. Т. II. Ст. 122. По вопросу об избрании гминного войты в гминах, населенных евреями-землевладельцами. С. 91–92.

Проблема участия евреев в гминном управлении была снова актуализирована преобразованием городов в посады. Особое присутствие Келецкой крестьянской комиссии под председательством губернатора К.Д. Хлебникова, первым поднявшее этот вопрос, не увидело «никакой необходимости к допущению евреев к исполнению обязанностей войтов и солтысов», однако посчитало «полезным, а в некоторых случаях даже необходимым» допустить евреев к избранию в лавники (члены гминного суда) в посадах, где евреи составляют более половины населения¹⁵⁹. Тому было несколько важных причин. Во-первых, власти желали привлечь евреев к решению дел в гминных судах вместо кагалных судов. Кагал был отменен в империи еще в 1844 г. в рамках серии реформ П.Д. Киселева и С.С. Уварова, нацеленных на эмансипацию евреев, их дисциплинирование и интеграцию в имперское общество¹⁶⁰. В 1869 г. одновременно с обсуждением вопроса о допуске евреев к выборам на гминные должности тема еврейского самоуправления снова приковала к себе общественное внимание в связи с выходом в Вильне «Книги кагала» Якова Брафмана. Брафман утверждал, что, несмотря на отмену кагала, он продолжил свое существование в виде неформального еврейского «государства внутри государства»¹⁶¹. На этом фоне не вызывает удивления подозрительное отношение властей к любым формам автономных еврейских институтов, сохранявшихся в Царстве Польском¹⁶². Во-вторых, чиновники Келецкой комиссии указывали на незнакомство лавников из христиан с еврейскими обычаями при решении дел о разделе имущества и о порядке наследования. Наконец, в-третьих, желание допустить евреев к должностям в гминных администрациях они объясняли стремлением «распространить

¹⁵⁹ Постановления Учредительного комитета. Т. XVII. Ст. 2827. О допущении евреев на общественные гминные должности. С. 143–144.

¹⁶⁰ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 160.

¹⁶¹ См.: *Klier J.D.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, 1995. P. 263–374.

¹⁶² О влиянии воззрений Я.А. Брафмана на русских чиновников в Северо-Западном крае см.: *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. С. 577–601.

нравственное влияние на них правительства», что приобретало особенное значение в пограничных областях с Австро-Венгрией, где, по их оценке, евреям были предоставлены «весьма обширные» права — эмансипация евреев и признание языковых прав малых народов Цислейтании стали частью преобразования империи Габсбургов в рамках Австро-венгерского соглашения 1867 г.¹⁶³ В результате обсуждения на заседании Учредительного комитета 31 октября (12 ноября) 1869 г. проект был изменен в сторону большей эмансипации евреев, однако, с рядом оговорок. На посады, где все землевладельцы были евреями, было распространено разрешение избирать евреев в должности солтысов и войтов в земледельческих гминах. В лавники евреям было позволено избираться в поселениях, где еврейское население составляет не половину, а треть населения, но к участию в заседаниях суда допускалось не более одного лавника еврейского исповедания¹⁶⁴. После рассмотрения в Комитете по делам Царства Польского новое правило было утверждено Александром II 22 января (3 февраля) 1870 г.¹⁶⁵

Первые донесения об осуществлении преобразования городов в посады рисовали довольно благостную картину. Комиссары сообщали о повсеместном полном согласии городского и сельского населения при выборах должностных лиц в смешанных гминах¹⁶⁶, выражении благодарности некоторых жителей посадов за льготы по части содержания судов и администрации¹⁶⁷, а также восторге еврейского и сочувствии христианского населения по поводу разрешения евреям избирать лавников

¹⁶³ *Wolff L.* Op. cit. P. 238–240, 319–326; *Judson P.M.* Making Minorities and Majorities: National Indifference and National Self-Determination in Habsburg Central Europe // *Sovereignty, Nationalism, and the Quest for Homogeneity in Interwar Europe* / Ed. by E. Dalle Mulle, D. Rodogno, M. Bieling. L., 2023. P. 21–38.

¹⁶⁴ Постановления Учредительного комитета. Т. XVII. Ст. 2827. О допущении евреев на общественные гминные должности. С. 144–147.

¹⁶⁵ Выписка из журнала Комитета по делам Царства Польского 13 января 1870 г. за № 2 // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 633. Л. 6.

¹⁶⁶ О ходе кр-го дела с 17 по 24 января 1870 г. // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1495. Л. 4 об.

¹⁶⁷ О ходе кр-го дела с 31 января по 7 февраля 1870 г. // там же. Л. 8.

в гминные суды¹⁶⁸. Однако включение в институты, изначально создаваемые для славянской польской нации, новых групп населения на практике создало довольно сложную картину. Как показывает отчет комиссара Влоцлавского уезда за 1872 г., на местах стали возможны самые неожиданные конфигурации общественных отношений: сближение крестьян и евреев при выборе должностных лиц против мещан; пресечение «еврейских проделок» в торговле с легковерными крестьянами из-за введения в посадах гминных судов; угощение мещанами крестьян водкой для выбора войта из жителей посада; «интриги» мещан, считавших себя «разумнее и образованнее крестьян», против войта, выбранного из крестьян...¹⁶⁹ Впрочем, эта система контроля общественных отношений со стороны российских властей уже опиралась на одну лишь категорию лояльности. Славянофильские претензии на культуртрегерство русских чиновников в Польше к началу 1870-х годов из нее были совершенно вымыты.

§ 3. Попытка проведения ассимиляторской политики в отношении униатов

Взгляд русского национализма на политику в униатском вопросе, которую с 1864 г. проводил князь В.А. Черкасский, наиболее полно выразил П.К. Щебальский. Этот историк, длительное время работавший в Варшаве журналистом, написал, что Черкасский «открыл» в Царстве Польском русский край, о существовании которого русское общество не было осведомлено¹⁷⁰. В действительности такое открытие делал каждый наместник и руководитель Комиссии народного просвещения, в ведении которого до 1864 г. было униатское дело. Первая попытка ликвидации унии в Холмской епархии была предпринята сразу после отмены унии в империи

¹⁶⁸ О ходе кр-го дела с 27 июня по 4 июля 1870 г. // там же. Л. 59 об.

¹⁶⁹ Объяснительная записка к годовому отчету, представленному комиссаром Влоцлавского уезда, за 1872 год // РГИА. Ф. 1291. Оп. 117. Д. 147. Л. 194 об. – 195, 201–201 об.

¹⁷⁰ *Щебальский П.К.* Указ. соч. С. 95.

в 1839 г., однако епископ Филипп Шумборский, вызванный в 1840 г. Николаем I в Петербург, не поддавался давлению властей. В 1841 г. он объявил в епископском послании о требуемых властями переменах в обряде, которые сближали униатское богослужение с православным. Под давлением внутренней оппозиции и Святого Престола в 1844 г. изменения в обряде были отменены. Наместник И.Ф. Паскевич, имея в виду низкий социальный статус униатского духовенства, не пошел на дальнейшее давление на епископа без проведения крестьянской реформы. В 1840-е гг. власти вели работу по отделению греко-униатского духовного образования от польского, а в 1849 г. установили правила устройства начальных школ для греко-униатов. Однако в 1862 г. реформа А. Велёпольского вернула в школы для униатов стандартное для всего Царства преподавание на польском языке¹⁷¹.

В.А. Черкасский и Н.А. Милютин занялись униатским вопросом после завершения первых работ над формированием крестьянских комиссий весной 1864 г. Указом 14 (26) июля было отменено право ктитинства (попечительства) шляхты над униатскими церквями. Вслед за закрытием 129 католических монастырей в ноябре 1864 г. указом 28 ноября (10 декабря) были закрыты и четыре из пяти греко-униатских базилианских монастырей¹⁷². Черкасский уже тогда заинтересовался идеей обрядовой реформы в Холмской епархии по аналогии с реформой, проведенной епископом Иосифом Семашко перед отменой унии в империи в 1830-е годы. Летом – осенью 1864 г. он дважды обращался к Холмскому епископу Иоанну Калинскому (*пол.* Jan Mikołaj Kaliński) с предложением написать папе письмо о необходимости очищения обряда от нововведений, появившихся после заключения Брестской унии 1596 г. Епископ Калинский возглавлял «польско-католическую» партию в холмском духовенстве: в

¹⁷¹ Lewandowski J. Na pograniczu. S. 63–68; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 776–777.

¹⁷² Lewandowski J. Na pograniczu. S. 94–96; Батюшков П.Н. Указ. соч. С. 181.

1866 г. Черкасский писал Милютину, что «одна третья часть униатского духовенства с ним в родстве и будет около него составлять партию»¹⁷³. Правление Калинского в епархии началось с подавления в 1863 г. партии сторонников очищения обряда во главе со священником Иосифом Войцицким. В конце 1864 г. он вышел из ситуации, послав папе, в нарушение конкордата 1847 г., вслед за официальным письмом о необходимости очищения обряда второе, частное, письмо, где просил его проигнорировать официальное обращение¹⁷⁴.

На протяжении 1864 г. конфликты между Черкасским и Калинским не выходили за пределы их канцелярий. Политика князя Черкасского в униатском вопросе приобрела свой конфронтационный националистический характер, в стиле управления Северо-Западным краем М.Н. Муравьевым и К.П. Кауфманом, несколько позднее, в процессе устройства русского образования для униатов. Указы об образовательной реформе, разработанные А.Ф. Гильфердингом и Н.А. Милютиным летом 1864 г., содержали статьи об учреждении отдельных училищ для униатов с преподаванием на русском языке¹⁷⁵, но порядок их организации еще предстояло установить. Задача воспитания униатов Царства Польского как членов русской нации была сформулирована Черкасским в упоминавшемся выше обращении к директору Комиссии народного просвещения Ф.Ф. Витте по поводу преобразования нескольких польских средних учебных заведений в русские для униатского населения от 1 (13) января 1865 г. В то время он еще предполагал действовать скорее методами поощрения и контроля, а не прямого административного давления. Идея русификации нескольких гимназий в целом не противоречила сложившейся в рамках славянофильского эксперимента Милютина и Гильфердинга практике выстраивания социальных и культурных барьеров между различными

¹⁷³ Цит. по: *Максимов А.И.* Указ. соч. С. 157.

¹⁷⁴ *Glinka L.* Op. cit. P. 44, 47; *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 98.

¹⁷⁵ *Dziennik Praw.* Tom 62. 1864. S. 344–347, 352–355.

группами населения Царства Польского при сохранении за царской администрацией роли посредника, к которому были вынуждены обращаться все стороны возникавших конфликтов.

Для воспитания народа в национальном духе была необходима поддержка греко-униатского духовенства. Отмечая его далеко зашедшую полонизацию, Черкасский тогда все же охарактеризовал это «единственное ныне образованное сословие русского или русинского народа в Царстве Польском» как «последний оплот его самобытного развития»¹⁷⁶. В марте Черкасский получил жалобу греко-униатского священника Кржешовского прихода Якова Крипякевича на неопределенное положение священников и преподававших в бывших приходских школах церковных дьяков после передачи попечения над народными училищами гминным войтам в соответствии с указами 30 августа (11 сентября) 1864 г. Черкасский обратился к Витте с предложением не отстранять униатское духовенство наряду с католическим от попечения над школами для крестьян, указав на его более лояльное отношение к российским властям во время восстания. В том же отзыве он предложил отказаться от распоряжения Витте о приглашении к занятию учительских должностей русских православного исповедания, чтобы не давать лишний повод к «ложным», «и без того распространенным» слухам о планах перевести униатов в православие¹⁷⁷. Наибольшие опасения вызывала перспектива преподавания униатам Закона Божьего православными учителями. О единстве позиции Черкасского с наместником в униатском вопросе в это время свидетельствует положительная характеристика его политики в отношении греко-униатского (и католического) духовенства, как «оставлявшей епископам время на размышление», в одном из писем Ф.Ф. Берга Александру II¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Отзыв В.А. Черкасского на имя Ф.Ф. Витте // ОР РГБ. К. 31. Д. 2. Л. 1 об. – 2.

¹⁷⁷ Отпуск с отношения Ф.Ф. Витте 27 марта 1865 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1471. Л. 57 об. – 58 об.

¹⁷⁸ F. Berg à Alexandre II. Varsovie, 26 mars / 7 avril 1865 // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 264. Л. 39 об.

Надежды Черкасского на сотрудничество униатского духовенства быстро вошли в противоречие с действительностью¹⁷⁹. В одном из первых обращений к нему по делу образования для униатов чиновники Комиссии народного просвещения уже требовали применения административных мер к духовенству: в конце февраля Витте передал прошение руководителя Люблинской дирекции заменить, в связи с основанием народного училища, священника в Люблине «более энергичным и более преданным интересам своей церкви, потому что теперешний священник вовсе не интересуется тем, чтобы вести и образовать своих прихожан в духе греко-униатской церкви»¹⁸⁰. В ответном отзыве на запрос Черкасского об униатском духовенстве в школах Витте привел общее мнение чиновников ведомства народного просвещения. Он отметил, что назначенные в греко-униатский край директора¹⁸¹ «знают превосходно малороссийское наречие», и мнение их о перспективе сотрудничества с униатским духовенством было удручающим:

«Греко-униатское духовенство, по большей части, до того окатоличилось и ополячилось, что нисколько не сочувствует образованию народа в национальном духе. Греко-униатская семинария в Холме сильно пропитана польским духом. Профессоры, даже те, которые хлопчут, по крайней мере на словах, о народности, иначе не говорят, как по-польски. Жены их вовсе не знают по-русски. Две из них даже католички; дочери епископа перешли в католичество; сельское духовенство тоже не знает русского языка. В Седлецкой дирекции греко-униатские священники силились доказать директору, что малороссийское наречие принадлежит к одному из видов польского простонаречия и потому считают обучение

¹⁷⁹ Позиция по большей части польскоязычного униатского духовенства Холмской епархии наиболее полно представлена в: *Bańkowski E.* Op. cit; *Glinka L.* Op. cit.

¹⁸⁰ Отношение главного директора, пред. в Пр. комиссии народного просвещения. 27 февр. 1865 // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1470. Л. 14.

¹⁸¹ Руководителями Холмской и Седлецкой дирекций были назначены Ф.Г. Лебединцев и Е.М. Крыжановский.

единственно возможным только на польском языке, так как «язык русский» (т.е. малороссийское наречие) не имеет ничего общего с языком «российским или московским». Греко-униатских школ, как сообщают далее директора, весьма мало и школы эти находятся в жалком состоянии; преподавание в них велось по сие время на польском языке; учителя дьячки, воспитанные в греко-униатской школе дьячков, не знают по-русски, так как в этой школе знание польского языка решительно преобладает над знанием русского»¹⁸².

Донесения директоров привели Витте к однозначному выводу: «При распространении просвещения в духе русской национальности невозможно положиться на одно греко-униатское духовенство и на учителей дьячков». Именно для замещения потенциально нелояльных, получивших польское образование учителей из среды местного духовенства Витте подготовился приглашать учителей из империи, хотя и оговорился, что в случае наличия благонадежных униатов им должно быть дано преимущество. Слухи же о переводе в православие, по его словам, начали распространяться в народе задолго до вызова учителей¹⁸³.

Ф.Ф. Витте пригласил руководителей Холмской, Люблинской и Седлецкой учебных дирекций на особое совещание в его квартире 28 мая (9 июня) по вопросу устройства униатских начальных училищ. Там был сформулирован общий взгляд российской бюрократии в Варшаве на униатское население Царства, который совершенно отрицал его субъектность, что бросалось в глаза на контрасте с отношением тех же чиновников к польским крестьянам:

«Во-первых, это население, слишком подавленное польско-католическим влиянием, очень бедно, и потому не в состоянии само дать средства к своему образованию, во-вторых, низведенное этим же влиянием

¹⁸² Отношение главного директора, пред. в Пр. комиссии народного просвещения 14 апреля 1865 // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1471. Л. 63–64.

¹⁸³ Там же. Л. 64–64 об.

на степень крайнего невежества, оно может представить из среды своей весьма мало лиц, способных заняться его образованием, и в-третьих, ослабленное долговременным насильным действием этого влияния, оно легко увлекается им, и потому требует бдительного надзора за духом и направлением его образования»¹⁸⁴.

Из-за бедности униатского населения было решено вместо ссуды на строительство и капитальный ремонт училищ, доступной во всех местностях Царства по запросу гмины или сельского общества, выдавать безвозмездное пособие. Впоследствии финансовая помощь униатским училищам была значительно увеличена на основании высочайшего указа от 14 (26) августа 1865 г. В бюджете Комиссии народного просвещения на 1866 г. было выделено 49 813 руб. 70 коп. на строительство новых и ремонт старых зданий униатских школ. Кроме того, Административный совет Царства учредил фонд в 100 тыс. руб. для пособий униатским училищам¹⁸⁵. Из-за сопротивления В.А. Черкасского приглашению православных учителей из империи, предпочтение было отдано кандидатам «из галицийских униатов». Главным критерием для отбора учителей стали не «педагогическая подготовка и способность к делу» кандидатов, а их «религиозно-национальная близость к тем, кого они будут учить», и знание русского языка или их «природного наречия». Назначение учителей было выведено из-под контроля гминных управлений и стало производиться по соглашению начальников учебных дирекций с греко-униатским управлением Комиссии внутренних и духовных дел¹⁸⁶.

Изменилась оценка роли духовенства в планируемой политике воспитания униатов «в духе русской национальности»:

¹⁸⁴ Отношение главного директора, пред. в Пр. комиссии народного просвещения. 5 июля 1865 // там же. Л. 67 об.

¹⁸⁵ *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 105.

¹⁸⁶ Отношение главного директора. 5 июля 1865 // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1471. Л. 68–69 об.; Постановления Учредительного комитета. Т. IV. Экстр. Журн. Ст. 41. О мерах к устройству греко-униатских училищ. С. 546–561.

«Недавно минувшие печальные события в Царстве и наблюдения над настоящим состоянием греко-униатского духовенства не оставляют никакого сомнения в том, что много из его членов пропитаны польско-католическим духом и враждебно смотрят на распространение в греко-униатском населении образования в русском духе и на русских началах; тем не менее в среде униатских священников есть и могут найтись и такие, которые преданы интересам правительства, чистоте своего исповедания и пользам своей народности, которым поэтому можно доверить ближайшее заведывание училищами, под надзором и контролем начальников учебных дирекций»¹⁸⁷.

В итоге была принята позиция Черкасского, сохранявшего стремление к сотрудничеству с лояльными священниками, и в униатских школах, по аналогии с немецкими школами-канторатами, для них были учреждены должности блюстителя и законоучителя, то есть фактически было сохранено попечительство духовенства¹⁸⁸.

При обустройстве новых училищ в 1865 г. русские чиновники столкнулись с первыми случаями пассивного сопротивления униатов преподаванию на русском языке (под русским языком российские чиновники в Польше понимали как литературный язык, так и местное русинское наречие). Наиболее громкое разбирательство вызвало обнаружение в городе Межиречье частной школы с преподаванием на польском языке. Преподавание на дому организовали местные греко-униатские крестьяне, не пожелавшие отдавать детей в одно из двух учрежденных властями училищ с преподаванием на русском языке. 3 (15) декабря школа, в которой было обнаружено 19 мещанских детей, была закрыта директором училищ Седлецкой дирекции Е.М. Крыжановским¹⁸⁹ в

¹⁸⁷ Отношение главного директора. 5 июля 1865 // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1471. Л. 71 об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 70–73; Постановления Учредительного комитета. Т. IV. Экстр. Журн. Ст. 41. О мерах к устройству греко-униатских училищ. С. 552–555, 558–560.

¹⁸⁹ О деятельности Е.М. Крыжановского см.: Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах. С. 104–147.

присутствии бургомистра и начальника уездного жандармского управления. Допросив крестьян, жандармы начали искать источники польского влияния на них. Одним из главных подозреваемых, хотя и без достаточных доказательств, был местный священник Горошевич, о котором говорили, что он с гордостью называл себя поляком¹⁹⁰. Расследование было прекращено после того, как священник, чтобы отвести от себя подозрения, предложил выделить часть церковной земли под постройку дома для униатского училища, а запуганные крестьяне передали Крыжановскому расписку в том, что «будут строго исполнять все правительственные постановления относительно начальных училищ и детей своих посылать единственно в существующее для них униатское училище»¹⁹¹.

Тот же бескомпромиссно патерналистский взгляд, отрицавший субъектность считавшихся русскими униатов, демонстрирует жалоба руководителя Холмской дирекции Ф.Г. Лебединцева¹⁹² на отсутствие интереса мещан-униатов Щебржешина, которые составляли менее 5 % населения города, к образованию на русском языке. «Крайне бедные греко-униаты г. Щебржешина, мало сознавая самобытность своего происхождения и даже вероисповедания, *не в состоянии понять* желания правительства обособить их путем науки и воспитания от чужой и вредной им национальности (курсив мой — В.К.)», — писал Лебединцев в июне 1866 г. в донесении о ходе устройства русского училища¹⁹³.

Возможность компромиссной политики в отношении преподавания польского языка была отброшена изначально. В октябре 1865 г. ломжинский директор, приводя прошения крестьян об обучении детей польскому языку, который они употребляли для исповеди, предложил допустить

¹⁹⁰ Копия с рапорта начальника жандармского управления Радзинского уезда 4 декабря 1865 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1471. Л. 130–131 об.

¹⁹¹ Отношение директора училищ Седлецкой учебной дирекции 21 декабря 1865 г. / 2 января 1866 г. // там же. Л. 132 об. – 133.

¹⁹² См.: Суляк С.Г. Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине. С. 35–108.

¹⁹³ Отношение начальника Холмской учебной дирекции 1/13 июня 1866 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1471. Л. 171–171 об.

преподавание польского языка в униатских училищах вместе с русским. Он указал в донесении, что польский язык стал основным для местных крестьян как в общественной, так и в частной жизни. При этом как католическое, так и униатское население этого приграничного с империей региона на северо-востоке Царства Польского он считал белорусским. Витте предложение категорически отверг из опасения, что, даже если допустить преподавание польского в униатских школах только для желающих, впоследствии будет невозможно уследить, «чтобы он окончательно не сделался главным предметом». В ответ на указание крестьян на необходимость знания польского языка для исповеди он предложил Черкасскому обязать священников «употреблять при исповеди непременно русский язык»¹⁹⁴. Привитие русского образования униатам быстро оказалось невозможным без прямого административного давления на духовенство, и уже в последние месяцы 1865 г. Черкасский занялся введением русского языка в богослужение.

Черкасский поддержал мнение Витте насчет униатских школ, и они оба, исходя из невозможности преподавания Закона Божия для католиков по-русски, согласились сохранить изучение польского языка в школах для белорусов-католиков, при условии, что оно будет проводиться по подготовившимся в это время к изданию кириллическим букварям¹⁹⁵. Определив католическое и по большей части польскоязычное население на пространстве смешанного проживания униатов и католиков в северо-восточной части Царства (от города Августова до Гродно) как белорусов, российские чиновники столкнулись здесь с той же проблемой балансирования между желанием включить в русскую нацию считавшихся русскими католиков-белорусов и страхом перед католическим прозелитизмом, что и в Северо-Западном крае. Однако там, в силу более

¹⁹⁴ Отношение главного директора пред. в Пр. комиссии народного просвещения 26 октября 1865 // там же. Л. 134–135.

¹⁹⁵ Отношение Главного директора пред. в Пр. комиссии в. и д. дел 26 января 1866 // там же. Л. 136–137.

жесткого административного давления, преподавание Закона Божия на русском языке детям из католических семей было введено в народных училищах уже с 1865/66 учебного года, а впоследствии была предпринята попытка и перевода католического богослужения на русский язык¹⁹⁶. В Царстве же принятие таких мер не считалось возможным без нарушения главных принципов политики в отношении крестьян после реформы 1864 г. Даже когда в 1880-е годы попечитель Варшавского учебного округа А.Л. Апухтин ввел преподавание на русском в начальные школы в Привислинском крае, преподавание Закона Божия было сохранено на польском языке¹⁹⁷. На ту же непоследовательность в определении русскости католического населения Холмщины указывал епископ Михаил Куземский в 1868 г., когда польская проповедь в униатских храмах уже была под запретом: «Почему правительство, приказуя ввести язык русский в проповедех по церквам, не приказало современно ввести тот же язык русский и в проповедех по костелам, рассеянным на той же самой издревле русской земле? Такой приказ послужил бы, по моему убеждению, самым лучшим способом к возвращению златинизованных прихожан воопять на русску народность, русским же сфанатизованным заполонизмом отняло бы охоту бегать за польскою речею в костели¹⁹⁸».

В 1865–1866 гг. Черкасский еще не думал действовать прямыми директивами и запретами. 27 ноября (9 декабря) 1865 г. он добился у наместника выделения 1000 руб. серебром на единовременные премии первым священникам, которые перейдут на употребление русского или малорусского наречия в проповеди. Как показало расследование, проведенное в конце января 1866 г. подполковником Генерального штаба М.Е. Врангелем, местным военным начальникам пожелания Черкасского о

¹⁹⁶ Сталюнас Д. Указ. соч. С. 217–234; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 458–529, 602–708.

¹⁹⁷ Рольф М. Указ. соч. С. 138.

¹⁹⁸ Епископ Куземский С.С. Громеке. 30 ноября 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 6. Л. 18–18 об.

стимулировании русской проповеди были спущены в виде прямой директивы «как можно более склонять священников говорить проповеди на русинском наречии»¹⁹⁹. Ряд офицеров, собрав всех священников своего участка, передали им пожелания властей напрямую, что привело к протесту заметной части духовенства в регионе Подлясье, где епископ Калининский пользовался наибольшей поддержкой и имел много родственников и близких знакомых священников.

Оказалось, что, несмотря на все усилия В.А. Черкасского, пытавшегося воспроизвести в Царстве Польском сценарий отмены унии в империи, в 1860-е гг. было невозможно повторить ситуацию 1830-х. В империи начало кампании по «воссоединению» униатов с православием было положено в 1827 г., когда униатский священник Иосиф Семашко, вдохновленный действиями властей по ограждению униатской церкви от влияния римско-католического духовенства и опиравшийся на поддержку Главного управления духовных дел иностранных исповеданий в Петербурге, представил записку, в которой сформулировал программу сближения униатской церкви с православием. На протяжении следующих лет Семашко, в 1833 г. назначенный епископом Литовским (одной из двух униатских епархий в империи), работал в тесном сотрудничестве с министром внутренних дел Д.Н. Блудовым. Семашко активно поддерживал сторонников сближения с православием в среде униатского духовенства, а Блудов следил за тем, чтобы вовлечение правительства во внутренние дела униатской церкви не было раскрыто раньше времени. Власти начали действовать открыто в 1834 г., когда была проведена обрядовая реформа, в рамках которой из униатских церквей были вынесены органы и скамьи, а перед алтарями стали возводиться иконостасы по образцу православных церквей. При этом власти пошли на ликвидацию униатской церкви только после того, как в 1838 г. скончались два главных противника

¹⁹⁹ Рапорт Генерального штаба подполковника барона Врангеля 27 января 1866 г. // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 594. Л. 4.

«воссоединения»: митрополит Иосафат Булгак и епископ викарий Иосафат Жарский. По собственному признанию Иосифа Семашко, «воссоединение» 1839 г. было совершено «иерархическим образом, а не миссионерством»²⁰⁰ — в результате официального запроса от него к Святейшему синоду о принятии униатов в православие. Сопrotивление немногочисленных протестовавших священников было сломлено военной силой, но акт «воссоединения» при этом не вызвал масштабных столкновений с властями²⁰¹.

В Царстве Польском возможность для проведения такой политики была упущена уже в 1863 г. (т.е. до назначения В.А. Черкасского), когда епископ Иоанн Калинин подавил сопротивление сторонников очищения обряда внутри Холмской епархии, которых возглавлял Иосиф Войцицкий. Черкасский добился восстановления Войцицкого в звании протоиерея и профессора Холмской семинарии²⁰², однако влияние сторонников очищения обряда уже было подорвано назначениями, произведенными епископом Калинским. Прямое бюрократическое вмешательство Черкасского во внутренние дела церкви вызывало сопротивление части духовенства и заметно отличалось от осторожной манеры действий Блудова в начале 1830-х. Наконец самое наличие опыта ликвидации унии в 1839 г. делало невозможным его повторение. Епископ Калинин использовал страх перед насильственным обращением униатов для мобилизации своих сторонников²⁰³. Любое прямое давление властей с целью реформирования обряда или введения русского языка в литургию воспринималось греко-униатским духовенством как подготовка обращения в православие.

Барон Врангель, руководивший расследованием случаев сопротивления священников действиям военных начальников,

²⁰⁰ Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 75.

²⁰¹ Werth P.W. Op. cit. P. 145–162.

²⁰² Батюшков П.Н. Указ. соч. С. 182.

²⁰³ Записка о сущности добытых следственною комиссией фактов // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 8. Л. 19–19 об.; Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах. С. 121–122.

рекомендовал в условиях открытого конфликта «не слишком настаивать в течение некоторого времени на вопросе о проповеди в Холмской епархии на русском или малорусском наречии»²⁰⁴. Черкасский воспринял рапорт Врангеля как совместную с наместником атаку на его образ ведения греко-униатских дел и протестовал против предложения Берга дать Врангелю губернаторскую должность. Вместо него в учреждаемую в рамках административной реформы Милютина Седлецкую губернию (официально учреждена 1 января 1867 г.), включавшую в себя все Подлясье, где возникло сопротивление униатского духовенства, был назначен С.С. Громека — доверенный человек Черкасского и Милютина²⁰⁵.

Весной 1866 г. Черкасский усилил давление на клир. В апреле всем униатским священникам были разосланы изданные в Галиции тексты проповедей священника из Перемышля А.М. Добрянского. Большинство подляских священников отказались принимать проповеди, сначала прямо выразив протест против вмешательства гражданской власти в духовные дела, а после повторной отправки книг Громекой сослались на незнание русского языка²⁰⁶. Из личных бесед с крестьянами Громека заключил, что большинство из них желало проповедей на местном наречии, но под влиянием священников боялось быть обращенными в православие²⁰⁷. Наконец 11 мая 1866 г. Черкасский издал циркуляр с требованием вернуть в унию «незаконно совращенных в латинство». Готовые к самым радикальным экспериментам по трансформации польской национальной идентичности, последователи Милютина в Царстве сохраняли абсолютно примордиалистский взгляд на русскую нацию. Даже обратившиеся в

²⁰⁴ Рапорт барона Врангеля 27 января 1866 г. // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 594. Л. 4 об. – 5.

²⁰⁵ Князь Милютину 31 января / 11 февраля 1866 г. Варшава // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Д. 1. Л. 44–45; Князь Милютину 6/18 февраля 1866 г. Варшава // там же. Л. 51–52. Позднее в том же году М.Е. Врангель получил назначение на должность губернатора Плоцкой губернии на границе с Пруссией (*Górak A., Latawiec K.* Op. cit. P. 247–249).

²⁰⁶ Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах. С. 122.

²⁰⁷ Отношение седлецкого временного гражданского губернатора 28 мая 1866 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1552. Л. 7 об.

католичество и полностью перешедшие на польский язык бывшие униаты виделись им еще одной испорченной польским влиянием частью русского народа, чье возвращение к национальной жизни они поставили себе задачей вне зависимости от их желаний.

«Если же, несмотря на то что бывшее польское правительство считало себя в праве преследовать между русскими их родной язык и навязывать им даже в богослужении и проповеди язык польский, то с тем большим основанием правительство русское, овладев бывшим Польским королевством, имеет право требовать, чтобы по крайней мере русский народ возвратился бы неуклонно к своему русскому языку»²⁰⁸, — так это националистическое видение униатского вопроса выразил С.С. Громека в письме Холмскому епископу в 1868 г.

Столкновение с коллективным сопротивлением подляского духовенства заставило Черкасского приостановить давление и занять выжидательную позицию по вопросам о русских проповедях, обрядах и возвращении в унию²⁰⁹. Он начал готовить удаление епископа-номината²¹⁰ Калинского от управления епархией. 18/30 июня 1866 г., вслед за аналогичным распоряжением по римско-католическому духовенству, был принят указ «О светском греко-униатском духовенстве», ограничивавший власть епископа и назначавший униатским священникам государственные пенсии вместо традиционных способов пополнения церковной казны²¹¹.

²⁰⁸ Конфиденциальное письмо С.С. Громеки епископу от 16 ноября 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 6. Л. 12 об.

²⁰⁹ Отношение главного директора пр. в Правительственной комиссии вн. и д. дел. 9 июня 1866 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1552. Л. 11–12.

²¹⁰ Иоанн Калинский несколько раз обращался к властям с просьбой, но так и не получил разрешения выехать в Галицию для посвящения в сан епископа от митрополита Литвиновича, в результате чего оставался в звании епископа-номината — т.е. не рукоположенного. В частности, письмо Калинского с такой просьбой находится в: Епископ Калинский В.А. Черкасскому 21 ноября / 3 декабря 1864 г. Холм // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1512. Л. 15–15 об.

²¹¹ *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 95–97

Российские власти с 1863 г.²¹² пытались найти подходящего кандидата из русинского духовенства в Галиции для занятия епископской кафедры в Холме вместо Калинского, однако столкнулось с оппозицией в лице митрополита Львовского Спиридона Литвиновича, желавшего отправить в Холм выбранного им человека²¹³. Потеряв надежду получить из Галиции кандидата, который бы в равной мере устроил Санкт-Петербург и Рим, Черкасский через православного архиепископа Варшавского Иоанникия связался с Иосифом Войцицким, который возглавлял до прихода к власти Калинского партию сторонников очищения обрядов. После консультации с Антонием Зубко, бывшим минским архиепископом и близким сподвижником Иосифа Семашко во время ликвидации унии в империи, Войцицкому, при предварительном условии, что он введет в проповеди русский язык, займется очищением обрядов и не будет препятствовать устройству в епархии священников из Галиции, было обещано место председателя консистории. После удаления Калинского управление епархией должно было быть передано коллегиальной консисторской власти²¹⁴. Прецедент назначения управления консистории светской властью в отсутствие епископа был найден в указе Екатерины II от 2 (14) июля 1780 г. об управлении Полоцкой униатской епархией по удалении архиепископа Ясона Смогоржевского²¹⁵.

Ночью 11 (23) сентября 1866 г. 67-летний Иоанн Калинский был арестован в епископском дворце и отправлен в ссылку в Вятку. Через два дня по прибытии на место ссылки епископ скончался²¹⁶. Власть в епархии

²¹² Письмо Б.А. Дедицкого 1/13 августа 1866 г. Львов // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1512. Л. 172 об.

²¹³ М.Ф. Раевский В.А. Черкасскому 23 декабря 1864. Вена // там же. Л. 17–17 об.; [Крыжановский Е.М.] Князь В.А. Черкасский и холмские греко-унияты. Вып. I. Варшава, 1879. С. 35.

²¹⁴ Докладная записка наместнику в Царстве Польском 30 июня / 12 июля 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 34. Д. 5. Л. 6–10.

²¹⁵ Докладная записка наместнику в Царстве Польском 28 июля / 9 августа 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 34. Д. 13. Л. 2 об.

²¹⁶ *Glinka L.* Op. cit. P. 51; *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 98.

была сосредоточена в руках Войцицкого, согласившегося подчиняться воле властей.

Протест подлясского духовенства возобновился после отъезда В.А. Черкасского из Варшавы. Распространился слух о его удалении «за слишком суровое обращение с униатскими священниками и вообще за неправильные будто бы действия его по униатским делам»²¹⁷. В начале 1867 г. до 50 из 220 священников Холмской епархии подписали письма с протестом против неутвержденного папой консисторского режима управления²¹⁸. Однако националистическая политика Черкасского была продолжена седлецким губернатором С.С. Громекой, который прямо с ним консультировался по крайней мере до 1869 г. — что отразилось в документах архивного фонда князя Черкасского в ОР РГБ. На этот раз требование Громеки примерно наказать подписавших протест не было удовлетворено, и дело «расплылось», в соответствии с пожеланием наместника Ф.Ф. Берга — пятеро не отказавшихся от протеста священников были переведены в приходы в других губерниях Царства²¹⁹.

Консистерия и российские власти пошли на возобновление эскалации в марте 1867 г. И. Войцицкий издал от имени консистории окружное послание, запрещавшее священникам употреблять «чуждую польскую речь» при любом общении с народом и требовавшее немедленного отказа от игры на органах и исполнения польских молитв — «годзинок, рожанцев и всяких календ»²²⁰. Впоследствии С.С. Громека объяснял непримиримую позицию русских чиновников-националистов тем, что сопротивление униатских священников русской проповеди заставляло их усилить давление в вопросе обрядов, которые теперь воспринимались ими исключительно как

²¹⁷ Записка о добытых следственною комиссией фактах // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 8. Л. 20 об. — 21.

²¹⁸ Отношение Гр. Берга Д.Н. Набокову 14 февраля 1867 г. // там же. Л. 3–3 об.

²¹⁹ С.С. Громека князю В.А. Черкасскому 5 апреля 1867 года. Седлец // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 4. Л. 5–6, 9.

²²⁰ Послание Холмской епархиальной консистории 11 марта 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 3. Л. 4–4 об.

«орудия ополячивания», мешавшие русификации униатов²²¹. Послание было проигнорировано большинством подляских священников. Агрессивное наступление на обряды вызвало сопротивление прихожан. Первые столкновения с полицией из-за органов и молитв произошли в мае. Громека выдвинул подляскому духовенству ультиматум немедленно начать исполнять все последние распоряжения властей, включая постановление о возвращении «сверженных» в католичество с 23 июля (4 августа). При этом он переложил обязанность составлять списки неправильно перешедших в латинство с римско-католических священников, что изначально предполагал указ Черкасского, на униатских священников и войтов гмин²²². Тогда же наместник согласился с его предложением замещать непокорных священников приглашаемыми из Галиции священниками русофильских взглядов, для чего Войцицким был немедленно подготовлен список из согласившихся на переезд в Россию 30 кандидатов²²³.

Для усмирения не подчинившихся приходов были применены военные части. Появились первые жертвы. В местечке Коден крестьянин был убит казачьей пикой. В Пищаце младенец погиб на руках матери, стоявшей в толпе протестующих, от удара ногой. В ряде мест были назначены крупные штрафы и экзекуции. Арестованных отправляли в тюрьмы Седльце и Варшавы, несколько крестьян было выслано из Царства.

²²¹ Конфиденциальное письмо С.С. Громеки епископу 16 ноября 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 6. Л. 11 об. – 12.

²²² Отрывки из отчета за 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 5. Л. 38 об.; Отношение седлецкого губернатора управляющему греко-униатскими делами, май 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 8. Л. 36.

²²³ Докладная записка упр. делами гр.-униатского исповедания 12/24 июля 1867 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1512. Л. 202–203; Отношение председателя Холмской епархиальной консистории 21 июля 1867 г. // там же. Л. 208–210; Отрывок рапорта, приложенного к письму Ф.Ф. Берга Александру II от 4/16 октября 1867 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 270. Л. 51–54. К концу 1874 г. число выходцев из Галиции в Холмской епархии было доведено до 102 из 253 священников: Администратор Холмской епархии начальнику Варшавского жандармского округа 2 декабря 1874 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1552. Л. 60 об.

Под надзором военных был организован вынос органов из сельских приходов. Применение военных частей под личным контролем Громеки продолжилось и в начале 1868 г.²²⁴ По подсчетам Я. Левандовского, в 1867–1868 гг. репрессии затронули 18 униатских приходов Седлецкой губернии²²⁵.

Подобно тому, как А. Велёпольский, узнав о начале восстания, в январе 1863 г. радовался тому, что «язва лопнула»²²⁶, Громека видел в польской конспирации бóльшую угрозу, чем в открытой конфронтации с униатами. После подавления открытого сопротивления в Подлясье он написал в отчете губернатора за 1867 г.: «Волнение это имело свои полезные стороны и было во всяком случае лучше тайной подземной интриги, с которой безуспешно боролось пред тем правительство целые два года сряду. В открытых волнениях и препирательствах униатский народ впервые имел случай говорить с русскими властями о сокровеннейших предметах своей совести и обнажить пред ними весь запас недоразумений и заблуждений, накопившихся в ней под влиянием трехвекового, непрерывного гнета польско-латинской пропаганды²²⁷». Примечательно, как в данном случае Громека апеллировал к субъектности униатов и тут же ее отбросил, указав на польскую пропаганду как на единственную причину недоразумений.

С протестом против конфронтационной политики Громеки — «варварских гонений за веру» и разорения селений штрафами — выступил командовавший 8-й пехотной дивизией генерал А.Ф. Эггер. Однако несмотря на критику действия Громеки были поддержаны Бергом и Александром II. На их мнение о необходимости проведения в униатском вопросе политики твердой руки повлияло появление в адресе протестующих униатских священников к императору от 18 (30) декабря

²²⁴ *Groniowski K.* Realizacja reform. S. 68–70; *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 107–108.

²²⁵ *Ibid.* S. 108.

²²⁶ [*Przyborowski W.*] Dzieje 1863 roku. T. 1. Kraków, 1897. S. 137.

²²⁷ Отрывки из отчета за 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 5. Л. 11 об. – 12.

1867 г. требования вернуть польский язык не только в проповеди, но и в народных школах²²⁸.

Деэскалация наступила в конце 1868 г., когда Петербургу удалось согласовать с папой Пием IX²²⁹ приглашение на епископскую кафедру в Холм Михаила Куземского, видного деятеля «святоюрской» партии русинского духовенства, которая отстаивала непольский характер униатской церкви и русинского населения в Галиции с 1848 г.²³⁰ Куземский попытался успокоить волнения прихожан, пойдя на частичные уступки в вопросе языка и обряда. Он, однако, был вынужден отказаться от идеи провести расследование, чтобы установить, в каких приходах с исключительно польскоязычным населением можно было бы временно вернуть проповедь на польском языке, когда С.С. Громека прямо указал ему, что «правительство [...] смотрит на вопрос о восстановлении русского языка среди ополяченного русского населения как на дело чисто гражданское, принадлежащее исключительно к области государственной»²³¹. Куземский подтвердил запрет на органы и польские молитвы в униатских церквях, но отказался упразднить без созыва собора оставшиеся элементы, отличавшие униатский обряд от православного, наиболее заметными из которых были использование во время служб колокольчиков и монстранций. Куземский рекомендовал действовать в деполонизации края — «восстановления руцини (русскости — *В.К.*)» — медленнее и с большей осторожностью. При этом он указал на эксцессы борьбы за очищения обряда в Галиции, которые привели к массовому

²²⁸ С.С. Громека к В.А. Черкасскому 6 апреля 1868 г. Седльце // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 4. Л. 18; *Groniowski K.* Realizacja reformy. S. 69; *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 108.

²²⁹ О переговорах между Римом и Санкт-Петербургом см.: *Glinka L.* Op. cit. P. 57–65.

²³⁰ О деятельности святоюрской партии в Галиции см., в частности: *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 33–55; *Вендланд А.В.* Указ. соч.; *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів, 2003; Головна Руська Рада (1848–1851): протоколи засідань і книга кореспонденції / За ред. О. Турія. Львів, 2002.

²³¹ Конфиденциальное письмо С.С. Громеки епископу 16 ноября 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 6. Л. 12.

обращению жителей отдельных местностей в католичество в 1860–1863 гг.²³² Кроме того у Куземского возник конфликт с рядом приглашенных из Галиции священников из-за их слишком явных симпатий к православию, которые часто провоцировали и их конфликты с прихожанами.

Позиция Куземского, как и все предыдущие попытки указать на необходимость более осторожной политики в униатском вопросе, была воспринята Громекой как афронт властям и спровоцировала конфликт между губернатором и епископом, закончившийся отставкой последнего в 1871 г. Однако до этого времени прямое вмешательство властей в церковные дела было приостановлено по постановлению наместника, принятому после занятия Куземским епископской кафедры²³³.

В этот период затишья в борьбе за обряды власти предприняли объезд униатских гмин с целью оценки настроений населения. Поводом к тому послужило письмо с жалобой на вредное влияние, которое писари-поляки оказывают на гминные управления и отношение крестьян к новым священникам из Галиции, министру народного просвещения Д.А. Толстому²³⁴. Местные власти в Царстве давно объясняли униатскую оппозицию польской интригой. В 1867 г. по требованию Громеки за связи с протестовавшими униатскими священниками была упразднена Подлясская католическая епархия²³⁵. После ликвидации унии в 1875 г. дело и вовсе дойдет до закрытия католических костелов в местах, населенных в

²³² Епископ Куземский С.С. Громеке 30 ноября 1868 г. // там же. Л. 19 об., 21. Об обрядовом движении в Галиции см.: *Вендланд А.В.* Указ. соч. С. 135–147.

²³³ Циркуляр наместника от 31 октября / 12 ноября 1868 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1552. Л. 16–17.

²³⁴ После объезда Царства Польского в 1868 г. Д.А. Толстой, взявший в свои руки направление национальной политики в Царстве, добился от наместника передачи ведомства греко-униатских дел из упраздняемой Комиссии внутренних и духовных дел в Министерство народного просвещения (Д.А. Толстой Ф.Ф. Бергу 16 ноября 1868 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 273. Л. 269–274 об.).

²³⁵ Отношение седлецкого губернатора управляющему гр.-униатскими делами 26 марта 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 52. Д. 8. Л. 26 об. – 29.

большинстве греко-униатами²³⁶. Однако в начале 1870 г. все губернаторы указали, что на крестьян вредное влияние главным образом оказывают не писари-поляки, а местные униатские священники. Так, сувалкский губернатор С.Е. Головин писал, что они, «вследствие усиленных настояний местного начальства, хотя и начали говорить по-русски проповеди в церквях, но в частной жизни до сих пор в сношениях с народом и даже на исповеди употребляют исключительно польское наречие»²³⁷. Ответ люблинского губернатора М.А. Буцковского был более оптимистичным: «Многие из священников вместо прежней преданности латинству пришли к ясному сознанию своей народности и внесли уже употребление русского языка в свою семью и вообще в частную жизнь»²³⁸. Наблюдение за местами проживания униатов в Люблинской губернии, где был расположен и центр епархии г. Холм, в 1870 г., как и в 1867 г., не обнаружило там волнений против российских властей или священников из Галиции²³⁹.

Чиновник особых поручений по делам греко-униатского исповедания при МНП Ф.Ф. Кокошкин по объезде униатских местностей в Люблинской и Седлецкой губерниях отметил, что власти смогли обеспечить запрет польской проповеди в церквях: там, где священники не могли или не хотели вести катехизации и проповеди на местном наречии, они не проводились вовсе. Вместе с тем он подтвердил выводы губернаторов, что власти не способны одним административным давлением вытеснить польский язык из частной жизни как священников, так их прихожан:

²³⁶ ДДДИИ в канцелярию министра внутренних дел. 8 декабря 1875 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1601. Л. 10; ДДДИИ в канцелярию министра внутренних дел. 18 декабря 1875 г. // там же. Л. 12. Всего в 1864–1905 гг. в Седлецкой и Люблинской губерниях было закрыто 33 костела и часовни, а в Сувалкской губернии ликвидировано два римско-католических прихода (*Szabaciuk A. Op. cit. S. 29–30*).

²³⁷ Учредительный комитет в Ц.П. гр. Толстому 9 января 1870 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1556. Л. 7 об. – 8.

²³⁸ Учредительный комитет в Ц.П. гр. Толстому 19 марта 1870 г. // там же. Л. 12 об.

²³⁹ Отрывок рапорта, приложенного к письму Ф.Ф. Берга Александру II 4/16 октября 1867 г. // ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 270. Л. 52 об. – 53; Ф.Ф. Кокошкин О.С. Сидорскому 17 апреля 1870 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1556. Л. 22 об.

«Господство польского языка пустило слишком глубокие корни во всех сферах местного общежития, чтобы он легко мог уступить место языку русскому. Не говоря уже об униатском духовенстве, оно проникло и в среду сельского русского населения, которое привыкло во всех сношениях, выходящих из круга семейной и домашней жизни, употреблять польский язык, а во многих местностях вполне усвоило его и в быту домашнем»²⁴⁰.

Кокошкин подтвердил и озвученную в рапортах губернаторов мысль о невозможности контроля за устным употреблением русского языка в гминных институтах, где и так уже было введено письменное русское делопроизводство. С гминных писарей были собраны подписки в соблюдении языковых постановлений. При этом, по его мнению, даже точное исполнение требования употребления русского языка не исключало бы потенциально вредного влияния поляков на униатов, а его полного искоренения следует ждать от замещения поляков местными благонадежными уроженцами, воспитанными в народных училищах — на приглашение русских чиновников при низком жалованье писарей надеяться не приходилось. Попыткой контроля за употреблением местного наречия в частной жизни священников было предписание епископа Куземского требовать от приходских священников информации о том, какой язык используется ими в быту при аттестациях²⁴¹.

Отношение властей к польским писарям в гминных канцеляриях кардинальным образом изменилось накануне перевода униатов в православие. В январе 1875 г. был одобрен запрос С.С. Громеки на выделение 5 тыс. руб. на повышение жалованья для писарей православного или униатского исповедания²⁴², которые согласились бы занять места польских писарей в Седлецкой губернии. В 1875 г. польские писари были

²⁴⁰ Там же. Л. 17, 18 об. – 19.

²⁴¹ Там же. Л. 19 об. – 21 об.

²⁴² Отношение министра финансов министру внутренних дел. 7 января 1875 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1598. Л. 4 об.

заменены лицами русского происхождения в 41 из 100 униатских гмин²⁴³. В последующие несколько лет (до 1879 г.) деньги выделялись для замещения польских писарей и в других губерниях, где проживали бывшие униаты.

Отрицание субъектности крестьян, чей протест связывался исключительно с вредным влиянием нелояльных священников и поляков, неизбежно вело к дальнейшей эскалации. Собранный в Петербурге в мае – июне 1872 г. Комитет по делам Холмской епархии, хотя и оговорился о том, что власти не должны принимать «насильственных мер к переводу греко-униатов в православие», подтвердил необходимость полного очищения обряда²⁴⁴. Обрядовая реформа готовилась новым администратором епархии Маркеллом Попелем, приглашенным в 1866 г. из Галиции священником, который возглавил епархию после отставки епископа Куземского в 1871 г.

Власти ожидали сопротивления: в инструкции, разосланной гражданским властям в местностях Холмской епархии накануне оглашения обрядовой реформы, было предусмотрено применение войск «в крайних случаях»²⁴⁵. В декабре 1873 – январе 1874 г. волнения вспыхнули в 31 приходе в Седлецкой губернии. В Дрелеве и Пратулине было применено оружие. По данным властей было убито 10 и тяжело ранено 24 крестьянина²⁴⁶. Критика, которую вызвали жесткие действия Громеки в Петербурге и со стороны нового варшавского генерал-губернатора П.Е. Коцебу, не привела к изменению политики, не в последнюю очередь из-за поддержки Громеки со стороны министра народного просвещения и обер-прокурора синода Д.А. Толстого. Александр II на полях донесения к нему шефа III отделения П.А. Шувалова о первых выстрелах в Дрелеве

²⁴³ Отношение варшавского генерал-губернатора министру внутренних дел. 4 марта 1876 г. // там же. Л. 15 об. – 16.

²⁴⁴ Журнал Комитета по греко-униат. делам от 5 июня 1872 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 34. Л. 7–9 об.

²⁴⁵ Инструкция гражданским властям 2 октября 1873 г. // там же. Л. 20 об. – 21.

²⁴⁶ Сведения о беспорядках, произошедших в Седлецкой губернии // там же. Л. 79–95 об. Описание событий в униатских местностях Подлясья в 1874–1875 гг. см. в: *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 115–119; *Weeks T.R.* The “End” of the Uniate Church. P. 32–39.

написал, что он «не очень доверяет» донесениям Громеки, но «необходимо прекратить беспорядки во что бы то ни стало»²⁴⁷.

Активное сопротивление униатских крестьян Подлясья было сломлено. Последовавший в 1875 г. перевод униатов в православие, по справедливому замечанию Т. Викса, был осуществлен без директивы от центральных властей, главным образом в результате давления седлецкого губернатора. К такому «решению» униатского вопроса вели, с одной стороны, логика эскалации конфликта, а с другой — характерная для правления Александра II необходимость угадывать администраторами на местах высочайшую волю²⁴⁸, редко выраженную прямо и исчерпывающе. У властей не осталось других средств для сохранения контроля над ситуацией кроме прямого насилия после того, как папа Пий IX издал 13 мая 1874 г. энциклику, осуждавшую обрядовую реформу и объявлявшую нелегитимной власть администратора Попеля²⁴⁹. В то же время сторонники проведения более осторожной политики в униатском вопросе на своем мнении не слишком настаивали и постоянно оглядывались на неясные указания императора. Во время пребывания в Варшаве в июне 1874 г. Александр II ответил на петиции крестьян с просьбами отменить часть репрессивных мер против униатской церкви официальным обращением к «искони русскому» греко-униатскому населению с требованием соблюдения очищенного от латинских влияний обряда²⁵⁰. В декабре, когда стали появляться первые инспирированные местными властями запросы об обращении в православие, Особое совещание по греко-униатским делам потребовало не настаивать на обращении униатов. При этом им было допущено, чтобы Святейший синод, как и в 1839 г., мог оставить

²⁴⁷ Всеподданейший доклад П.А. Шувалова 6 января 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 610. К. 1. Д. 9. Л. 3.

²⁴⁸ См.: Долбилов М.Д. Рождение императорских решений. С. 5–48.

²⁴⁹ *Glinka L.* Op. cit. P. 87–90; *Lewandowski J.* Na pograniczu. S. 116; *Weeks T.R.* The “End” of the Uniate Church. P. 35.

²⁵⁰ *Ibid.* P. 32.

переходящим в православие униатам часть их старых обрядов, создавая тем самым еще один стимул к обращению — оставшимся в униатской церкви сохранить обряды не позволялось²⁵¹. Администратор Холмской епархии Попель в декабре 1874 г. предостерегал, что «насильственное воссоединение униатов принесло бы громадную убыль православию переходом многих униатов в католицизм»²⁵², однако вместе с тем продемонстрировал готовность подчиниться любому решению властей, передав начальнику Варшавского жандармского округа информацию о количестве священников, потенциально готовых к переходу в православие²⁵³.

Весной 1875 г. в результате организованной Громекой и поддержанной Попелем петиционной кампании уния в Царстве Польском была упразднена «снизу». Возникла новая ситуация, когда униатское духовенство было уничтожено, но пассивное сопротивление крестьян — посещение католических костелов, отказ от исполнения треб, самоидентификация как католиков и т.п. — продолжалось в некоторых местностях Седлецкой губернии вплоть до провозглашения религиозных свобод в 1905 г., когда произошли массовые переходы бывших униатов в католичество. В результате последовательного проведения с 1865 г. конфронтационной националистической политики в отношении греко-униатов российские власти в Привислинском крае рядом с относительно лояльным польским крестьянством получили, по выражению польского историка А. Шабачука, «российский Ольстер» — зону острого религиозного конфликта между православием и католичеством²⁵⁴.

²⁵¹ Протокол Особого совещания от 8 декабря 1874 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 34. Л. 101.

²⁵² Администратор Холмской епархии министру народного просвещения 2 декабря 1874 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1552. Л. 58.

²⁵³ Администратор Холмской епархии начальнику Варшавского жандармского округа 2 декабря 1874 г. // Там же. Л. 60–60 об.

²⁵⁴ Szabaciuk A. Op. cit.

Выводы

Попытка оторвать крестьян от остальных слоев польского общества и выстроить между ними не только социальные, но и культурные барьеры, предпринятая в 1864–1866 гг. группой русских чиновников во главе с Н.А. Милютиным, В.А. Черкасским, Я.А. Соловьевым и А.Ф. Гильфердингом, показывает претензию либеральных бюрократов и части славянофилов на выполнение *mission civilisatrice* в российской Польше. Учредительный комитет не предпринял на практике мер к дальнейшему этнографическому делению польских крестьян. Роль главного культурного барьера между сословиями должна была играть новая кириллическая графика, которую российские чиновники начали использовать в школах для крестьян. Эти социальные и культурные барьеры выстраивались в качестве контуров для новой славянской польской нации в ее этнографических границах. Авторы политики «славянофильского эксперимента» старались исключить ассимиляцию литовцев и униатов поляками, поддерживая образование на литовском и местном русинском наречии.

Ассимиляторские интенции, периодически озвучиваемые русскими чиновниками, противоречили славянофильскому проекту. Они не позволили развивать проект в местностях смешанного проживания поляков с восточными славянами и литовцами. Вместе с тем они не привели к складыванию политической инфраструктуры, нацеленной на ассимиляцию поляков. Как и в Северо-Западном крае, все усилия были направлены на ассимиляцию тех, кого в рамках официальной идеологии и так считали русскими. Последующая русификация образования и администрации, как убедительно показал в своем исследовании М. Рольф, была нацелена преимущественно на унификацию с империей институтов Царства Польского и аккультурацию его населения. Отказ от попыток идеологически или культурно влиять на польских крестьян означал отказ российских чиновников от цивилизаторской миссии в Польше. Новый

политический курс в отношении крестьян Царства Польского был выдвинут министром народного просвещения Д.А. Толстым, который видел в чиновниках своего ведомства единственную силу, которая могла обеспечить лояльность и культурную связь с империей населения Польши. Возвращаясь к решению политических целей посредством образования, Д.А. Толстой прекратил политику, нацеленную на изменение польской национальной идентичности, сложившейся в рамках исторической традиции Речи Посполитой. Пересмотр отношения к немецкому и еврейскому населению края также был использован Д.А. Толстым для обоснования отказа от политики славянофильского эксперимента. На фоне объединения Германии Бисмарком российские власти стали видеть в немцах потенциальную угрозу, а не лояльную группу, которую ранее активно противопоставляли полякам. Евреев «милютинцы» воспринимали как нелояльную часть населения, примыкавшую к польским «обывательским» классам. Толстой выразил надежду на их аккультурацию посредством образования на русском языке, что стало еще одним аргументом в пользу всеобщей русификации образования.

Ассимиляторские усилия в Царстве Польском были направлены исключительно на греко-униатов, которые считались «испорченной» польским влиянием частью русского народа. Ассимиляторская политика в униатском вопросе не была следствием административной русификации образования. Ее проведение было начато В.А. Черкасским еще в 1865 г. — т.е. она развивалась параллельно с политикой «славянофильского эксперимента». Заданное националистическим чувством принципиальное отрицание субъектности «подавленных польско-католическим влиянием» униатов противоречило принципам политики Н.А. Милютин в крестьянском вопросе и заставляет рассматривать политику российских властей в униатском вопросе как отдельный политический проект.

Представляется неправильным объединять разнонаправленные усилия разных групп имперской бюрократии в российской Польше под

общими понятиями вроде русификации или колониализма. Вместо этого в годы, последовавшие за подавлением восстания 1863–1864 гг., в Царстве Польском можно выделить три различных политических проекта: эксперимент с созданием нового польского национального проекта Н.А. Милютина и А.Ф. Гильфердинга; националистическую политику В.А. Черкасского и его последователей в отношении униатов, похожую на меры, предпринимаемые М.Н. Муравьевым и К.П. Кауфманом в отношении «русского элемента» в Северо-Западном крае; и административную русификацию управления и образования, которая была нацелена на унификацию края и перечеркнула усилия Н.А. Милютина по выстраиванию культурных контуров новой польской нации, но продолжала опираться на институты, созданные в качестве социальных барьеров между крестьянами и высшими слоями польского общества.

Заключение

Крестьянская реформа 1864 г. и последовавшие за ней преобразования Н.А. Милютина кардинальным образом изменили взаимоотношения российских властей с крестьянами и положили конец попыткам имперской власти найти *modus vivendi* с польской шляхтой. Это создало новый характер репрезентации имперской власти в бывшем Царстве Польском после Январского восстания. Обращение властей в Петербурге к реализации проектов решения польского вопроса, выдвигавшихся некоторыми представителями славянофильского движения, стало реакцией на попытки польских повстанцев привлечь крестьянское население края к участию в восстании.

При проведении крестьянской реформы чиновниками из «партии» Н.А. Милютина в Царстве Польском были сформулированы официальные образы реформы, взаимодействия русских чиновников с польскими крестьянами и самих польских крестьян как сознательных членов общества. Эти образы постепенно ушли из официальной пропаганды после отставки Н.А. Милютина и наиболее влиятельных его сторонников в среде российской бюрократии в Царстве Польском во второй половине 1860-х гг. Вместе с тем ключевые тезисы пропаганды милютинской крестьянской реформы — представления о благодарности за освобождение и верности польских крестьян русскому царю, а также об их роли противовеса вредному влиянию высших слоев польского общества в качестве консервативного элемента — закрепились в умах российской бюрократии в крае и оставались основой репрезентации имперской власти в Польше на протяжении последующих десятилетий.

В основе практического взаимодействия членов крестьянских комиссий и местных военных начальников лежала парадигма дисциплинирования. Российские чиновники не боялись конфликтов с крестьянами, постоянно демонстрировали готовность сочетать меры

убеждения и насилие, а также были склонны к директивному управлению созданными в рамках крестьянской реформы гминными институтами. Однако взаимодействие бюрократии и крестьян не ограничивалось опекой, контролем, и принуждением: на протяжении первых нескольких лет работы Учредительного комитета большое внимание уделялось актам символической коммуникации крестьян с монархом, от имени которого провозглашались все общие или локальные меры, направленные на улучшение жизни крестьян или поощрение их за проявление лояльности. Как и система образности, эта символическая коммуникация, потеряв свой регулярный характер, пережила авторов крестьянской реформы и воспроизводилась в последующие десятилетия в форме установки крестьянами памятников российским императорам и прочих спорадических актов выражения лояльности и памяти об освобождении от повинностей и наделении землей российскими властями.

Политика националистически настроенной части российской бюрократии в Царстве Польском в отношении польского крестьянства не была уникальным явлением. Взаимодействие российских чиновников с гминными институтами в Польше представляется возможным сравнивать политикой конструирования сельских обществ на Северном Кавказе¹ и в Центральной Азии², которая также была направлена на исключение традиционных элит из низового управления. Дискурсивное обоснование цивилизаторской миссии российских чиновников в отношении крестьянского населения Царства Польского в некоторой степени повторяет дискурсивную политику прусских и австрийских властей в отношении

¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 189–210; *Бобровников В.О.* Русский Кавказ и французский Алжир: Случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М., 2010. С. 182–209.

² См.: *Центральная Азия в составе Российской империи* / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008. С. 89–100; *Morrison A.S.* Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford, 2008.

крестьян Великого княжества Познанского³, Галиции⁴ и Венгрии⁵. Немецкие чиновники воспринимали их как нецивилизованную, но лояльную группу, интересы которой они должны были защищать от деспотичных местных дворян, которые не справились с задачей повышения материального и культурного уровня своих «меньших братьев».

Чтобы указать на идеологическое обоснование политики «славянофильского эксперимента», необходимо вернуться к тезису Н.А. Милютина о формировании рядом со старой шляхетской новой, «другой польской нации». В основании формулируемой таким образом трансформированной польской идентичности должны были лежать лояльность российской монархии и начала самоуправления — «принципы гражданственности». Диктаторские методы проведения реформ сочетались с демократическими идеалами, постепенному проведению в жизнь которых они должны были служить. Логика нацистроительства более явственно проговаривается реформаторами в польском сюжете, чем в случае с обоснованием реформ в России, но это позволяет полнее понять общую логику Великих реформ.

Люди, организовавшие реформы в Царстве Польском, были главными авторами крестьянской реформы 1861 г. в империи, а более широкий круг их сторонников в столичных бюрократических ведомствах и прессе занимался проведением и идеологическим обоснованием Великих реформ 1860-х гг. В историографии долгое время было принято делать акцент на либерализме авторов Великих реформ. В ходе проведения реформ в Царстве Польском наиболее полное выражение нашли другие стороны взглядов Н.А. Милютина и его соратников: националистические тенденции и

³ См.: *Hagen W.W.* Op. cit.; *Berger S.* Op. cit.

⁴ См.: *Himka J.-P.* Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, 1988; *Struve K.* Op. cit.; *Wolff L.* Op. cit.

⁵ См.: *Gerő A.* Op. cit. P. 92–105; *Evans R.J.W.* Op. cit. P. 147–169; *Gray R.W.* Bringing the Law Back In: Land, Law and the Hungarian Peasantry before 1848 // *The Slavonic and East European Review.* 2013. Vol. 91. No. 3. P. 511–534.

склонность к опоре на диктат бюрократии. Сочетание националистического воображения, обращенного к низшим слоям народа демократизма и, выражаясь словами самого Н.А. Милютина, «диктаториальных» методов в бюрократической практике на несколько лет сделало действительной основой российской политики в Польше славянофильские идеологические установки, область применения которых на протяжении долгого времени была ограничена печатной полемикой. Даже частичного их воплощения на практике оказалось достаточно, чтобы сформировать новую систему репрезентации российской власти в Польше, которая с минимальными изменениями просуществовала до начала Первой мировой войны.

В конце 1860-х гг. под руководством министра народного просвещения Д.А. Толстого российские власти в Царстве Польском отказались от попыток сформировать у крестьян новую польскую национальную идентичность, а также перестали воспринимать органы крестьянского самоуправления как действительную политическую силу. Однако функционирование гминных институтов и представления российских чиновников в Польше о лояльности крестьян не претерпели принципиальных изменений. С некоторыми важными оговорками то же можно сказать о работе комиссаров по крестьянским делам. В годы, последовавшие за упразднением Учредительного комитета и преобразованием крестьянских комиссий в губернские присутствия под председательством губернатора, они жаловались на усиление своей зависимости от полицейской власти уездных начальников⁶. Принципы их взаимодействия с органами крестьянского самоуправления при этом остались прежними.

Пересмотр политики Милютина в крестьянском вопросе, последовавший за его отходом от дел, в действительности был сведен к отказу от наиболее амбициозных целей «славянофильского эксперимента»

⁶ *Корнилов А.А.* Очерки по истории общественного движения. С. 441.

по выстраиванию культурных барьеров между крестьянами и высшими слоями польского общества. Вместо формирования новой польской национальной идентичности чиновники Министерства народного просвещения, которым с конца 1860-х гг. были поручены заботы о воспитании лояльности крестьян, занялись административной русификацией образования. При этом социальные барьеры между крестьянами и высшими слоями польского общества и идеологема о верном и благодарном русскому царю крестьянине, созданные в рамках крестьянской реформы 1864 г., оставались основанием репрезентации российского правления в Польше до самого ее конца в 1915 г.

Принципиальный разрыв с политикой воспитания лояльности крестьян Царства Польского и трансформации их культурных идентичностей прослеживается только в случае с действиями властей в униатском вопросе, где они руководствовались исключительно националистической логикой и в значительной степени копировали политику русификации считавшихся частью русской нации белорусских и малорусских крестьян в Западном крае.

Список источников и литературы

Архивные источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 109: Третье отделение собственной его императорского
величества канцелярии

Оп. 1. Д. 1770

Оп. 2а. Д. 434, 580, 590, 594

Ф. 110: Штаб Отдельного корпуса жандармов

Оп. 24. Д. 314

Ф. 547: Ф.Ф. Берг

Оп. 1. Д. 159, 263, 264, 265, 268, 270, 273

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 733: Департамент народного просвещения

Оп. 193. Д. 184

Оп. 198. Д. 25

Ф. 821: Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД

Оп. 4. Д. 34, 1470, 1471, 1512, 1552, 1556, 1598, 1601

Ф. 869: Милютины

Оп. 1. Д. 565, 566, 567, 568, 569, 573, 587, 590а, 590б, 671, 1144, 1145

Ф. 1270: Комитет по делам Царства Польского

Оп. 1. Д. 1, 26, 28, 68, 563, 567, 579, 633, 743, 1490, 1491, 1492, 1493,
1494, 1495, 1531, 1533, 1607

Ф. 1291: Земский отдел МВД

Оп. 117. Д. 127, 147

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 327: Черкасские

К. 30. Д. 2

К. 31. Д. 1, 2, 8

К. 32. Д. 1

К. 34. Д. 5, 13

К. 39. Д. 4

К. 52. Д. 3, 4, 5, 6, 8

Ф. 610: П.А. Шувалов

К. 1. Д. 9

Zespoły archiwalne Instytutu Józefa Piłsudskiego w Ameryce (IIPA)

Z. 84: W. Płatonow

T. 2, 7, 8

Опубликованные источники:

Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел (1861–1864). Т. I, II. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 421, 587 с.

Всепоподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова 22 марта 1861 г. Варшава // Русская старина. 1899. Т. С. Октябрь. С. 128–129.

Головна Руська Рада (1848–1851): протоколи засідань і книга кореспонденції / За ред. О. Турія, упорядн. У. Кришталович та І. Сварник. Львів: Інститут Історії Церкви Українського Католицького Університету, 2002. xxxiv, 270 с.

Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского, 40–80 годы XIX века / Отв. ред. С.А. Никитин. М.: Наука, 1975. 576 с.

Из переписки князя В.А. Черкасского и Н.А. Милютина по польским делам // Славянское обозрение. 1892. Т. I. Кн. I. Январь. С. 51–69; Т. I.

Кн. III. Март. С. 359–378; Т. II. Кн. VII–VIII. Июль–август. С. 295–335; Т. III. Кн. XI–XII. Ноябрь–декабрь. С. 306–329.

Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению, произведенные под руководством сенатора, статс-секретаря Милютина. Т. 1, 2, 4. СПб., 1863, 1864.

Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) / Изд. подг. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 2002. 475 с.

Крестьяне и крестьянский вопрос в Восстании 1863 года. По материалам Радомской губернии / Red. Tomu: S. Kieniewicz i I. Kostiuszko. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1962. xlv, 306 с.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864, 1868 – начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003, 2006. 688, 736 с.

Николай Алексеевич Милютин в его заботах о крестьянском и судебном деле в Царстве Польском // Русская старина. 1884. Кн. VI. Июнь. С. 585–594.

Объяснительная записка к проекту положения о заселении и управлении Северо-Восточного берега Черного моря. б.м., б.г. 7 с.

Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862 / Отв. ред. С.Н. Балк. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 311 с.

Переписка наместников Королевства Польского: Август 1863–май 1864 / Red. tomu: S. Kieniewicz, I.S. Miller. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1978. xxiv, 301 с.

Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. Т. I, II, III, IV, V, IX, XV, XVII. Варшава, 1865, 1867, 1869, 1870.

Dziennik Praw. Tom 62, 63. Warszawa: W Druk. Rządowej przy Kommissyi Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, W Druk. Rządowej przy Kommissyi Rządowej Oświecenia Publicznego, 1864, 1865.

Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich.
Т. VII. Р.: E. Plon et C-іe, 1883. vii, 662 p.

Материалы публицистики:

Гильфердинг А.Ф. Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1871. 18, сxxix с.

Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. II. Статьи по современным вопросам славянским. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 494, vi с.

[*Кулиш П.А.*] Древняя Русь в Царстве Польском // Холмский греко-униатский месяцеслов на 1866 год. Варшава, 1866. С. 84–92.

О ходе крестьянского дела в Царстве Польском. СПб.: В Военной типографии, 1864, 1865. 28, 20 с.

О ходе крестьянского дела в Царстве Польском: Отчет третий (за 1865 год). СПб.: В печатне В. Головина, 1866. 71 с.

Соловьев М. [*Я.А. ?*]. Судебная реформа в Привислянском крае // Русский вестник. 1868. Т. 74. Март. С. 237–264.

Mochnicki M. Czemu massy nie powstają? // Działa Maurycego Mochnickiego. Т. IV. Pisma rozmaite. Poznań: Nakł. Księgarni Jana Konstantego Żupańskiego, 1863. S. 36–40.

Материалы газет:

Весть. 1868. 12 апреля. № 42.

Голос. 1864. 8 (22) сентября. № 248.

Официальная газета Царства Польского. 1846. 4 (16) Марта. № 59.

Русский инвалид. 1864. 4 (16) декабря. № 269; 10 (22) декабря. № 274; 1865. 21 февраля (5 марта). № 39; 27 февраля (11 марта). № 44; 2 (14) марта. № 46; 3 (15) марта. № 47; 1865. 7 (19) марта. № 51; 6 (18) июня. № 122; 30 августа (11 сентября). № 190; 23 сентября (7 октября). № 210; 1 (13) октября.

№ 215; 24 ноября (6 декабря). № 260; 28 ноября (20 декабря). № 264; 1866.
26 января (7 февраля). № 24; 14 (26) июня. № 151.

Северная почта. 1863. 9 апреля. № 76.

Neue Preußische (Kreuz-) Zeitung. 1864. 3. December. № 284; 13.
December. № 292.

Учебные пособия:

Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета, 2015. 248 с.

Словарные и энциклопедические статьи:

«Вера» // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal/вера> (дата обращения: 28.04.2025).

Duignan B. “Identity Politics” // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/identity-politics> (дата обращения: 28.04.2025).

Heyes C. “Identity Politics” // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2024 Edition) / Eds.: E.N. Zalta & U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (дата обращения: 28.04.2025).

“Loyalty” // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/loyalty> (дата обращения: 28.04.2025).

Исследования:

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Батюшков П.Н. Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1887. xvi, 216, 62 с.

Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: Случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209.

Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

Болтунова Е. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.

Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 560 с.

Вендланд А.В. Русофіли Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915. Львів: Літопис, 2015. 688 с.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // *Вестник РУДН. Серия История России.* 2016. № 1. С. 7–19.

Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio.* 2005. № 2. С. 135–166.

Горак А., Лятавец К. Российские бюрократические элиты Царства Польского (1839–1918) // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 37–47.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.

[*Гурко В.И.*] *В.Р.* Очерки Привислянья. М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. 377 с.

Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.

Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.

Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум: Дом печати, 2017. 656 с.

Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 127–174.

Долбилов М.Д. Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. 9 (127). 5–48 с.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. 264 с.

История Польши. Т. II / Под ред. И.С. Миллера и И.А. Хренова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 711 с.

Карцов Е. Аграрные отношения в Польше // Вестник Европы. 1882. Г. 17. Т. 6. Кн. 11. Ноябрь. С. 7–34.

Каиштанова О.С. Языковая политика в сфере образования в западных губерниях России и Царстве Польском в XIX в. // ЦЕИ. 2019. № 2 (11). С. 180–208.

Кизеветтер А. Николай Алексеевич Милютин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М.: Издание «Научного слова», 1911. С. 233–266.

Книга в России. Ч. II: Русская книга девятнадцатого века / Под ред. В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2008. 512 с.

Кордуба М. Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надвального радника) // Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1930. Т. С. Ч. II. Праці історичні. С. 327–377.

Корнаухова (Нигалатий) М.Е. Реформа системы образования в Царстве Польском в 1864–1867 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 98–109.

Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1905. vii, 475 с.

Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. П.: Огни, 1915. 93 с.

Корнилович М.И. Очерк крестьянской реформы в Привислинских губерниях. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1914. 161 с.

Костюшко И.И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (Сравнительный очерк). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 145 с.

Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 496 с.

Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.

Котов В.В. Идея славянской взаимности в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х гг. (на примере сокольского движения) // Русин. 2022. №69. С. 233–255.

Крот М.Н. «Мирное завоевание умов и сердец силою просвещения...»: деятельность Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. Вып. 2 (112). URL: <https://history.jes.su/s207987840018225-6-1/> (Доступ для зарегистрированных пользователей). (Дата доступа: 19.05.2025).

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

[*Крыжановский Е.М.*] Князь В.А. Черкасский и холмские греко-унияты. Вып. I. Варшава: В тип. Варшавского учебного округа, 1879. 170 с.

Крыжановский Е.М. Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). Сборник статей с предисловием И.П. Филевича. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. xlvі, 434 с.

Лазарев М.В. Политическая лояльность и легитимность власти // Экономические стратегии. 2003. № 6. С. 22–27.

Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт Славяноведения РАН, 2002. 178 с.

Литвинова Т. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 648 с.

Максимов А.И. Деятельность российской гражданской администрации в Царстве Польском в период реформ 1860-х гг. Дис. ... канд. ист. н. Брянск, 2017. 238 с.

Маузуато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: От этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: “Центр Исследований Национализма и Империи”, 2004. С. 427–458.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Миллер А.И., Остапчук О.А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5. С. 25–48.

Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 393–406.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Владимир Даль, 2022. 476 с.

Нахлік Є. Варшавська служба Пантелеймона Куліша // Проблеми слов’язнознавства. 1995. Вип. 47. С. 3–24.

Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Нигалатий М.Е. Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е – сер. 70-х гг. XIX в.: Начальное и среднее образование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 235 с.

Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.

Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия. Т. II. Формы господства. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 576 с.

Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2001. 201 с.

Пильц Э. Русская политика в Польше. Варшава: Тип. акц. общ. С. Оргельбранда, 1909. 143 с.

Погодин А. История польского народа в XIX веке. М.: Тип. Торг. дома «Мысль», 1915. ii, 297 с.

Попова О.В., Гришин Н.В. Инструменты государственной политики идентичности в современном мире // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 325–340.

Попов Н. Судьбы унии в русской Холмской епархии. М.: Университетская тип., 1874. 139 с.

Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1957. 358 с.

Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

Симоненко Г.Ф. Царство Польское сравнительно с Познанью и Галицией в отношении их успехов экономических, умственных и нравственных со времени крестьянских реформ 1848, 1850 и 1864 годов в этих провинциях: публичные лекции, читанные в Варшаве в зале Русского собрания в пользу Общества Красного креста. Варшава: Тип. Медицинской газеты, 1878. vi, 86 с.

Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

Спасович В.Д. Жизнь и политика маркиза Велёпольского: Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1882. 332, ii с.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Студинський К. Слідами Куліша // Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1928. Т. CXLVIII. Праці історично-філологічної секції. С. 241–306.

Суляк С.Г. Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108.

Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147.

Сухий О. Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у ХІХ столітті). Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. 495 с.

Тесля А.А. «Истинно русские люди»: История русского национализма. М.: Группа компаний «РИПОД классик» / Панглосс, 2019. 319 с.

Тесля А.А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840-х – первой половине 1860-х годов // Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 108–134.

Токть С. Латиница или кириллица: Проблема выбора алфавита в белорусском национальном движении во второй половине ХІХ – начале ХХ века // Ab Imperio. 2005. № 2. 297–319.

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2.: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

Успенский Б.А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и

орфографии) // Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 123–173.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

Храневич В.И. Очерки экономического быта крестьянства в Царстве Польском. СПб.: Типо-лит. "Энергия", 1906. 145 с.

Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М.: ООО «ТИД "Русское слово-РС"», 2002. 432 с.

Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.

Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2013. 447 с.

Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука, 1989. 207 с.

Чешская нация на заключительном этапе формирования / Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М.: Наука, 1989. 272 с.

Щебальский П.К. Николай Алексеевич Милютин и реформы в Царстве Польском. М.: Университетская тип., 1882. 123 с.

Ячменихин К.М. Армия и реформы: Военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверянська думка, 2006. 444 с.

Ячменихин К.М. Военные поселения при императоре Николае I // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. М.: Модест Колеров, 2009. С. 64–73.

Adamska I. Wpływ polskiej myśli na poglądy historyczne Pantelejmona Kulisza // *Myślą i słowem: Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku / Pod red. Łukasza Adamskiego i Sławomira Dębskiego.* Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2014. S. 333–356.

Almagro M., Andrés-Cerezo D. The construction of national identities // *Political Economics.* 2020. No. 15. P. 763–810.

Armstrong J.A. Mobilized and Proletarian Diasporas // *The American Political Science Review.* 1976. Vol. 70. No. 2. P. 393–408.

Bańkowski E. Ruś Chełmska od czasu rozbioru Polski. Lwów: Druk. Narodowa W. Manieckiego, 1887. 248 s.

Berger S. Building the Nation Among Visions of German Empire // *Nationalizing Empires / Ed. by Stefan Berger and Alexei Miller.* Budapest; N. Y.: CEU Press, 2015. P. 247–308 p.

Berger S., Miller A. Introduction: Building Nations in and with Empires — A Reassessment // *Nationalizing Empires / Ed. by Stefan Berger and Alexei Miller.* Budapest; N. Y.: CEU Press, 2015. P. 1–30.

Berg M. Zapiski o polskich spiskach i powstaniach. Cz. X. Warszawa: Druk Ed. Nicza i S-ki, 1906. 142 s.

Blanke R. “Polish-Speaking Germans?” Language and National Identity Among the Masurians // *Nationalities Papers.* 1999. Vol. 27, No. 3. P. 429–453.

Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. T. III. Dzieje porozbiorowe. Warszawa: Druk. Piotr Pyz i S-ka, 1931. vi, 442 s.

Borisionok J. Chłop i szlachcic na ziemiach białoruskich w długim XIX wieku: z czego i dlaczego zrodził się białoruski projekt narodowy // *O ziemię naszą, nie waszą: Ideowe aspekty procesów narodotwórczych w Europie Środkowej i Wschodniej / Pod red. Łukasza Adamskiego.* Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2017. S. 285–305.

Brodowska H. Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864–1904. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. 384 s.

Brodowski F. Reforma włościańska 1864 r. Warszawa: Druk. L. Brus, 1916. 48 s.

Brodowski F. Zasady ustawodawstwa agrarnego w Królestwie Polskim 1864–1915. Warszawa: Druk. i lit. p.f. „Jan Cotty”, 1920. 187 s.

Brüggemann K. Als Land und Leute »russisch« werden sollten: Zum Verständnis des Phänomens der »Russifizierung« am Beispiel der Ostseeprovinzen des Zarenreichs // Kampf um Wort und Schrift: Russifizierung in Osteuropa im 19.–20. Jahrhundert / Hg. von Z. Gasimov. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. S. 27–49.

Brüggemann K. Representing Empire, Performing Nation? Russian Officials in the Baltic Provinces (Late Nineteenth / Early Twentieth Century) // *Ab Imperio*. 2014. № 3. C. 231–240.

Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim: Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław: Funna, 1999. 358 s.

Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. 259 s.

Dolbilov M. The Emancipation Reform of 1861 in Russia and the Nationalism of the Imperial Bureaucracy // Construction and Deconstruction of National History in Slavic Eurasia / Ed. by T. Hayashi. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. P. 205–235.

Dowell A.M. The Case for Political Loyalty // *IU South Bend Undergraduate Research Journal*. 2008. Vol. 8. P. 49–54.

Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal; Kingston; L.; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2001. xiv, 296 p.

Emirbayer M., Mische A. What Is Agency? // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 103. No. 4. P. 962–1023.

Evans R.J.W. Austria, Hungary, and the Habsburgs: Central Europe c. 1683–1867. Oxford: Oxford University Press, 2006. xvii, 337 p.

Gerő A. Modern Hungarian Society in the Making: The Unfinished Experience. Budapest; L.; N. Y.: CEU Press, 1997. xii, 276 p.

Gil A. Utracona szansa. Unici diecezji chełmskiej wobec rosyjskiego, polskiego i ukraińskiego ruchu narodowego (1815–1875) // *Radzyński Rocznik Humanistyczny*. 2014. T. 12. S. 97–112.

Glinka L. Diocesi ucraino-cattolica di Cholm (Liquidazione ed incorporazione alla Chiesa russo-ortodossa) (Sec. XIX). R.: PP. Basiliani, 1975. 274 p.

Gorizontow L. System zarządzania Królestwem Polskim w latach trzydziestych–pięćdziesiątych XIX wieku // *Przegląd Historyczny*. 1985. T. 76. Nr 4. S. 711–731.

Gray R.W. Bringing the Law Back In: Land, Law and the Hungarian Peasantry before 1848 // *The Slavonic and East European Review*. 2013. Vol. 91. No. 3. P. 511-534.

Groniowski K. Uwłaszczenie chłopów w Polsce: geneza — realizacja — skutki. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1976. 363 s.

Groniowski K. Realizacja reformy uwłaszczeniowej 1864 roku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963. 285 s.

Groniowski K. Walka Milutina z Bergiem (Spór o reorganizację Królestwa Polskiego po roku 1863) // *Kwartalnik Historyczny*. 1962. R. 69. Nr 4. S. 891–906.

Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: ARCANA, 2000. 582 s.

Głębocki H. Kresy imperium: Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek). Kraków: ARCANA, 2006. 568 s.

Górak A., Latawiec K. Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin: ELPIL, 2016. 288 p.

Hagen W.W. Germans, Poles, and Jews: The Nationality Conflict in the Prussian East, 1772–1914. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1980. ix, 406 p.

Halicz E. Kwestia chłopska w Królestwie Polskim w dobie Powstania Styczniowego. Warszawa: Książka i Wiedza, 1955. 361 s.

Himka J.-P. Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1988. xxxvi, 358 p.

Himka J.-P. Religion and Nationality in Western Ukraine: The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867–1900. Montreal; Kingston; L.; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 1999. xxx, 236 p.

Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // Intellectuals and the Articulation of the Nation / Ed. by Ronald Grigor Suny and Michael D. Kennedy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. P. 109–169.

Jedlicki J. Nieudalna próba kapitalistycznej industrializacji. Analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX w. Warszawa: Książka i Wiedza, 1964. 414 s.

Jemielity W. Dziesięciny kościelne w Królestwie Polskim // Prawo Kanoniczne: kwartalnik prawnohistoryczny. 1997. 3–4 (40). S. 239–262.

Judson P.M. Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria. Cambridge; L.: Harvard University Press, 2006. xvi, 313 p.

Judson P.M. Making Minorities and Majorities: National Indifference and National Self-Determination in Habsburg Central Europe // Sovereignty, Nationalism, and the Quest for Homogeneity in Interwar Europe / Ed. by E. Dalle Mulle, D. Rodogno, M. Bieling. L.: Bloomsbury Academic, 2023. P. 21–38.

Kaczkowski J. Antyteza stosunków agrarnych w Polsce i w Rosji. Warszawa; Lublin; Łódź; Kraków: G. Gebertner i spółka, 1918. 128 s.

Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Powstaniu Styczniowym. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1953. 408 s.

Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg — wielkorządca w feudalnym, czy też w burżuazyjnym stylu? // Między feudalizmem a kapitalizmem: Studia z dziejów gospodarczych i społecznych / Red. R. Czepulis-Rastenis, S. Kieniewicz, J. Leskiewiczowa, T. Lepkowski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1976. S. 277–285.

King J. Budweisers into Czechs and Germans: A Local History of Bohemian Politics, 1848–1948. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005. xv, 284 p.

Klier J.D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. xx, 534 p.

Konic H. Samorząd gminny w Królestwie Polskim w porównaniu z innymi krajami europejskimi. Warszawa: Nakł. Księgarni E. Wende i S-ka, 1906. 227 s.

Korduba M. Ukazy Jugenheimskie. Warszawa: Star. Uniwersytetu Warszawskiego, 1931. 88 s.

Korobowicz A. Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1915. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995. 175 s.

Kozłowski J. Realizacja reformy administracyjnej w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // Przegląd Historyczny. 1998. T. 89. Nr 2. S. 233–250.

Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 414 s.

Kołodziejczyk R. Zamiana miast na osady w Królestwie Polskim // Miasta, mieszczaństwo, burżuazja w Polsce w XIX w. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 34–41.

[*Kraushar A.*] *Alkar.* Czasy szkolne za Apuchtina. Kartka z pamiętnika (1879–1897). Warszawa: Tow. akc. S. Orgelbranda synów, 1916. 64 s.

Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego. T. IV. Wyzwalanie ludów. Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego Instytutu Popierania Nauki, 1931. 509 s.

Kutrzeba S. Sprawa polska w Królestwie Polskiem 1815–1915. Lwów: Nakł. Księgarni Polskiej B. Połonieckiego, 1916. 75 s.

Lazda P. The Phenomenon of Russophilism in the Development of Latvian Nationalism in the 19th Century // National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century / Ed. by Aleksander Loit. Uppsala: Acta Universitatis Stockholmiensis. P. 129–135.

Leroy-Beaulieu A. Un homme d'État russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite: Étude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1855–1872). P.: Librairie Hachette et c-ie, 1884. xi, 332 p.

Leszczyński A. Ludowa historia Polski: Historia wyzysku i oporu. Mitologia panowania. Warszawa: WAB, 2020. 669 s.

Lewandowski J. Likwidacja obrządku greckokatolickiego w Królestwie Polskim w latach 1864–1875 // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. 1966. T. 21. Nr 9. S. 213–244.

Lewandowski J. Na pograniczu: Polityka władz państwowych wobec unitów Podlasia i Chełmszczyzny 1772–1875. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. 155 s.

Likowski E. Dzieje Kościoła Unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku. Cz. II. Warszawa: Druk. Piotra Laskauera i S-ki, 1906. 311, iv s.

Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. xix, 297 p.

Lincoln W.B. Nikolai Miliutin an Enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville: Oriental Research Partners, 1977. x, 130 p.

Lincoln W.B. The Making of a New Polish Policy: N.A. Milyutin and the Polish Question, 1861–1863 // The Polish Review. 1970. Vol. 15. No. 1. P. 54–66.

Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison: The University of Wisconsin Press, 2010. xv, 277 p.

Miller A. The Romanov Empire and the Russian Nation // Nationalizing Empires / Ed. by Stefan Berger and Alexei Miller. Budapest; N. Y.: CEU Press, 2015. P. 309–368.

Moller de A. Situation de la Pologne au 1er Janvier 1865. P.: E. Dentu, libraire éditeur, 1865. 450, 248 p.

Morrison A.S. Russian Rule in Samarkand 1868-1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008. xxx, 363 p.

Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2008. xvii, 424 p.

Oestreich G. Strukturprobleme des europäischen Absolutismus // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1968. 55. Bd. H. 3. S. 329–347.

Osiecka M. Urzędnicy komisji rządowych Królestwa Polskiego w latach 1815–1867 // Miscellanea Historico-Archivistica. 2014. T. 21. S. 171–196.

Popova O. State Identity Policy in “New” States: The Limits of Efficiency // Balkan Social Science Review. 2019. Vol. 14. P. 141–157.

Poulsen L.N.S. Loyalty in world politics // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 1156–1177.

[*Przyborowski W.*] Dzieje 1863 roku. T. 1. Kraków: Nakład i druk W.Ł. Anczyca i Spółki, 1897. 505 s.

[*Przyborowski W.*] Z.L.S. Ostatnie chwile Powstania Styczniowego. T. II. Poznań, Kraków: Druk. Kuryera Poznańskiego, 1887. 318 s.

Rhineland A.L.H. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal; Kingston; L.; Buffalo: McGill-Queen’s University Press, 1990. viii, 279 p.

Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. 295 p.

Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. Thaden E.C. Princeton: Princeton University Press, 1981. xiii, 497 p.

Sempołowska S. Reforma szkolna 1862 roku: Organizacja szkolnictwa elementarnego. Warszawa: Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie, 1915. 119 s.

Shapiro S.P. Agency Theory // *Annual Review of Sociology*. 2005. Vol. 31. P. 263–284.

Smyk G. An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. XXX. Nr 1. S. 289–305.

Sokoł K., Sosna A. Stulecie w kamieniu i metalu: Rosyjskie pomniki w Polsce w latach 1815–1915. Moskwa: MID Synergia, 2005. 93 s.

Staliūnas D. Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam, N. Y.: Rodopi, 2007. xiii, 465 p.

Stanislawski M. Tsar Nicholas and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825–1855. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. xvi, 246 p.

Struve K. Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 485 S.

Strycharska-Brzezina M. Polskojęzyczne podręczniki dla klasy I szkoły elementarnej w Królestwie Polskim drukowane grażdanką. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2006. 612 s.

Subačius G. Development of the Cyrillic Orthography for Lithuanian in 1864–1904 // *Lituanus*. 2005. Vol. 51. No. 2. P. 29–55.

Szabaciuk A. „Rosyjski Ulster” Kwestia Chełmska w polityce imperialnej Rosji w latach 1863–1915. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2013. 308 s.

Targowski J.K. Komitet Urządzający i jego ludzie // *Przegląd Historyczny*. 1937–1938. T. 34. Nr 1. S. 156–197.

Tarkowski M. Kwestia włościańska i reforma sądowa Aleksandra II na łamach „Gazety Sądowej Warszawskiej” (1873–1915) — ocena z perspektywy

poglądów Józefa Kasznicy na istotę prawa // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 2024. T. 76. Z. 2. S. 105–125.

Thaden E.C. Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton: Princeton University Press, 1984. xi, 278 p.

The Invention of Tradition / Ed. by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p.

Tilly C. How Empires End // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / Ed. by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder: Westview, 1997. P. 1–11.

Tsyryfa I. Formation of Modern State Identity: Social and Cultural Dimensions // *Covenant University Journal of Politics and International Affairs*. 2013. Vol. 1. No. 2. P. 135–147.

Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. xiii, 297 p.

Weeks T.R. The “End” of the Uniate Church in Russia: The Vozsoedinenie of 1875 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. H. 1 (1996). P. 28–40.

Wereszycki H. Historia polityczna Polski 1864–1918. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1990. 309 s.

Werth P.W. 1837: Russia's Quiet Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2021. xviii, 213 p.

Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2010. 439 s.

Wolff L. The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford: Stanford University Press, 2010. xi, 486 p.

Zahra T. Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 93–119.

Zasztowt L. Kresy 1832–1864: Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, Instytut Historii Nauki Polskiej Akademii Nauk, 1997. 456 s.

Świętochowski A. Historia chłopów polskich w zarysie. Cz. II. W Polsce podległej. Lwów; Poznań: Nakł. Wydawnictwa Polskiego, 1928. x, 509 s.